

Санкт-Петербургский
государственный
университет
www.spbu.ru

АКТУАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ: новые тенденции в теории и методах

*Сборник научных статей
по итогам VI Социологической Школы СПбГУ*

26–29 октября 2016 года

Санкт-Петербург
2017

ББК 60.5
А43

Главный редактор: Е.С. Богомяткова
Ответственный секретарь: Е.В. Евсикова

А43 Актуальная социология и вызовы современности: новые тенденции в теории и методах: Сборник научных статей по итогам VI Социологической Школы СПбГУ 26–29 октября 2016 года / Под ред. Е.С. Богомятковой. — СПб.: Скифия-принт, 2017. — 195с.

ISBN 978-5-98620-298-3

Сборник научных статей «Актуальная социология и вызовы современности: новые тенденции в теории и методах» издается по итогам VI Социологической школы СПбГУ, организованной факультетом социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Успешная реализация с 2011 года данного научного и образовательного проекта позволяет говорить о его востребованности среди молодых ученых. С каждым годом география участников расширяется, охватывая не только регионы России, но и страны ближнего зарубежья.

В сборнике представлены статьи участников Школы (студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей), а также всех желающих, отражающие результаты теоретических и эмпирических исследований по широкому кругу тем: от актуальных теоретических проблем социологии до исследований молодежи, коммуникаций и здоровья; включен и ставший уже традиционным раздел по истории социологии. Сборник может быть интересен профессиональным социологам, представителям социального и гуманитарного знания, аспирантам и студентам.

ББК 60.5
А43

ISBN 978-5-98620-298-3

© Коллектив авторов, 2017
© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Богомягкова Е.С., Евсикова Е.В.</i>	
Предисловие	7

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

<i>Кашпар В.И.</i>	
Концепция социальных изменений И. Валлерстайна: анализ антисистемных движений и образ новой науки	11
<i>Ковтун Е.А., Яколенко А.Д.</i>	
Социологический анализ современных миграционных процессов	24
<i>Николаенко Г.А.</i>	
Три «Т»: Теория, Травма, Трамп, или теоретические основания социологического анализа травмы	36
<i>Александрова А.А.</i>	
Переосмысление роли социометрических исследований в рамках социологии организаций	51

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И КОММУНИКАЦИЙ

<i>Беспалова П.А., Ваневская П.Н.</i>	
Визуальные методы и фотография в современном социологическом исследовании	57
<i>Дупак А.А.</i>	
Основные направления исследований в социологии кино	64
<i>Самарина А.О.</i>	
К вопросу о современных теориях изучения образа гражданина в отечественном кинематографе	80
<i>Морозова В.О.</i>	
Теоретические обоснования формирования и распространения информационных потоков пользователями социальных сетей	87
<i>Свищёва Е. А.</i>	
Роль сети интернет в процессе политической социализации молодежи	95
<i>Швиндт У.С.</i>	
Роль радио в структуре жизнедеятельности молодежи города Екатеринбурга	104

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

<i>Румянцева М. А., Филиппова Т.И., Шапкина А.Н., Шестакова С.А.</i>	
Внимание к морали как фактор, понижающий уровень академического мошенничества среди российских студентов	114

Латыпов И.А.

Сравнительный анализ систем ценностей городской молодежи России
и Узбекистана 122

Махова М.А.

Ориентация сельских старшеклассников на высшее образование 134

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ И МЕДИЦИНЫ

Руппель А.Ф.

Конструирование потребления лекарственных препаратов посредством
рекламы в условиях фармацевтизации общества. 151

Бочкарева А.В.

Вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) в контексте
теории «Эпохи доступа». 159

Искандерова Л.В.

Отношение студентов к вспомогательным репродуктивным технологиям. 165

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

Бочкарева В.И.

Участие отечественных социологов в литературном процессе (Середина
XIX — начало XX века) 185

Информация об авторах. 192

CONTENT

Elena S. Bogomiagkova, Ekaterina V. Evsikova

Foreward 7

PROBLEMS OF CURRENT SOCIOLOGY

Vadim I. Kashpar

The Concept of Social Changes by I. Wallerstein: The Analysis of Anti-systemic Movements and Image of a New Science 11

Ekaterina A. Kovtun, Anastasia D. Yakolenko

Sociological Analysis of Modern Migratory Processes 24

Georgiy A. Nikolaenko

Three «T»: Theory, Trauma, Tramp or Theoretical Bases of Sociological Analysis of Trauma 36

Anastasiia A. Aleksandrova

Reconsideration of the Role of Sociometric Research in Sociology of Organizations 51

SOCIOLOGY OF CULTURE AND COMMUNICATION

Polina A. Bespalova, Polina N. Vanevskaya

Visual Methods and Photographs in Modern Sociological Research 57

Anna A. Dupak

Main Trends of Research in the Sociology of Film 64

Samarina A. Olegovna

Researching Image of the Citizen in the Domestic Film Industry in Modern Theories. 80

Vitaliya O. Morozova

Theoretical Bases of Formation and Spreading Informational Flows by Users of Social Networks 87

Ekaterina A. Svishcheva

The Role of the Internet in the Process of Political Socialization of Youth . . . 95

Uliana S. Shvindt

The Role of Radio in the Structure of Yekaterinburg Young People Life Activity 104

STUDIES OF TODAY'S YOUTH

Mariya A. Rumyantseva, Tatyana I. Filippova, Alexandra N. Shapkina, Svetlana A. Shestakova

Attention to Morality as a Factor Decreasing the Level of Academic Dishonesty among Russian Students 114

Ilyas A. Latipov

Comparative Analysis of the Values System of Russian and Uzbekistan Urban Youth 122

Maria A. Makhova

Rural High School Student's Attitude to Higher Education 134

SOCIOLOGY OF HEALTH AND MEDICINE

Anastasia F. Ruppel

Constructioning of Consumption of Medicines by Means of Advertising
in the Conditions of a Pharmaceuticalization of Society. 151

Anna V. Bochkareva

Assisted Reproductive Technology (ART) in the Context
of «the Age of Access» 159

Liliya V. Iskanderova

Students' Attitudes to Assisted Reproductive Technologies 165

HISTORY OF SOCIOLOGY

Vera I. Bochkareva

The Participation of Russian Sociologists in the Literary Process (the Middle of
the XIX – Beginning of XX). 185

Authors 192

Елена Сергеевна Богомягкова
Санкт-Петербургский государственный университет

Elena S. Bogomiagkova
St-Petersburg State University

Екатерина Валерьевна Евсикова
Санкт-Петербургский государственный университет

Ekaterina V. Evsikova
St-Petersburg State University

ПРЕДИСЛОВИЕ

Foreward

С 26 по 29 октября 2016 г. в СПбГУ прошел очередной научно-образовательный семинар «VI Социологическая школа СПбГУ». Каждый год на факультет социологии съезжаются студенты, магистранты, аспиранты, молодые специалисты и преподаватели из разных уголков России и ближнего зарубежья, заинтересованные в обсуждении актуальных проблем социологической теории и практики. Социологическая школа СПбГУ выступает площадкой для научной дискуссии как профессиональных социологов, так и студентов, еще только начинающих академическую карьеру. Участники получают возможность полностью погрузиться в процесс обучения, а также обсудить наиболее острые вопросы современной науки, познакомиться с новыми концепциями и методами социологического исследования. Первая Школа состоялась в 2011 г. по инициативе активных студентов и преподавателей кафедры теории и истории социологии СПбГУ в лице профессора А. О. Бороноева, доцента Е. С. Богомягковой и доцента М. В. Ломоносовой.

Нужно подчеркнуть, что значительную роль в организации мероприятия играют студенты, магистранты, аспиранты, как выступающие полноправными членами Программного комитета Школы, так и работающие в качестве волонтеров. Без их помощи и участия Социологическая школа СПбГУ вряд ли могла состояться в интерактивном формате, который является ее отличительной особенностью. В 2016 г. стоит особенно отметить работу аспирантов и магистрантов факультета социологии: Г. А. Николаенко, Е. В. Евсиковой, В. С. Сергеева.

Школа носит междисциплинарный характер. Приветствуется участие студентов разных специальностей, а в качестве лекторов выступают как преподаватели СПбГУ, так и приглашенные специалисты из других вузов, научных и исследовательских организаций. Школа способствует объединению и воспроизводству социологического сообщества, включению молодого поколения в исследовательский процесс, повышает привлекательность и статус СПбГУ в глазах потенциальных абитуриентов, а также участников и лекторов из других вузов России.

Тематика Школы меняется каждый год. В 2016 г. в фокусе внимания оказались новые тенденции в теории и методах социологической науки в контексте вызовов современности. В качестве ключевых лекторов Школы были приглашены Д. В. Иванов, П. В. Колозариди, Ю. Г. Рыков, К. С. Губа, М. М. Соколов, В. Г. Ушакова, М. В. Ломоносова, В. В. Козловский, Г. А. Николаенко, Е. А. Островская, Д. А. Васильева, О.Ю. Бойцова, В. С. Стариков, Н. Д. Трегубова, В. С. Сергеев, А. А. Федорова, Е. А. Наумов, В. В. Новицкий. В ходе занятий обсуждался широкий круг вопросов — от анализа современного состояния социологии и основных трендов актуального теоретизирования до исследований интернета, *network science*. Участников также интересовали осмысление социальных изменений, изучение коллективной памяти, возможности анализа любительской фотографии и т. д. В ходе занятий удалось рассмотреть значительное количество актуальных направлений теории и методологии, отражающих текущее состояние социологии. В данном сборнике представлены результаты авторских эмпирических исследований и теоретические обзоры студентов и преподавателей.

Поскольку тема Школы в 2016 г. была сформулирована максимально широко и позволяла охватывать разнообразные исследовательские вопросы, это нашло отражение в структуре сборника. Представленные авторами материалы, несмотря на их оригинальность и принадлежность к разным традициям, условно можно сгруппировать в несколько основных тематических разделов. Статьи первого направления «Актуальные проблемы современной социологии» посвящены рассмотрению некоторых социологических теорий. Так, в статье В. И. Кашпара представлен развернутый анализ концепции социальных изменений И. Валлерстайна, а материал Е. А. Ковтуна и А. Д. Яколенко освещает возможности социологического изучения современных миграционных процессов. Г. А. Николаенко предлагает теоретическое объяснение феномена культурной травмы и приводит в качестве примера оригинальный сюжет. Попытка, и весьма успешная, вернуть социометрические исследования в пул современной социологической методологии отражена в статье А. А. Александровой. Автор проводит параллели между ранними социометрическими исследованиями Я. Морено

и сетевым анализом, систематизирует достоинства и ограничения метода социометрии.

Неудивительно, что основная часть статей участников представлена в следующих двух направлениях, заслуженно пользующихся популярностью не только среди студентов, но и среди именитых ученых. В раздел «Социология культуры и коммуникаций» вошли материалы, посвященные изучению современных средств массовой коммуникации, и прежде всего, интернета. Открывает раздел статья П. А. Беспаловой и П. Н. Ваневской, в которой авторы размышляют о возможностях социологического анализа визуальных материалов, среди которых главное место занимает фотография. А. А. Дупак осуществляет интересную и подробную систематизацию основных направлений исследования кино в социологии. В статье А. О. Самариной реализована попытка рассмотрения категории «образ» на примере изучения образа гражданина в отечественном кинематографе. В. О. Морозова рассуждает о формировании информационных потоков пользователями социальных сетей, а анализ роли интернета в политической социализации молодежи представлен в материале Е. А. Свищёвой. Не совсем традиционной теме посвящена статья У. С. Швиндт — автор на основании конкретного эмпирического исследования изучает роль радио в структуре жизнедеятельности молодежи г. Екатеринбурга и приходит к интересным выводам.

Третий блок статей включает исследования современной молодежи. Злободневная тема — проблема академического мошенничества среди студентов и факторы, влияющие на данные практики, — отражена в статье М. А. Румянцевой (в соавт.: Т. И. Филиппова, А. Н. Шапкина, С. А. Шестакова). И. А. Латыпов осуществляет интересный анализ ценностных ориентаций городской молодежи России и Узбекистана, а М. А. Махова изучает мотивацию сельских старшеклассников на получение высшего образования. Конечно, тематики второго и третьего блока отчасти пересекаются, и сделанное разделение носит условный характер, поскольку большинство работ, опирающихся на эмпирическое исследование, в качестве объекта предполагают обращение к современной молодежи.

Раздел «Социология здоровья и медицины» содержит оригинальные и интересные материалы. Новый для отечественной социологии феномен фармацевтикации общества и роль рекламы в процессах конструирования потребления лекарств представлены А. Ф. Руппель. А. В. Бочкарева рассматривает проблематику неравенства, порождаемого вспомогательными репродуктивными технологиями в контексте «эпохи доступа», а Л. В. Искандерова выявляет отношение современных студентов к этим технологиям. Завершает сборник статья В. И. Бочкаревой, посвященная

малоизученной, но имеющей высокий эвристический потенциал теме, — соотношению социологии и литературы. Автор размышляет о литературном творчестве отечественных социологов на рубеже XIX–XX вв. и делает вывод о необходимости включения этих аспектов в анализ развития социологической науки в нашей стране.

В сборнике представлены материалы, прежде всего, молодых ученых, только начинающих свой путь в науке. Для некоторых участников это первый опыт написания научного текста, кто-то уже является постоянным автором сборников по итогам Социологической школы СПбГУ. Многие публикации снабжены яркими и нестандартными примерами, опираются на конкретные эмпирические исследования, и мы надеемся, что сборник привлечет внимание не только студентов и профессиональных социологов, но и широкой публики.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Problems of Current Sociology

Вадим Иванович Кашпар

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Vadim I. Kashpar

Yanka Kupala's State University in Grodno

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ И. ВАЛЛЕРСТАЙНА: АНАЛИЗ АНТИСИСТЕМНЫХ ДВИЖЕНИЙ И ОБРАЗ НОВОЙ НАУКИ

The Concept of Social Changes by I. Wallerstein: The Analysis of Anti-Systemic Movements and Image of a New Science

Аннотация. В статье анализируются взгляды современного американского социолога И. Валлерстайна на социальные изменения в контексте общего представления о современном обществе как о мир-системе, основанной на неравенстве. Приведены исходные тезисы исследователя по данному вопросу, а также представлен взгляд социолога на новые («антисистемные») движения как основную движущую силу социальных изменений в мировом масштабе. Эти движения, положив в основу своей идеологии теорию неравновесных систем и взгляды представителей новых левых XX в., сегодня начинают создавать свое контркультурное пространство на основе самоорганизации и принципа консенсуса. Демонстрируемые успехи в процессе повседневного «переконструирования» антисистемными движениями окружающего пространства дают основание полагать, что изучение подобного опыта является одной из приоритетных задач социологии. Констатируя неудовлетворительное состояние современной социологической науки, неудачно стремящейся постичь сущность

альтернатив, предлагаемых антисистемными движениями, И. Валлерстайн выдвигает проект новой междисциплинарной дисциплины — «утопистики», — концентрирующей на изучении подобного рода феноменов.

Ключевые слова: мир-системный анализ, социальные изменения, социальное неравенство, антисистемные движения, новые левые, «утопистика», И. Валлерстайн.

Abstract. The article deals with the views of modern American sociologist Immanuel Wallerstein on social changes in the context of the universal view of contemporary society as a world system based on inequality. The main ideas of the researcher concerning the new anti-system movements as the main global driving force of social changes prove to be fresh sociological point of view. Basing his theory of the non-equilibrium systems ideology, and views of the representatives of the New Left of XX century, these movements have started to create their countercultural space based on the principle of self-organization and consensus. The success in the daily «redesign» anti-systemic movements of the surrounding area proves that the study of this experience is one of the priority tasks of sociology. Noting the poor state of modern sociology, unsuccessfully seeking to understand the nature of the alternatives offered by the anti-systemic movements, Immanuel Wallerstein put forward a draft of a new interdisciplinary discipline — «Utopistics» — worked out to study that phenomena.

Keywords: world-systems theory, social change, social inequality, anti-systemic movement, the new left, «utopistics», I. Wallerstein.

Вопрос о социальных изменениях и социальном развитии имеет колоссальное значение и требует должного внимания к себе со стороны социологической науки. Сегодня резко возрастает актуальность этой тематики в теоретических и эмпирических исследованиях. Конечно, в мире все еще можно обнаружить отдельные общества (например, «примитивные» племена аборигенов), социальные отношения и структуры которых не менялись на протяжении сотен, а может, и тысяч лет¹. Но в обществах, которые принято называть постиндустриальными, изменения имеют, по существу, всеобщий характер, хотя мы не всегда это осознаем. *Социальные изменения* определяются в социологии как процессы трансформации способов

¹ Тем не менее они дают богатый эмпирический материал при постановке вопроса о характере социальных изменений и модели, на основе которой они строятся. См. напр.: Грэбер Д. Долг: первые 5000 лет истории. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2015; Грэбер Д. Фрагменты анархистской антропологии. — М.: Радикальная теория и практика, 2014.

общественной организации. В настоящее время социальные институты обретают новые формы и их связь друг с другом меняется быстрее, чем когда-либо прежде [Смелзер, 1994, с. 611].

С другой стороны, проблема темпа социальных изменений включена в преобладающую для социологии тему неравенства, явный подъем интереса к которой наблюдается в последние десятилетия. Всемирные социологические форумы последних лет (в Йокогаме и Праге) ставят эту проблему во главу угла, превращая неравенство в сквозную тему и в общее предметное поле для современных социологов [Иванов, 2015]. В ситуации, когда в мировом социологическом сообществе конца 1990-х гг. трендовым являлся дискурс о глобализации мира, американский социолог (на тот момент президент Международной социологической ассоциации) Иммануил Валлерстайн был одним из немногих, кто работал в тематическом поле проблемы неравенства и делал ставку на грядущие социальные изменения, глашатаями которых, по его мнению, являлись мировые антисистемные движения.

Социальные изменения рассматриваются И. Валлерстайном в контексте *мир-системного анализа* — исследовательского подхода, ведущим представителем которого он является. Главным понятием этого подхода является *мир-экономика* — система глобальных связей, основанная на торговле. Кроме мир-экономики различные страны объединяются в *мир-империи*, основанные на политическом, а не на экономическом единстве. Социолог рассматривает историю как развитие различных региональных *мир-систем* (мир-экономики и мир-империй), долгое время конкурировавших друг с другом до того момента, когда европейская (капиталистическая) мир-экономика не стала доминирующей и не закрепила глобальное неравенство в распределении ресурсов между странами. Этот процесс, по утверждению автора, начался в «долгом XVI в.» и продолжался до недавнего времени, пока не стал возможен реальный дискурс о пересмотре такого положения вещей в глобальном масштабе [Wallerstein, 1974, p. 68, 102].

И. Валлерстайн, анализируя глобальную мир-систему, приходит к выводу, что она имеет *исторический, преходящий* характер. Под **исторической мир-системой** понимается такое общество, которое характеризуется *разделением труда* и интегрированными структурами производства, набором организующих *принципов и институтов*, а также определенным *временем своего существования*. По мере того как система становится все в большей степени неравновесной, колебания приобретают все более непредсказуемый характер, и происходит *бифуркация*. **Социальные изменения** — это процессы последовательной смены типов исторических систем во времени, которые происходят в результате отклонения

мир-системы от равновесия и достижения *точки бифуркации*, характеризующейся распадом старой системы и генезисом новой. Носителем концепта новой исторической системы являются *антисистемные движения* [Валлерстайн, 2003, с. 170–171].

Исследователь критически относится к основному постулату эпохи Просвещения — прогрессу — и считает, что рассуждать о нем можно только как о *возможном*, но не безальтернативном варианте развития мир-системы. Вера в определенность обманчива и вредна. Картезианско-ньютоновская определенность имеет место только в очень ограниченных и простых системах, в то время как *теория неравновесных систем* (синергетика) считает общество самой сложной системой из ныне существующих. Подавляющее большинство социальных процессов не может быть объяснено исходя из тезисов о линейном равновесии и обратимости времени. В сложных социальных системах постоянно идет *борьба за построение лучшего общества*. Именно в периоды перехода от одной *исторической системы* к другой эта борьба приобретает наибольшее значение. Только в такие периоды истории свободное волеизъявление людей преодолевает давление существующей системы, стремящейся к восстановлению равновесия. В такой ситуации и происходят *социальные изменения* [Валлерстайн, 2003, с. 8].

«Неопределенность прекрасна, а определенность обозначает моральную смерть», — считает И. Валлерстайн. И далее он пишет: «Если бы люди знали будущее, не существовало бы нравственного побуждения предпринимать что бы то ни было. Если ничего не определено окончательно, то будущее открыто для творчества: как человеческого, так и всей природы. Оно открыто навстречу возможности, а значит — и лучшему миру. Следовательно, фундаментальные изменения *возможны*, хотя и никогда не предопределены, и это призывает исследователя к моральной ответственности, побуждая его действовать рационально, с честными намерениями и решимостью найти более *совершенную историческую систему*, которая будет преимущественно *эгалитарна и демократична*. Но мы сможем войти в систему, если только окажемся готовы ради ее становления затратить нашу моральную энергию и если будем готовы бороться с теми, кто под каким бы то ни было видом и любым предлогом предпочитает неэгалитарный, недемократический мир» [Валлерстайн, 2003, с. 28]. И. Валлерстайн отмечает, что обязанностью социологов является оказание помощи в рассмотрении вариантов предстоящего нам исторического выбора.

Социолог, в связи с вышесказанным, должен исследовать возможные варианты будущего и строить свое исследование на основе анализа предпосылок существующих возможностей. И. Валлерстайн использует в своем анализе тенденций, приводящих к социальным изменениям, адаптиро-

ванный образ «призрака», введенный К. Марксом и Ф. Энгельсом в работе «Манифест коммунистической партии» [Маркс К., Энгельс Ф., 1950, с. 30]. Этот образ используется им в периодизации характерных умонастроений, которые были преобладающими в сознании революционных сил, начиная с середины XIX в. и заканчивая современностью [Валлерстайн, 2003, с. 28].

Первый призрак (1848–1917 гг.) — олицетворение оптимизма, справедливости и нравственности. Имел место в период господства представлений о неизбежном прогрессе и реальной близости социализма.

Второй призрак (1917–1991 гг.) — коммунистическая интерлюдия, олицетворение застоя, предательства и тирании. Период практического разочарования в «партийном» социализме «старых левых».

Третий призрак (1991 г. — наст. время) — характеризуется *дезинтеграцией государственных структур*, в которые люди больше не верят, и требованиями установления радикально новой системы распределения мировых ресурсов. Начинается зарождение альтерглобалистского движения.

Начало периодизации неслучайно, так как И. Валлерстайн берет за исходный пункт в формировании антисистемных движений *Великую французскую революцию*, которая преобразовала мир-систему эпохи *модернити*. Она способствовала широкому распространению веры в то, что политические перемены являются скорее нормой, чем исключением, а источником суверенитета государства выступает не правитель (будь то монарх или парламент), а народ в целом. Эти убеждения были использованы *опасными классами* — людьми и социальными группами, которые не обладали ни властью, ни авторитетом, ни достойным социальным статусом, но тем не менее заявляли о своем желании участвовать в политической жизни. К ним относились: 1) численно растущий городской пролетариат Западной Европы; 2) обезземеленные крестьяне; 3) мелкие ремесленники; 4) нищие иммигранты из иных культурных зон.

В среде революционеров XIX в. господствовало персонифицированное понятие о зле, исходящем от государства. Соответственно, все движения этого периода имели конкретную стратегическую цель: сначала *добиться политической власти*, а затем с ее помощью *преобразовать мир*. Но, получив государственную власть, движения часто вырождались. Чтобы не быть раздавленными, им приходилось вести политику *временных уступок*, откладывая реализацию проекта изменений на разное по степени отдаленности будущее. Поскольку большинство населения чаще всего желало не столько радикальных перемен (весьма абстрактных), сколько повышения материального благосостояния (вполне конкретного), то после революционное изменение лидерами движения его политического курса встречалось с одобрением — разумеется, при условии его действенности.

Реформы, изменившие ситуацию (между 1848 и 1917 гг.), были направлены на то, чтобы смягчить нищету и ослабить чувство отчужденности эксплуатируемых. Основные из них: избирательное право для большинства представителей «опасных классов», перераспределение экономических благ (генезис «государства благосостояния») и формирование национального самосознания (через народное образование и всеобщую воинскую повинность). Эти реформы спровоцировали идейное разделение в среде антисистемных движений левого толка [Валлерстайн, 2003, с. 96].

Насущный вопрос всех социалистических движений того периода: участие или неучастие в политической борьбе. СДПГ приняла первый вариант. РСДРП(б) (амбициозно) и анархисты (идеалистически) — отказались. Первые со временем мутировали из революционной силы в немного более социально ориентированную версию либерального центризма. Под революцией стало пониматься, скорее, ожидание серьезных *политических модификаций* (например, победа на выборах), нежели полной трансформации социальной системы. Большевики выдвинули *теорию авангардной партии*, которая априори не может быть не диктаторской, навязывая свою волю всем людям, включая и тех из них, авангардом которых она предположительно является (пролетариат). Анархисты же продолжили агитацию за немедленное построение *коммунистического общества*, непосредственно и без политики, как сферы, неспособной осуществить их программу.

В этой связи И. Валлерстайн писал: «Либерализм предлагал наркотик надежды, и он был проглочен. Не в последнюю очередь его проглотили и лидеры массовых антисистемных движений, которые мобилизовали людей обещаниями надежды. Они утверждали, что построят справедливое общество путем реформ, которые они намеривались осуществлять в качестве специалистов, после обретения контроля над рычагами государственной власти» [Валлерстайн, 2003, с. 98].

Так проходили процессы легитимации государственных структур в Западной Европе и Америке. В СССР же «опасные классы» были сдержаны с помощью форсированной пропаганды определенным образом истрактанной и адаптированной версией марксизма, мистификаций, вождизма и ликвидации легального статуса альтернативных взглядов на общественно-политические процессы. В данном историческом контексте и началось формирование современных антисистемных движений.

Анализируя данную ситуацию, И. Валлерстайн, апеллируя к идеям М. Вебера, противопоставляет понятия «*сущностная*» и «*формальная*» рациональность [Валлерстайн, 2003, с. 187]. Под первой понимается выбор целей по критерию «*ценностных постулатов*». М. Вебер говорит, что такое понятие «далеко не однозначно» и что «существует бесконечное

число возможных ценностных шкал для этого типа рациональности» [Weber, 1968, p. 85–86]. В этом смысле термин «сущностный» — абстрактное (общее) понятие. Ценности здесь являются «постулатами», с которыми, очевидно, можно не соглашаться. Понятие о должном исходит изначально из этической позиции, которая прямо ведет к политической борьбе.

И. Валлерстайн считает, что движение по «неверному» пути началось более двухсот лет назад, когда Великая французская революция выродилась в империю Наполеона Бонапарта. Свою роль в таком ходе вещей сыграла «формальная» рациональность (возросшее число ученых, общее развитие технических наук). Он особо выделяет период после европейской революции 1848 г., когда происходила «*бюрократизация революционных движений*». Интересы недовольных стали представлять «бюрократы», что и привело народ к нынешнему состоянию и противостоянию с государством. В этом контексте идея возврата к «*сущностной рациональности*» подразумевает возврат к идее реализации коренных интересов народных масс.

Исследователь выделяет типичное представление современных «обывателей» о демократизации, состоящее из следующих компонентов: а) приемлемый доход (работа, а позже пенсия); б) доступ к образованию для детей; в) адекватное медицинское обслуживание. «Но единственный путь к такой демократизации, когда каждый действительно сможет получать больше таких благ, состоит в создании новой системы распределения мировых ресурсов, радикально отличающейся от той, что мы имеем на сегодня», — считает исследователь [Валлерстайн, 2003, с. 28].

Современные капиталисты прежде всего нуждаются в государственной защите от свободного рынка. *Свободный рынок подрывает монополии*. Гипотетический свободный рынок, рынок покупателей и продавцов, обладающий достоверной информацией, был бы для них катастрофой. Доходы капиталистов свелись бы к доходу гипотетического пролетария XIX в., определяясь действием «железного закона прибыли в условиях свободного рынка», и едва позволяли бы им сводить концы с концами. Этого не происходит, поскольку *реально существующий рынок отнюдь не свободен* [Валлерстайн, 2003, с. 98].

Анализируя современное состояние капиталистической системы, И. Валлерстайн заключал следующее: «Выгода капиталистов от государства — поддержание порядка. Порядка, в первую очередь, как предотвращения выступлений трудящихся классов. Роль государства для них состоит в снижении эффективности классовой борьбы рабочих. Последнее достигается сочетанием силы, обмана и уступок. Либеральным считается такое государство, в котором значение силы сокращается, а роль обмана и уступок возрастает. Разрушение сельского уклада жизни, истощение экосистем

и демократизация общества, каждое по-своему, ограничивают возможности накопления капитала (и приближает нас к точке бифуркации). Этому способствует также и то, что впервые за последние пятьсот лет государства утрачивают свою власть не столько вследствие роста влияния транснациональных корпораций, сколько в силу утраты легитимности, придаваемой государствам их народами, все более теряющими веру в последовательное улучшение своего положения» [Валлерстайн, 2003, с. 104].

Обманутые надежды на «старых левых» (партии коммунистов и социал-демократов, национально-освободительные движения), а также повсеместный контроль за движением капитала и товаров, предусматривающих также и сворачивание социального государства благосостояния (неолиберальная доктрина), послужили основными причинами нарастания протестного настроения в среде радикально мыслящей молодежи. «Старые левые», уже не являясь непримиримыми антагонистами либералов, послужили важнейшей опорой либерализма, так как долгое время играли решающую роль в сдерживании «опасных» классов, апеллировавших к настоящей демократии, поддерживая веру в неизбежность прогресса в будущем.

Распространенная в середине XIX — начале XX вв. двухуровневая стратегия всех антисистемных движений — сначала завоевать государственную власть, а затем преобразовывать мир, — по мнению молодых радикалов второй половины XX в., являлась исторической ошибкой. Старые антисистемные движения, возникшие в XIX и XX вв., в той или иной мере пришли к власти после Второй мировой войны. Но, даже добившись ее, они не изменили мир. Инкорпорировавшись в систему, «антисистемные» движения культивировали надежду на справедливость в обществе, которое построят эти движения, придя к власти. Бюрократизированные левые стали «достойными собеседниками» защитников привилегий [Валлерстайн, 2003, с. 206]. В сущности, они демонстрировали спокойное отношение к определенным уступкам, социальной мобильности их лидеров в существующей системе и несправедливое перераспределение ресурсов внутри своих организаций. Данная ситуация показывает, что в XX в. единственной помехой на пути эфемерной революции левых движений являлись сами эти движения. Все, что они могли гарантировать своим избирателям, — это отдельные важные реформы, не менявшие, однако, систему целиком. «Откладывая ее трансформацию, они превратились в гаранта ее стабильности» [Там же, с. 206]. Все это возмутило радикальную контркультурную молодежь, которая, получив образование, «использовала свои развитые умы не для того, чтобы поддержать систему, а чтобы потрясти ее до основ» [Рошак, 2014, с. 15]. Проникнувшись социалистическими идеями в их аутентичной форме, они выступили против бюрократичной политики «революционных» партий своей «политикой повседневной жизни» [Аксютина, 2008, с. 84].

Французские революционеры 1968 г. выражали разочарование в возможностях реформаторства на государственном уровне. Они выступали не как граждане, а как космополитическая сила, объединявшая представителей всех национальностей и рас. Основной пафос протестов 1968 г. был направлен против участия США в войне во Вьетнаме, но также протестующие выступали за соблюдение прав человека, против расизма, в поддержку движения феминизма и в защиту экологии.

Авангардом протестов во Франции стали **ситуационисты** — направление в западном *марксизме*, возникшее в 1957 г. в результате отпочкования от троцкизма. Критика капитализма и партийной бюрократии привела к сближению ситуационистов с анархистами. Главной предпосылкой социальной революции объявлялась *революция сознания*. Поскольку индивидуальное сознание детерминировалось общественной и культурной ситуацией, ситуационисты развили маоистскую идею *культурной революции* до продуцирования контркультуры и *контркультурных ситуаций* (отсюда их название). Субъектом революции становилась *творческая молодежь*. Современный капитализм стал восприниматься, прежде всего, как *общество потребления*, которое противоположно производству — сущностной черте человека. Поэтому отчужденный от производства потребитель рассматривался практически как «недочеловек» — мишень критики.

«Революция, начавшаяся в 1968 году, — пишет И. Валлерстайн, анализируя последствия развития идей контркультуры, — достигла своей кульминации лишь через 20 лет — в 1989-м, когда народные массы, разочаровавшиеся в антисистемных силах, преодолели наконец инстинкт подчинения лидерам, развитый в них многолетней идеологической обработкой, и окончательно порвали с прошлым. Во многом это произошло благодаря осознанию в 1970–1980-е годы того, что социальные улучшения, достигнутые в 1945–1970 годах, были химеричны и что капиталистическое миро-хозяйство никогда не сможет проложить реальной перспективы всеобщего благосостояния, преодолеть растущую пропасть между центром и периферией. Результатом прозрения стало повсеместное разочарование в государстве, четко проявившееся в 1990-е годы. Нас настойчиво убеждают в том, что так начался поворот к неолиберализму. На самом деле следует говорить об осуществлявшемся государством отходе от либерализма и его обещаний спасения через социальный реформизм. Нас настойчиво убеждают в том, что так произошел возврат к индивидуализму. На деле же — это возрождение коллективизма. Нас настойчиво убеждают в том, что так произошел возврат к оптимизму. На деле же — это поворот к глубокому пессимизму» [Валлерстайн, 2003, с. 207–208].

Вопреки привычному мнению, И. Валлерстайн утверждает, что распад советского блока не столько доказывает повсеместный «крах социализма», сколько предвещает начало краха либеральной доктрины. Данное утверждение изложено автором в написанных в начале 1990-х гг. статьях, которые легли в основу книги *«После либерализма»* [Валлерстайн, 2003]. Согласно изложенным там тезисам, мы живем в особую эпоху *«группизма»*, характеризующуюся созданием множества «защитных» групп (в защиту прав женщин-рожениц, автомобилистов, животных, обманутых вкладчиков, геев, представителей других рас и наций и проч.) Создание таких оборонительных сообществ говорит о том, что *либерализм не способен в полной мере обеспечивать безопасность людей*. Основополагающей чертой данной эпохи является возможность борьбы или только за долгосрочные, или только за краткосрочные цели. «Тем, кого раньше выталкивали на обочину современной миро-системы, пришло время наступать на всех фронтах. Сегодня перед ними уже не стоит легкая цель достижения государственной власти. Им предстоит сделать нечто гораздо более сложное: обеспечить создание новой исторической системы, одновременно действуя и на местах, и в глобальном масштабе» [Валлерстайн, 2003, с. 10–11].

Таким образом, суть оценок, данных И. Валлерстайном современной ему ситуации в мире и трендам ее развития сводится к тому, что мир вступил в эпоху перехода к качественно новой «мировой системе». Хронологически новый период начался в 1968 г. со студенческих выступлений во Франции. Специфика его содержания — антисистемные, антигосударственные настроения и выступления народов, протест против институтов и руководителей, идентифицируемых с системой, тяга к *самоорганизации масс*, не доверяющих государству как таковому. Причина создавшегося положения, согласно И. Валлерстайну, коренится в самой сути эпохи модернити и современной мировой системы: невозможно более аккумулировать капитал, приватизировать прибавочную стоимость, плодящие человеческие несчастья, не позволяющие полностью использовать потенциал человечества, множачие недовольство народов.

Взгляды И. Валлерстайна во многом нашли подтверждение в начале XXI в., когда начинает оформляться (само-)организованное антисистемное движение *альтерглобалистов*². Положив в основу своей идеологии теорию неравновесных систем и взгляды представителей новых левых

² Повсеместно распространенное «медийное название» — антиглобалисты — отвергается участниками движения, как не отражающее сущность их позиции. Выступая против экономической несправедливости в мировом масштабе, участники движения альтерглобалистов

движений XX в., они начали создавать свое контркультурное пространство на основе принципа самоорганизации и консенсуса. В частности, мексиканской САНО³ «фактически удалось создать автономные индейские общины, которые уверенно существуют, несмотря на постоянные угрозы мексиканской армии. Впечатляет сложность политической организации этих общин и решительный настрой их обитателей» [Валлерстайн, 2008]. «Без сомнения, — пишет Валлерстайн, — сапатистское восстание 1994 года явилось главной вдохновляющей силой альтерглобалистского движения во всем мире. Оно, конечно же, было поворотным пунктом в процессе, который привел к демонстрации 1999 г. в Сиэтле, сорвавшей встречу ВТО, после чего она и по сей день не смогла оправиться. События в Сиэтле, в свою очередь, привели к созданию в 2001 году *Всемирного социального форума* (ВСФ), который стал главным местом концентрации альтерглобалистских сил. И несмотря на то, что сами сапатисты никогда не принимали участия во встречах ВСФ, поскольку они прежде всего вооруженная сила, так или иначе, они всегда оставались символом движения и главными его вдохновителями. На тех же принципах основывались участники недавнего движения *OccupyWallStreet*, «одного из самых важных политических событий в истории США со времен восстаний 68-го года, прямым потомком или продолжением которых оно является» [Wallerstein, 2011].

Современное состояние науки, призванной исследовать все возможные пути социальных изменений, не устраивает И. Валерстайна. По его мнению, существующее разделение наук является искусственным и было необходимо для все большей специализации знания, мешающей находить глубинные причины социальных явлений в общем виде. Он предлагает проект объединения всех гуманитарных дисциплин в единую науку.

Обосновывая свой проект, он пишет: «Возможное богаче реально. Природа дарит нам образ творчества, непредсказуемого, новизны» (И. Пригожин). Кто лучше обществоведов может знать это? Почему же мы так боимся обсуждать возможное, анализировать и исследовать его? Нам следует поместить *не утопию, но утопистику* в центр обществоведческих исследований. Утопистика — это оценка возможных утопий, их ограниченности и препятствий, мешающих их воплощению. Это анализ реальных исторических альтернатив в настоящем. Это примирение поиска истины

предлагают не «откат назад» от сближения мирового сообщества, а лишь альтернативную неолиберальной модели форму такого сближения.

³ САНО (Сапатистская армия национального освобождения) — леворадикальное движение в самом южном мексиканском штате Чьяпас.

с поиском блага. Утопистика воплощает в себе постоянную ответственность обществоведов. Потребность в ней ощущается особенно остро, когда набор альтернатив максимален. Когда возникает такая ситуация? Именно тогда, когда историческая социальная система, в которой мы живем, наиболее удалена от точки равновесия, когда колебания особенно велики, а точка бифуркации опасно близка, когда самое незначительное воздействие вызывает серьезные последствия. Как раз таково время, в котором мы живем и будем жить в ближайшие 25–50 лет» [Валлерстайн, 2003, с. 288–289].

Другими словами, **утопистика** представляет собой серьезное осмысление возможных *альтернатив*, предполагающее признание за иными *возможными* историческими системами *внутренней рациональности*. Это последовательная, рациональная и реалистичная оценка социальных систем, ограничений, с которыми они сталкиваются, и сфер, открытых человеческому творчеству. Предлагаемая И. Валлерстайном дисциплина направлена на сведение в единое целое того, как *наука, нравственность и политика* изображают цели *социальной науки*, причем перспективные цели, а не вторичные и малозначительные задачи, скорее выступающие средствами прогресса, чем его ориентирами.

Резюмируя и воспроизводя в своих рассуждениях идеологическую трендовую установку, И. Валлерстайн заключает следующее: «Все громче звучат голоса, требующие свободы. Они требуют освобождения от безжалостного диктата формальной рациональности, за которой стоит сущностная иррациональность. Интеллектуалам настало время ощутить свою ответственность. При этом менее всего нам может помочь отрицание политического в пользу конкретной политики в качестве рационального и отказ таким образом от непосредственного обсуждения ее достоинств. Создать более эгалитарный социальный мир будет нелегко. Тем не менее достижение цели, которую естественная наука поставила перед миром, требует гораздо более эгалитарного общественного устройства, чем то, которое мы имеем. Борьба за эгалитаризм в науке не отделима от борьбы за эгалитаризм в обществе. Они суть единое целое, которое вновь указывает нам на невозможность разделения поиска истины, блага и прекрасного» [Валлерстайн, 2003, с. 209].

Представленный анализ и выводы И. Валлерстайна не претендуют на истину в последней инстанции и не лишены тенденциозности, но это не умаляет той роли, которую играют антисистемные движения в современном мире. Сложная, развивающаяся мир-система сегодня имеет свойство недолго оставаться монолитной и статичной. Смещение тематического тренда в социологии от темы глобализации мира «назад» к проблематике социального неравенства [Иванов, 2015] определяет повестку дня на

ближайшие несколько лет: необходимо выработать новые принципы изучения нелинейного, динамично развивающегося социума и тех новых социальных движений, предлагающих особые модели развития. Предлагаемая И. Валлерстайном «утопистика» не решение, но определенный взгляд одного из немногих современных метатеоретиков в социологии.

Литература

1. *Wallerstein I.* The Modern World-System, I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Ce — New York & London: Academic Press, 1974. — 411 p.
2. *Weber M.* Economy and Society [Vols. 1–2]. — New York: Bedminster Press, 1968. — 1643 p.
3. *Аксютин О.* «Если я не могу танцевать, это не моя революция!» DIY панк/хардкор сцена в России. — М.: Нота-Р, 2008. — 336 с.
4. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века. — М.: Логос, 2003. — 368 с.
5. *Валлерстайн И.* После либерализма: пер. с англ. / подред. Б. Ю. Кагарлицкого. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 256 с.
6. *Иванов Д. В.* Структуры социального неравенства в условиях глэм-капитализма / Д. В. Иванов // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2015. Том XVIII, № 4 (81). — С. 126–143.
7. *Маркс К.* Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М.: Госполитиздат, 1950. — 72 с.
8. *Рошак Т.* Истоки контркультуры / пер. с англ. О. А. Мышковой. — М.: АСТ, 2014. — 380 с.
9. *Смелзер Н.* Социология: пер. с англ. — М.: Феникс, 1994. — 688 с.
10. *Wallerstein I.* The Fantastic Successes of Occupy Wall Street [Электронный ресурс] // Official site I. Wallerstein. URL: <http://iwallerstein.com/fantastic-success-occupy-wall-street/> (дата обращения: 22.11.2016).
11. *Валлерстайн И.* Чего добились сапатисты? [Электронный ресурс] // Научно-просветительский журнал «Скепсис». URL: http://sceptsis.net/library/id_1749.html (дата обращения: 22.11.2016).

Екатерина Андреевна Ковтун
Санкт-Петербургский государственный университет

Ekaterina A. Kovtun
St.-Petersburg State University

Анастасия Данииловна Яколенко
Санкт-Петербургский государственный университет

Anastasia D. Yakolenko
St.-Petersburg State University

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Sociological Analysis of Modern Migratory Processes

Аннотация. В современном мире вопросы миграции и мигрантов стали особенно актуальными. Это связано с увеличившейся мобильностью людей, а также с желанием достижения лучшей жизни. В мире наблюдается большое разнообразие миграционных потоков, вызванных изменениями социальных, экономических, политических, демографических условий в регионах мира. Нередко миграционные потоки представляются как негативное явление, сопровождающееся преступностью, насилием, нелегальными видами деятельности и нарушением прав человека. Международный диалог по вопросам миграции служит для государств — членов ООН и других заинтересованных сторон площадкой для обмена мнениями, опытом и содействия сотрудничеству в области международной миграции. Разработав правильный набор стратегий, можно использовать выгоды от международной миграции в интересах стран происхождения и назначения, мигрантов и их семей, а также уменьшить ее негативные последствия. При этом необходимо помнить, что наиболее эффективное взаимодействие может быть достигнуто лишь при взаимодействии всех членов мирового сообщества.

Ключевые слова: миграционные потоки, миграция, международный диалог, мобильность, права мигрантов.

Abstract. In the modern world questions of migration and migrants became especially actual. It is connected with the increased mobility of people, as well as with desire of achievement of the best life. In the world the wide variety of the migratory streams caused by variations of social, economic, political, demographic conditions in regions of the world is observed. Quite

often migratory streams are represented as the negative phenomenon, accompanied by criminality, violence, illegal activities and infringement of human rights. The international dialogue concerning migration serves to the states-members of the United Nations and other interested sides a platform for an exchange of opinions, experience and assistance to cooperation in the field of the international migration. Having developed a proper set of strategy, it is possible to use benefits from the international migration in interests of countries of origin and purposes, migrants and their families, as well as to reduce its negative consequences.

Keywords: migratory streams, migration, the international dialogue, mobility, the rights of migrants.

Современные миграционные процессы

Современный мир предоставляет новые возможности и в то же время ставит новые вопросы и проблемы перед мировым сообществом. Направление развития ситуации в демографической сфере зависит от трех основных показателей: рождаемости, смертности и миграции. Связь между миграционными процессами и развитием очевидна, как и изменения в экономических и социальных условиях стран происхождения и назначения.

Международная миграция на протяжении всей истории человечества являлась способом достижения лучшей жизни. На сегодняшний день, в условиях глобализации и новых достижений в области транспорта и связи, число людей, стремящихся и имеющих возможность переместиться в другие места, существенно возросло. В современном мире практически все страны являются одновременно странами происхождения, транзита и назначения для международных мигрантов.

Кроме традиционных тенденций в миграции появляются новые миграционные потоки, вызванные изменениями социальных, экономических, политических, демографических условий в некоторых странах и регионах мира. Изменения в тенденциях миграции отражаются на численности и составе доли населения, состоящей из мигрантов, а также на экономике и обществе в странах происхождения и назначения [Костенко, 2014].

Рост глобальной мобильности, возрастающие потоки международной миграции и их влияние на развитие стали основой для диалога на высоком уровне по вопросу о международной миграции, впервые прошедшего в 2006 г. Ранее эта тема рассматривалась в рамках международных конференций, на встречах высшего уровня в рамках повестки дня ООН в области развития. Так, принятая в Каире Программа действий Международной

конференции по народонаселению и развитию (глава IX), и сегодня остается одним из основных наиболее полных текстов по вопросу международной миграции, согласованных на международном уровне [Международная конференция..., 1994]. В составе Международной социологической ассоциации (МСА) существует исследовательский комитет, занимающийся вопросами социологии миграции.

Миграция в социологической науке рассматривается как особый социальный процесс, специфика которого заключается в формировании факторов мобильности, самого процесса перемещения, адаптации мигрантов на новой территории при сохранении групповой идентичности [Юдина, 2002, с. 107].

Аналитики отмечают, что до 2010 г. доля международных мигрантов остается стабильной — около 3 % [United Nations..., 2013], но вместе с тем происходит рост населения Земли и увеличение абсолютного числа людей, покинувших страну своего проживания.

Зачастую причиной международной миграции является хорошо оплачиваемая работа в развитых странах. Она набирает вес в связи с возрастающим разрывом в доходах между странами, причем речь идет не только о разрыве между странами с высоким и низким уровнем дохода, но и между развивающимися странами с более динамично и менее динамично развивающейся экономикой. Кроме того, в результате различных природных бедствий в среднем по миру ежегодно приходится перемещаться более чем 27 млн человек.

Также в числе международных мигрантов те, кто покидает районы военных действий или ищет политического убежища. Таким образом, международные мигранты — все, легально или нет, пересекшие границу своей страны во избежание бедствий, преследования по тем или иным причинам или просто в стремлении обрести лучшую жизнь.

Исследования показывают, что половина общего числа международных мигрантов обосновалась в десяти странах. Самое большое количество — в Соединенных Штатах Америки (46 млн). В 2013 г. в Америке проживало 13 млн человек, прибывших из Мексики, однако быстрее всего растет число приехавших в страну из Китая (2,2 млн) и Индии (2,1 млн).

Россия по данному показателю находится на втором месте в мире, что связано с сохранившимися тесными связями с бывшими советскими республиками, в особенности с Украиной и Казахстаном. В странах Западной Европы приток мигрантов больше всего в Германию (из Турции) и Францию (из Алжира). Из числа мигрантов Юго-Восточной Азии большинство по-прежнему предпочитают ехать на заработки в Саудовскую Аравию и страны Персидского залива. В Объединенных Арабских Эмиратах доля международных мигрантов составляет 84 % населения.

С одной стороны, большая часть мигрантов дополняет местные трудовые ресурсы, берясь за работу, от которой местное население отказывается за предлагаемую заработную плату. Кроме того, мигранты предоставляют возможность местному населению заниматься более производительным и высокооплачиваемым трудом. Также в связи с тенденцией старения населения в некоторых развитых странах доля иждивенцев к работающему населению увеличивается, возникающий дефицит рабочей силы восполняют мигранты, содействуя росту экономики в принимающих странах.

С другой — международная миграция подогревает накал политических дебатов, проверяет на прочность союзнические отношения. В СМИ регулярно появляются истории мигрантов, попавших в руки контрабандистов, страдающих от голода, насилия и болезней. Число зон военных конфликтов не сокращается, и площадь их только растет, в связи с чем происходят новые волны массовых перемещений людей — как внутри стран, так и за их пределами.

Международная миграция и ее виды

Международная миграция на сегодняшний день оказывает значительное влияние на страны происхождения и назначения, в том числе на динамику численности и состава населения, ситуацию в социальной и экономической сфере, на рынки труда. Последствия миграции также значимы с точки зрения динамики этнического и религиозного состава населения.

Международная миграция представляет собой перемещение, в результате которого человек меняет страну своего обычного проживания. Исходя из того, что международная миграция влияет на численность населения обеих стран, она является демографическим событием. Следовательно, международный мигрант — это лицо, которое данное событие проходит. Иными словами, согласно базовому определению, международным мигрантом считается любое лицо, меняющее страну своего обычного проживания [Рекомендации..., 1998].

Потоки мигрантов (миграционные потоки) — число мигрантов, совершивших переезд из одной страны в другую в течение определенного периода времени, как правило, одного года, или число событий миграции, произошедшее между этими двумя странами за тот же период времени.

Существуют различные основания для классификации видов миграции. Так, например, С. Кастлес, директор Центра изучения проблем беженцев Оксфордского университета, выделяет следующие виды мигрантов [Балашова, 2011, с. 200]:

1. *Временные мигранты*, меняющие место жительства на определенный период с целью получения работы и отправки денег своим близким. Период миграции: от нескольких месяцев до нескольких лет.
2. *Высококвалифицированные мигранты*, среди которых высококвалифицированные менеджеры, специалисты, техники и т. д. Многие страны приглашают таких мигрантов к себе и имеют специальные программы «Высококвалифицированные и бизнес-мигранты».
3. *Незаконные (нелегальные) мигранты* — люди, прибывающие, как правило, без необходимых документов и лицензий, незаконно пересекающие границы. Стоит отметить, что в некоторых странах иммиграции снисходительно смотрят на нелегальных мигрантов, так как это позволяет получить дополнительную рабочую силу по запросам предпринимателей без дополнительных социальных затрат или мер для защиты мигрантов.
4. *Беженцы* — лица, которые «в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находятся вне страны своей гражданской принадлежности и не могут пользоваться защитой этой страны или не желают пользоваться такой защитой вследствие таких опасений» (ст. 1 Соглашения 1951 г. ООН).
5. *Ищущие убежище* — люди, пересекающие границы в поисках защиты, но не соответствующие полностью строгим критериям, установленным в соответствии с Соглашением 1951 г.
6. *Вынужденные мигранты* — этот тип включает тех, кто вынужден мигрировать из-за экологических катастроф или в связи со строительством новых объектов.

Как мы видим, за последнее время из-за нестабильной ситуации в странах Африки и Ближнего Востока в государства Европы прибывает все большее число нелегальных мигрантов, при этом основной поток идет через Венгрию. Стоит напомнить, что всего государства Евросоюза договорились принять у себя 32 000 мигрантов в течение двух лет [Lenta.ru, 2015].

В то же время для многих стран противодействие нелегальной миграции является едва ли не главной составляющей миграционной политики. Точных данных о потоках и количестве таких мигрантов в стране не существует. Нелегальный статус мигранта предполагает, что человек нарушил какие-либо нормы закона принимающей страны в отношении правил въезда, пребывания или получения работы на ее территории. Незаконный

въезд в страну предполагает использование поддельных документов или их отсутствие, незаконное пребывание, как правило, связано с превышением разрешенного для мигранта срока находиться в стране, т. е. также связано с отсутствием необходимых документов.

На настоящий момент на наших глазах в Европе разворачивается миграционный кризис, связанный с многократно увеличившимися миграционными потоками из зон конфликтов, таких как Сирия, Ливия, Ирак, Афганистан. Тысячи мигрантов, ища спасения от вооруженных конфликтов в Африке и на Ближнем Востоке, пересекают Средиземное море, достигая Греции, а затем перебираются на север, как правило, через страны бывшей Югославии.

Из 28 стран — членов ЕС основной поток мигрантов принимают Швеция, Германия, Венгрия, Италия и Франция. Кризис обострился после трагических происшествий в августе 2015 г., когда вблизи границы с Венгрией был обнаружен грузовик с погибшими нелегальными мигрантами, а у берегов Ливии перевернулись несколько лодок.

С начала 2015 г. по данным Международной организации по миграции (МОМ) число прибывших в Европу из стран Африки и Ближнего Востока по Средиземному морю составило свыше миллиона человек, из которых более 4 тыс. погибли [Число мигрантов..., 2015]. Также, согласно опубликованным МОМ данным, основная их часть сошла на берег в Греции, Италии, Испании, Мальте.

Через территорию Ливии в течение 2015–2016 гг. транзит осуществляли в основном эритрейцы (уезжающие от бессрочной воинской повинности), а также сомалийцы и нигерийцы. На востоке Средиземноморья в Грецию через Турцию перебралось множество сирийцев, афганцев и иракцев.

Сирия является лидером по количеству беженцев, которые ищут убежища в развитых странах, и их число постоянно растет. Гражданская война является одной из главных причин того, что сейчас в мире насчитывается больше беженцев, чем когда-либо со времен Второй мировой войны.

Наибольшую трудность пересечение границ представляет для мигрантов из Африки. Некоторые способы представляются невозможными — так, по пути в Европу мигранты из Центральной и Западной Африки преодолевают пустыню и бурное море, при этом бегство из страны может занять от нескольких недель до нескольких лет. Мигрантам из Гамбии, Сенегала и Нигерии приходится несколько раз переходить границы, для этого они зачастую пользуются помощью контрабандистов.

Как отметил руководитель Управления ООН по наркотикам и преступности Юрий Федотов, открывая в Вене 24-ю сессию Комиссии по предотвращению преступности и уголовному правосудию: «Незаконная перевозка

мигрантов — это преступление, которое не знает границ. Оно имеет непосредственное отношение к вопросам мира и безопасности, прав человека и развития, то есть трем основополагающим принципам Организации Объединенных наций» [В ООН..., 2015].

Общее число международных мигрантов, прибывших к границам Евросоюза за 2015 г., составило 1 миллион 800 тысяч человек, тогда как за весь 2014 год их насчитывалось 280 тысяч [Миграционный кризис..., 2016]. Необходимо помнить, что международная миграция, развитие и права человека неразрывно связаны между собой. Дискриминации и злоупотреблениям особенно подвержены нелегальные мигранты, зачастую остающиеся без какой-либо защиты и гарантий. Генеральный Секретарь ООН Пан Ги Мун назвал сложившуюся ситуацию с мигрантами в ЕС «кризисом солидарности» и призвал страны Европы к расширению легальных и безопасных каналов миграции [Пан Ги Мун..., 2015].

Проблема регулирования нелегальных миграционных потоков

Проблемы, связанные с нелегальной миграцией в развитые страны, особенно в страны Европы, в настоящий момент являются одними из самых актуальных для всего мирового сообщества. Миграционные процессы заметно влияют на социальные процессы по всему миру. ООН предпринимает меры по урегулированию проблем, связанных с нелегальной миграцией, среди которых необходимость соблюдения прав человека, массовое нарушение законов принимающих стран мигрантами, деформация рынков труда в связи с нелегальным использованием иностранной рабочей силы и уклонением мигрантами от налогообложения. Кроме того, серьезную обеспокоенность мирового сообщества вызывает такой аспект незаконного миграционного процесса, как трансграничная преступность: контрабанда, торговля людьми, организация нелегальных и зачастую опасных для жизни перевозок мигрантов.

Согласно ст. 1 Устава ООН государства — участники ООН ставят для себя цель «осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии» [Устав ООН...].

Важным источником защиты прав мигрантов (в том числе и нелегальных) выступает Международная конвенция о защите прав всех

трудящихся-мигрантов и членов их семей (1990). Данная конвенция признает, что легальные мигранты должны обладать большим набором прав, чем нелегальные, однако в ней подчеркивается, что и в отношении нелегальных мигрантов должны соблюдаться основные права человека.

Также в ней содержатся предложения по выявлению и недопущению переездов трудящихся-мигрантов и членов их семей, такие как:

1. Противодействие вводящей в заблуждение информации, а также подстрекательствам людей к нелегальной миграции.
2. Применение санкций против лиц, групп или образований, занимающихся организацией, осуществлением или оказанием помощи в организации нелегальной миграции, в том числе путем принятия мер к нанимателям нелегальных мигрантов.

Борьба с торговлей людьми и нелегальным ввозом мигрантов является одним из ключевых направлений деятельности для Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (ЮНОДК). Торговля людьми, в частности женщинами и детьми, — это явление, которое зачастую взаимосвязано с так называемыми смешанными миграционными потоками, охватывающими самые разные категории перемещающихся лиц, в том числе беженцев, просителей убежища, экономических мигрантов и других мигрантов, которые перемещаются в основном нелегально. По состоянию на 27 января 2015 г. Протокол 2000 г. о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, подписали 117 государств, а его участниками являлись 166 государств. Кроме того, более 130 стран ратифицировали Протокол 2000 г. против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху.

Трудящиеся-мигранты, спасающиеся от стихийных бедствий, гражданских конфликтов или войн, зачастую не могут воспользоваться защитой и помощью страны своего гражданства, проживания или транзита. В наиболее опасной и трудной ситуации могут оказаться мигранты, у которых нет документов. В 2011 г. Международная организация по миграции и УВКБ приступили к проведению широкомасштабных мероприятий в области гуманитарного реагирования для оказания помощи гражданам третьих стран, пострадавшим в конфликте в Ливии, и их репатриации.

Пан Ги Мун, выступая 19 мая 2011 г. в рамках 65-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, обратил внимание на достаточно большой вклад международных мигрантов как в развитие стран их пребывания, так и в экономику стран происхождения. Так, по его словам, «около двух третей из 214 миллионов мигрантов проживают в богатых странах. Их денежные переводы на родину достигают 300 миллиардов долларов США в год. Эта цифра превышает размер потоков международной помощи». Глава ООН подчеркнул, что

без этих переводов еще большее количество людей были бы вынуждены иммигрировать за границу в поисках работы.

На Конференции Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию, проходившей в июне 2012 г. в Рио-де-Жанейро, страны-участницы договорились обеспечить учет факторов населения и миграции в своих стратегиях развития. Также они договорились содействовать реализации прав человека и основных свобод всех мигрантов, особенно женщин и детей, независимо от их миграционного статуса, решать проблему международной миграции на основе международного, регионального и двустороннего сотрудничества и диалога, признавать права и обязанности стран происхождения, транзита и назначения и избегать действий, которые могут повысить уязвимость международных мигрантов (резолюция 66/288 ГА ООН).

Наиболее острая ситуация с нелегальными мигрантами на территории Евросоюза, однако и в других регионах наблюдаются схожие проблемы. Например, граница между США и Мексикой остается одним из широчайших миграционных коридоров мира. Как и прежде, пограничники США задерживают больше мексиканцев, чем представителей других этнических групп, но в прошлом году впервые в истории совокупное число прочих задержанных латиноамериканцев превысило даже число выходцев из Мексики. Это связано с тем, что последние все менее стремятся эмигрировать в США, поскольку экономика их страны на подъеме. А вот в Гондурасе, Сальвадоре и Гватемале жить становится все опаснее, и люди идут на север по проторенным тропам. Недавно в США добрались тысячи детей без родителей.

Процессы нелегальной миграции в России также носят глобальный характер. Россия занимает второе место в мире по числу мигрантов. В последние годы число мигрантов в РФ увеличилось почти на 40 %. России придется иметь дело с нелегальной миграцией многие десятилетия. Изменился состав приезжих: на территории РФ сегодня проживают 2,6 млн граждан Украины, 2,1 млн выходцев из Узбекистана и около 1 млн — из Таджикистана [Нелегальные мигранты..., 2015].

В рамках миграционного кризиса 2015–2016 гг. парламент Венгрии для сдерживания потока мигрантов и беженцев, прибывающих в страну, одобрил закон, предписывающий создание транзитных зон на границе с Сербией, где будет вестись прием и регистрация мигрантов. Нидерланды приняли решение ужесточить законодательство, сократив пребывание в миграционном центре до нескольких недель, после чего людей будут депортировать. Глава английского МВД предложила высылать из страны безработных мигрантов. Официальный представитель управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ) Мелисса Флеминг

выразила серьезную обеспокоенность подобными мерами, напомнив, что конвенция 1951 г. о статусе беженцев «не является дискриминационной, и любой, кто спасается от преследований, должен иметь возможность просить об убежище».

Президент Франции Франсуа Олланд подчеркивал, что необходимо различать беженцев, которые обращаются с просьбой о предоставлении убежища, и просто нелегальных мигрантов, которые устремляются в Европу в поисках работы, подобной позиции придерживается и президент Словакии Робер Фицо.

Отмечается, что настоящий кризис породил острые расхождения во взглядах европейских стран относительно того, как следует принимать прибывающих беженцев и мигрантов и урегулировать миграционные потоки в данные страны. Например, предлагается разделить «экономических мигрантов» из мирных стран, которым будет отказано в предоставлении убежища, от беженцев из охваченных войнами, конфликтами районов Африки, на которых будут распространяться квоты на их прием. Также представитель Еврокомиссии заявил о готовности представить расширенные предложения по перемещению мигрантов из наиболее подверженных нынешнему кризису стран — Италии, Греции и Венгрии.

Специальный докладчик ООН по правам мигрантов Франсуа Крепо призвал страны ЕС перейти к политике, основанной на защите прав человека и признании неизбежности и преимуществ мобильности людей, тем самым поспособствовав сокращению нелегальных потоков людей и пресечению деятельности контрабандистов: «Давайте не будем делать вид, что меры, предпринимаемые ЕС и его государствами-членами, работают. Миграция никуда не исчезла. Возведение заборов, использование слезоточивого газа и других форм насилия в отношении мигрантов и искателей убежища, заключение их под стражу, лишение их возможности иметь временное пристанище, доступ к воде и продовольствию, а также угрожающие и сеющие рознь высказывания не остановят потоки мигрантов в Европу» [Управление процессами..., 2015].

К тому же, как мы можем видеть, способность мигрантов достигать европейского континента, несмотря на меры по укреплению пограничного контроля, убедительно показывают, что «запечатать» международные границы невозможно, а подобные усилия приводят лишь к увеличению числа незаконных перевозок и росту доходов контрабандистов.

В данной ситуации возможным решением проблемы представляется налаживание легальных каналов для мигрантов, а также развитие системы выдачи им трудовых виз и более активная реализация программ по

переселению беженцев из стран, где скопилось большое количество таких людей. Большинство мигрантов бегут в Европу от войны и насилия, нуждаясь в защите и поддержке, однако их зачастую ассоциируют с иждивенцами и даже преступниками, в то время как речь идет о людях, включая детей, переживших глубокие травмы.

Заключение

Сегодня более чем когда-либо люди живут за пределами своей страны происхождения. В современном мире рост глобальной мобильности позволяет найти лучшие условия для жизни.

Для того чтобы воспользоваться преимуществами международной миграции в полной мере, важно соблюдать права человека и основные свободы всех мигрантов. Не следует забывать, что дискриминации и злоупотреблениям особенно подвержены нелегальные мигранты. Международный диалог по вопросам миграции служит для государств — членов ООН и других заинтересованных сторон площадкой для обмена мнениями, опытом и содействия сотрудничеству в области международной миграции. В то же время миллионы мигрантов по-прежнему сталкиваются с дискриминацией, ксенофобией. Диалог на высоком уровне способствует ускорению ратификации международно-правовых документов, касающихся международной миграции, и содействует их осуществлению.

Разработав правильный набор стратегий, можно использовать выгоды от международной миграции в интересах стран происхождения и назначения, мигрантов и их семей, а также уменьшить ее негативные последствия. Совместные действия мирового сообщества представляют собой важнейший шаг, который позволит скорректировать глобальную повестку дня в области нелегальной миграции, принять конкретные рекомендации относительно того, как урегулировать нелегальные миграционные потоки в интересах развития как стран происхождения, так и стран назначения и транзита.

Литература

1. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. International Migration Policies. 2013. Wallchart; New trends in migration: demographic aspects // Report of the Secretary-General. P. 4.
2. *Балашова Т. Н.* Конституционно-правовые проблемы формирования миграционной политики // монография. — СПб.: изд-во «Юридический центр Пресс», 2011. — С. 200.

3. Костенко В. В. Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2014. Т. XVII, № 3. — С. 62–76.
4. Юдина Т. Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Социологические исследования. — 2002. № 10. — С. 102–109.
5. В ООН обсуждают возможности борьбы с нелегальной миграцией [Электронный ресурс] // Отдел новостей и СМИ Радио ООН. URL: http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/192686/#.WcQUM_lJbIU (дата обращения: 10.11.2016).
6. За выходные в Мюнхен приехали 20 тысяч беженцев [Электронный ресурс] // Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/news/2015/09/07/germany_refugees/ (дата обращения: 10.11.2016).
7. Международная конференция по народонаселению и развитию, 1994 г. [Электронный ресурс] // United Nations Population Fund. URL: https://www.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/icpd_rus.pdf (дата обращения: 10.11.2016).
8. Миграционный кризис в Европе в цифрах и графиках [Электронный ресурс] // BBC Русская служба. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2016/02/160219_migrant_crisis_charts (дата обращения: 10.11.2016).
9. Нелегальные мигранты стали слишком дороги [Электронный ресурс] // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/politics/2015-08-17/1_migranty.html (дата обращения: 10.11.2016).
10. Пан Ги Мун призвал государства урегулировать миграционный кризис [Электронный ресурс] // Отдел новостей и СМИ Радио ООН. URL: <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/199397/#.WcQmiflJbIU> (дата обращения: 10.11.2016).
11. Рекомендации по статистике международной миграции, 1998 [Электронный ресурс] // United Nations Statistic Division. URL: http://unstats.un.org/unsd/publication/SeriesM/SeriesM_58rev1R.pdf (дата обращения: 10.11.2016).
12. Управление процессами миграции в Европе требует новых подходов [Электронный ресурс] // Центр новостей ООН. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=24325> (дата обращения: 10.11.2016).
13. Устав ООН [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата обращения: 10.11.2016).
14. Число мигрантов и беженцев, прибывших в Европу, достигло миллиона [Электронный ресурс] // Центр новостей ООН. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?newsID=25144#.WDCU5y2LTIV> (дата обращения: 10.11.2016).

Георгий Александрович Николаенко
Санкт-Петербургский государственный университет

Georgiy A. Nikolaenko
St-Petersburg State University

ТРИ «Т»: ТЕОРИЯ, ТРАВМА, ТРАМП, ИЛИ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТРАВМЫ

Three «T»: Theory, Trauma, Tramp or Theoretical Bases of Sociological Analysis of Trauma

Аннотация. В статье приводится обзор современной социологической теории травмы, в частности рассматриваются концепции Джеффри Александра, Рона Айермана и Петра Штомпки. Автор применяет вышеназванный теоретический аппарат для анализа социальных событий, детерминированных выборами 45-го президента Соединенных Штатов Америки.

Ключевые слова: травма, Александр, Айерман, Штомпка, Ассман, адаптация, риск, anomie, дискурс, травматическая ситуация, травматическая последовательность, анализ, преодоление травмы.

Abstract. The article gives an overview of the modern sociological theory of trauma, in particular, the concepts of Jeffrey Alexander, Ron Ayerman and Peter Sztompka. The author applies the above-mentioned theoretical apparatus for the analysis of social events determined by the election of the 45th President of the United States of America.

Keywords: trauma, Alexander, Ayerman, Sztompka, Assmann, adaptation, risk, anomie, discourse, traumatic situation, traumatic sequence, analysis, overcoming trauma.

В рамках VI Ежегодной социологической школы СПбГУ мне выпала возможность прочесть лекцию под названием «Современный подход к изучению памяти и культурной травмы», которой я не воспользовался... в полной мере. Если быть точным, то уже после утверждения программы мной было принято волевое решение сфокусироваться именно на современных моделях памяти в социологии, в частности на концепции Алейды Ассман, тем самым оставив тему травмы в стороне. Кстати, вот уже примерно в этом

месте читатель, знакомый с такими книгами, как «Длинная тень прошлого» [Ассман, 2014] или «Новое недовольство мемориальной культурой» [Ассман, 2016], может задать вполне резонный вопрос — как в принципе возможно рассказать о концепции Алейды Ассман, строящейся на анализе коммеморативных практик Германии, игнорируя при этом травму — ведь именно травма занимает львиную долю ее работ!? И мой ответ будет крайне категоричен — никак, ведь этот факт бесспорен — практически весь современный (постколониальный) европейский коммеморативный дискурс строится вокруг темы насилия и жертвенности, будь то Холокост, распад колониализма или что-то еще. Однако как нельзя было за час раскрыть (хотя бы тезисно) обе модели в рамках Школы, так и невозможно на предоставленных мне тридцати тысячах знаков уместить ту же информацию, в связи с чем я вынужден отослать читателя, не знакомого с современными подходами к изучению памяти, к соответствующим материалам — лучше всего к первоисточникам, конечно, а в рамках данной статьи сконцентрироваться на второй части первоначальной лекции — травме. Что же касается названия данной публикации, то тут все просто — навряд ли кого-то бы заинтересовала статья под сухим названием «Теоретические основания социологического анализа коллективной травмы», в то время как новый президент США до сих пор в топ-10 наиболее обсуждаемых новостей, хотя и тут есть свои минусы... Во-первых, к моменту публикации сборника основные темы в СМИ скорее всего изменятся, да так, что моя статья сможет выступать лишь в качестве аутсайдера, ну или в лучшем случае — «периферийного догоняющего», наподобие тех, о ком в своей лекции «4 тренда в современной социологии» упоминал Д. В. Иванов, ну а во-вторых, мне теперь придется придумывать более или менее работающие примеры, в которых присутствовали бы оба компонента — Дональд Трамп и травма. Что из этого получится, мне не известно, однако у меня в запасе еще целая неделя и двадцать восемь тысяч знаков, так что попробовать стоит!

Итак, начнем с операционализации понятий. Слово «травма» происходит от древнегреческого слова «*τραῦμα*», что в переводе означает «рана». В социологическом же контексте интерес вызывают слова историка и культуролога, профессора Корнелльского университета Кэти Карут (Cathy Caruth), которая пишет, что в последнее время термин «травма» используется в психиатрической литературе для описания нарушения осознания себя и мира в результате сильнейшего эмоционального шока [Caruth, 1996]. Таким образом, в рамках этого понимания травмы «происшествие травматично не столько из-за того, что оно оказывает серьезное влияние, сколько потому, что его невозможно помыслить» [Цит. по Айерман, 2013, с. 122]. Однако Кэти Карут — наш современник, и для начала нам следует

ознакомиться с классическими основаниями, используемыми для изучения травмы в социологии. Стоит оговориться, что изучение коллективной травмы, так же как и изучение коллективной памяти, лежит в зоне междисциплинарных исследований, так что мы не будем (да и не можем) в данном вопросе ориентироваться исключительно на социологов.

Сильные позиции в области изучения травмы исторически занимают фрейдисты и неопрейдисты. Сам Фрейд пришел к данной проблематике через исследования женской истерии, психологических последствий промышленных и транспортных аварий, а также при изучении психических расстройств ветеранов Первой мировой войны. Он рассматривал травму как результат физического и/или эмоционального удара, против которого сознание не может бороться и, как следствие, выражающийся в нарушениях поведения или же ночных кошмарах.

Стоит обратить внимание на то, что Фрейд, развивая свою модель травмы, выделил так называемый посттравматический латентный период, характеризующийся вполне нормальным поведением. Иными словами, травмированный индивид может не проявлять какой-либо реакции на травмирующее событие на протяжении некоторого времени. Посттравматический латентный период не имеет временных рамок, однако влияние травматического опыта все равно рано или поздно проявляется в поведении индивида. Этот концепт в несколько видоизмененном виде и в наши дни играет достаточно значимую роль в исследованиях травмы [Фрейд, 1993].

В свою очередь, профессор социологии и содиректор Центра культур-социологии Йельского университета Рон Айерман (Ron Eyerman), анализируя современные теории травмы, выделяет три основных концепта: индивидуальную, коллективную и культурную травмы [Айерман, 2013, с. 122].

Так, индивидуальная и коллективная травмы имеют тождественную природу. Индивидуальная травма лежит в поле психологии, психоанализа и психиатрии, в то время как коллективная уже может быть изучена с помощью социологических механизмов познания. «Индивидуальную и коллективную травмы объединяет то, что возникает в результате шока. Нанесенные раны в той же степени коллективны и социальны, в какой они индивидуальны. Во время экономических кризисов или войны личная потеря у одного человека тесно связана с потерями других людей. Кумулятивный эффект только углубляет травму, в результате чего чувство принадлежности к сообществу, коллективная, как и индивидуальная, идентичности расшатываются» [Айерман, 2013, с. 124]. Таким образом, с точки зрения Айермана, коллективная травма предстает (по аналогии с моделью травмы Фрейда) как результат травмирующего события, характеризующийся нарушением повседневной рутины той или иной социальной группы и

актуализирующий ценностную базу этой общности. Немаловажным свойством травмы является способность не только актуализировать ценностные базы социальных групп, но и, в случае невозможности дальнейшего существования группы на старых основаниях, создавать новые, «посттравматические» общности.

В свою очередь, основное отличие коллективной и культурной травм, с точки зрения почетного профессора Калифорнийского университета в Беркли Нейла Смелзера (Neil Smelser), заключается в том, что культурная травма носит искусственный характер. Смелзер определяет культурную травму как «захватывающее и подавляющее событие, которое, как считается, подрывает или подавляет один или несколько ключевых элементов культуры или культуру целиком» [Smelser, 2004, р. 38]. Дальнейшее рассмотрение концепта культурной травмы зависит от парадигмальных установок исследователя и располагается между двумя полюсами — радикальным конструктивизмом, в рамках которого культурная травма будет рассматриваться исключительно как социальный конструкт, и радикальным натурализмом, рассматривающим травму как результат деструктивного влияния травмирующего события на социум.

Рон Айерман определяет культурные травмы как «процессы создания смыслов и атрибуций, длящаяся борьба, в которой разные индивиды и группы стремятся определить ситуацию, управлять ею и контролировать ее» [Айерман, 2013, с. 125]. Иными словами, культурная травма представляет собой процесс, в рамках которого некое внеповседневное событие разрывает рутину повседневности, тем самым актуализируясь и требуя интерпретации. Так образуется «травматическое» дискурсивное поле, в которое включаются различные индивиды и группы, стремящиеся управлять этим полем в собственных интересах.

В рамках своего историко-социологического исследования польский социолог, профессор Ягеллонского университета (Краков, Польша) Петр Штомпка (Piotr Sztompka) выделил ряд теорий, которые в различной степени анализировали социальные явления, являющиеся элементами культурной травмы. К их числу были отнесены следующие концепты: «аномия, цивилизационная некомпетентность, социальное трение, синдром недоверия, коллективное чувство вины, коллективное чувство стыда, кризис идентичности, кризис легитимности и теория культурного лага» [Штомпка, 2001, с. 11]. Однако непосредственно концепт **культурной травмы** вошел в социологический дискурс именно благодаря работам Петра Штомпки.

Рассматривая природу социальных изменений второй половины XX в., Петр Штомпка вводит концепт **травматической последовательности**, который определяется как «сложный, искусственный вид человеческой кол-

лективности, дающий возможность его творческой самотрансформации» [Штомпка, 2001, с. 8].

Травматическая последовательность имеет шесть стадий:

1. «Структурная благоприятность», то есть некоторое состояние социальной структуры и культурной среды, благоприятствующее возникновению травмы.
2. Травматическое событие.
3. Определение и интерпретация травматических событий на основании унаследованных культурных ресурсов.
4. «Травматические симптомы», выражающиеся через определенные схемы поведения.
5. Посттравматическая адаптация.
6. Преодоление травмы.

Итак, первый этап — структурная благоприятность — социальная ситуация, характеризующаяся возникновением дезорганизации и несогласованности в социальной структуре или культуре, детерминирующая потерю гомогенности и стабильности, часто сопровождающаяся конфликтом внутри социальных структур, обуславливающим прогрессирующий раскол, охватывающий основные компоненты культуры, такие как ценности, верования и нормы. Так, структурная благоприятность может детерминировать так называемую потенциально травматическую ситуацию, обладающую рядом характеристик, которые Петр Штомпка условно делит на четыре категории:

1. Неожиданность и быстрота.
2. Радикальность, глубина и всесторонность.
3. Экзогенность (даже если травматическая ситуация образовалась исключительно за счет внутренних процессов в группе, она все равно будет восприниматься как что-то внешнее, экзогенное).
4. Непредсказуемость, неожиданность.

Рассматривая второй этап травматической последовательности, Петр Штомпка приводит список социальных изменений (травматических событий), которые могут послужить основанием для коллективной травмы: «революция, государственный переворот, уличные бунты, крах рынка, кризис фондовой биржи, радикальная экономическая реформа (приватизация или национализация), иностранная оккупация, колониальное завоевание, принудительная миграция или депортация, геноцид, истребление, массовые убийства, акты терроризма и насилия, религиозная реформация, убийство президента, отставка высшего должностного лица, разоблачение коррупции, правительственный скандал, открытие секретных архивов, ревизия героических традиций нации, крах империи, проигранная война и т. д.» [Штомпка, 2001, с. 9]. Подобные события, при определенных

обстоятельствах, могут нанести травмирующее действие, обуславливающее резкое изменение привычных для социума паттернов мышления и поведения.

Третий этап травматической последовательности — определение и интерпретация симптомов травматического события. «Если люди определяют ситуации как реальные, они реальны в своих следствиях» [Томас, 2001, с. 29], иными словами, травматическое воздействие требует актуализации травматической ситуации. Так, например, некоторые травмы могут быть детерминированы не столько реальными травматическими ситуациями, сколько распространением представлений об этих ситуациях. Более того, возможна и обратная ситуация, когда интерпретация травматических событий в определенном легитимирующем, позитивном ключе может предотвратить культурную травму. В данном случае стоит акцентировать внимание на культурной релятивизации, обуславливающей за счет закодированных в культуре паттернов интерпретации то или иное восприятие травмирующего события. Так, в каждом частном случае, за счет вышеупомянутых культурных паттернов, травмирующее событие может интерпретироваться в широком диапазоне значений, на противоположных полюсах которого расположены культурная травма и некое позитивное, системообразующее событие.

Сила влияния травмы на общество зависит от «относительного уровня раскола с предшествующим порядком или с ожиданиями его сохранения» [Штомпка, 2001, с. 9]. Таким образом, чем сильнее разрыв между дотравматическим состоянием общества и травматическими событиями, тем сильнее влияние травмы. Кроме того, травматическое воздействие усиливается и в случае воздействия травмы на системообразующие элементы, такие как ценности и коллективные ожидания.

Четвертый этап — травма — «коллективный феномен, состояние, переживаемое группой, общностью, обществом в результате разрушительных событий, интерпретируемых как культурно-травматические» [Там же]. Выделяется три уровня коллективной травмы: биологический (демографический), структурный и культурный уровни коллективности. Петр Штомпка фокусируется на изучении третьего уровня — культурного. Так, культурная травма может существовать на протяжении длительного времени, передаваясь, по классификации Алейды Ассман, в рамках социальной и культурной памяти, тем самым используя как межпоколенческие, так и транспоколенческие механизмы коммуникации.

Культура, в рамках концепции Петра Штомпки, это совокупность коллективных смыслов и символов, обладающая двойственной структурой, разделенной на следующие категории: нормативные компоненты (ценности, нормы, правила, роли, стили, вкусы) и когнитивные компоненты (ве-

рования, убеждения, доктрины, теоретические построения, парадигмы). Таким образом, культурная травма, деструктивно влияющая на культурный уровень коллективности, представляет собой разрушение устоявшегося порядка смыслов, при котором происходит не только изменение смысловых конструкций и системообразующих паттернов поведения, но также и утрата ценностных установок. Более того, культурная травма может нарушить структуру коллективной идентичности, при которой дотравматическое разделение на «мы-группу» и «они-группу» перестает быть релевантным.

Культурная травма обладает наиболее масштабным и длительным негативным воздействием на общество. «Если происходит нарушение порядка, символы обретают значения, отличные от обычно означаемых. Ценности теряют ценность, требуют неосуществимых целей, нормы предписывают непригодное поведение, жесты и слова обозначают нечто, отличное от прежних значений. Верования отвергаются, вера подрывается, доверие исчезает, харизма терпит крах, идола рушатся» [Там же].

Восприимчивость социальных групп к травмам различна. Так, анализируя травму, мы можем выделить центральные группы, которые наиболее глубоко переживают травмирующие события, а также периферийные группы, в значительно меньшей степени ощущающие на себе негативные последствия культурной травмы. Более того, влияние одних и тех же травмирующих событий может быть диаметрально противоположно для различных групп. Также стоит отметить, что групповая способность осознания культурной травмы различается в зависимости от ряда свойств группы, таких как уровень образования ее членов, политическая ориентация и т. д.

Пятый и шестой этап — адаптация и преодоление травмы. Анализируя коллективную реакцию на травмирующие события, Петр Штомпка использует концепцию четырех типов адаптации к аномии, предложенную американским социологом Робертом Мертоном (Robert Merton) [Merton, 1996]:

Таблица 1

Типы адаптации к аномии

Инновация	Культурное производство, нацеленное на смягчение конфликта	Активный тип	Инновация
Бунт	Радикальное и всеобъемлющее изменение культуры	Активный тип	Бунт
Ритуализм	Культивирование традиций как защита от травм	Пассивный тип	Ритуализм
Ретриатизм	Игнорирование травмы	Пассивный тип	Ретриатизм

Стоит отметить, что Петр Штомпка иногда использует и типологию адаптации к нестабильности и риску Энтони Гидденса (род. 1938) [Giddens, 1990]:

Таблица 2

Типы адаптации к нестабильности и риску

Сосредоточенность на повседневности и осознанное подавление беспокойства	Пассивный тип
Оптимизм, вера в благоприятный исход	Пассивный тип
Циничный пессимизм, гедонизм	Пассивный тип
Борьба против источников опасности	Активный тип

Отдельного внимания заслуживает критика классической теории травмы с позиции культурсоциологии. Так, Джеффри Александер (Jeffrey Alexander) — почетный профессор Департамента социологии Йельского университета (США), рассматривая генезис изучения коллективных травм, выделил так называемую популярную теорию травмы. Следуя данной теории, травма «суть естественным образом происходящие события, которые сокрушают ощущение благополучия у индивидуального или коллективного актора» [Александер, 2012, с. 9]. Таким образом, просматривается диалектика, в рамках которой действуют некоторые травмирующие события, разрушающие привычный образ жизни, а в противоположность им выступает переживание травмы как нерелексивный ответ. Подобная трактовка травмы имеет две основные разновидности, которые Джеффри Александер определяет как «версию философии Просвещения» и «психоаналитическую версию».

С позиции философии Просвещения травма рассматривается как «род рациональной реакции на резкую перемену» [Там же]. Иными словами, причины возникновения травмы четко воспринимаются акторами, которые, в свою очередь, рационально реагируют с целью решить вновь возникшие проблемы и продолжить процесс развития. Таким образом, реакции на травмы будут заключаться в попытках изменить травмообразующие обстоятельства. В свою очередь, психоаналитическая трактовка, опирающаяся преимущественно на работы Жака Лакана (Jacques Lacan) и Жака Деррида (Jacques Derrida), заявляет о том, что деструктивными свойствами обладает не только непосредственно травмирующая ситуация, но и тревоги, вызванные необходимостью подавления травмы. Так, мы можем говорить о преодолении травмы только тогда, когда посттравматические явления будут преодолены не только в социальной структуре, но и в психологической, т. е. когда будет восстановлено нормальное функционирование «Я».

Джеффри Александер, критикуя «популярную теорию травмы» с позиций культурсоциологии, указывает на «ошибку натурализма» (*naturalistic fallacy*), т. е. на восприятие травмы как некоторого события, реально существующего в действительности. В отличие от классических концепций травмы, Дж. Александер рассматривает травму как свойство, приписываемое событию обществом. При этом стоит заметить, что это свойство может приписываться событию до того, как оно произошло (т. е. как предвосхищение), непосредственно в момент события или же постфактум. Однако «иногда травмирующие события могут и вообще не происходить в действительности, тем не менее такие воображаемые события могут быть столь же травмирующими, сколь и те, что на самом деле имели место» [Там же, с. 16]. Таким образом, Джеффри Александер наделяет воображение (определяемое им по аналогии с работами «Воображаемые сообщества» Б. Андерсона [Андерсон, 2001] и «Элементарные формы религиозной жизни» Э. Дюркгейма [Дюркгейм, 1998]) важную ролью в процессе травмирования, так как именно посредством воображения происходит конструирование травмы, вне зависимости от того, произошло событие на самом деле или нет. Иными словами, «статус травмы придается реальным или воображаемым явлениям не благодаря их фактической вредности или объективной вредности, но благодаря тому, что полагают, что эти явления резко и пагубно повлияли на коллективную идентичность» [Александер, 2012, с. 17]. Так, мы можем говорить о травме в том случае, когда происходит смещение привычных смыслов общества, вне зависимости от того, была причина реальной или же мнимой.

Анализируя процесс конструирования травмы, Джеффри Александер выделяет несколько этапов. Так, в качестве первого этапа выступает **«заявление»** о форме социальной реальности, в рамках которого актуализируется «нарратив устрашающе разрушительного социального процесса и требование эмоциональной, институциональной и символической компенсации и восстановления» [Там же, с. 19]. Подобные заявления формируются и выдвигаются **«группами носителей»**¹ — коллективными акторами процесса травмы. В целом этот этап можно описать с помощью теории речевых актов, предложенной Дж. Л. Остином (1911–1960) [Austin, 1975] и расширенной Джоном Серлом (род. 1932) [Searle, 1969]. Таким образом, процесс заявления можно разделить на три элемента: говорящий, аудитория и ситуация. Следуя данной схеме, мы можем определить группу носителей

¹ Определение этого понятие строится на основе работ Макса Вебера. В дальнейшем этот концепт разрабатывался Ш. Эйзенштадтом и Б. Гизеном.

как говорящего, общество в целом (society at large) как аудиторию, а исторический, культурный и институциональный контекст как ситуацию.

Аргументация группы носителей строится на основе следующих элементов:

- Природа боли — описание конкретного травмирующего события.
- Природа жертвы — определение травмированных групп.
- Связь жертвы травмы с более широкой аудиторией.
- Распределение ответственности — определение «преступников», «свидетелей» и «жертв».

Таким образом, «переживание травмы» понимается как «социологический процесс, который определяет болезненную рану, нанесенную сообществу, устанавливает жертву, возлагает ответственность и распределяет идеальные и материальные последствия» [Александр, 2012, с. 32]. В свою очередь, этот процесс детерминирует пересмотр коллективной идентичности, результатом которого становится период «успокоения», характеризующийся процессом рутинизации (сглаживания) травмы.

Суммируем все вышесказанное. Обобщая концепцию Петра Штомпки, мы можем разделить весь процесс коллективной травмы, начиная от структурных предпосылок и заканчивая ее преодолением, на шесть этапов. Первый этап, **«структурная благоприятность»**, представляет собой некоторое состояние социальной структуры, благоприятствующее возникновению травматических событий. Второй этап — непосредственно **травматическое событие**, т. е. социальное изменение, которое может послужить основанием для коллективной травмы (например, революция). Третий этап можно условно назвать **интерпретацией травматических событий**. На данном этапе происходят актуализация травматического события и его интерпретация как травмы. Четвертый этап — **травматические симптомы** — явление нарушения функционирования социальной системы. Петр Штомпка выделяет три уровня травм: биологический, структурный и культурный. В свою очередь пятый (**посттравматическая адаптация**) и шестой (**преодоление травмы**) уровни анализируются при помощи концепта четырех типов адаптации к аномии, предложенного Робертом Мертоном.

В свою очередь, из критики «ошибки натурализма» Джеффри Александера [Там же, с. 16] следует, что в процессе коллективной травмы первично не столько само травмирующее событие, сколько аргументация группы носителей. Иными словами, основополагающую роль играет воображение, приписывающее реальному или воображаемому событию травмирующие свойства, затрагивающие не только жертву, но и более широкую аудиторию. Таким образом, коллективная травма может рассматриваться как речевой акт (по аналогии с теорией Дж. Л. Остина) [Austin, 1975],

в рамках которого можно выделить три элемента: говорящего (группу носителей), аудиторию (общество) и ситуацию (контекст). Данный речевой акт стоит рассматривать с помощью четырехступенчатой схемы, выделяя следующие элементы: описание конкретного травмирующего события, определение травмированных групп, связь жертвы травмы с более широкой аудиторией и распределение ответственности. Результатом актуализации травмы становятся существенные социальные трансформации, приводящие к перестройке коллективной идентичности в соответствии с травматическим опытом. Заключительным этапом травмы становится процесс ее рутинизации, при котором травматическое событие теряет свою остроту и постепенно «сглаживается».

На этой ноте и заканчивается экскурс в теорию травмы. Конечно, в социологии и смежных дисциплинах есть еще множество различных концептов, однако мы все еще находимся в плену времени и формата. Однако, как вы могли заметить, в этой статье не было ни слова о Дональде Трампе... Подозрительно, не так ли? Дело в том, что я решил разделить непосредственно теоретическую часть и рассуждения о политических трансформациях США для того, чтобы не создавать лишней путаницы и в без того крайне концентрированном тексте. На данный момент у нас в запасе остается еще 5248 знаков (с учетом пробелов), так что не будем тратить драгоценные ресурсы понапрасну!

Сейчас самое важное — задать правильный вопрос. О чем мы сейчас можем говорить? Исключительно о факте избрания г-на Дональда Трампа 45-м президентом Соединенных Штатов Америки. Таким образом, нас интересуют социальные трансформации американского общества, с момента оглашения результатов всеобщего голосования и до 20 января 2017 г. — даты вступления в должность. Наверное, стоит обратить внимание и на последствия голосования выборщиков (19 декабря 2016 г.), но так как срок подачи текста в сборник — 5 декабря 2016 г., то этот аналитический труд ложится на ваши плечи, дорогие читатели.

Как же мы будем определять травму? Что конкретно произошло в США? Как вы понимаете, использование категории «реальности» невозможно, ведь социальные конструкты ничуть не менее реальны, чем, например, природные катаклизмы... Однако, мы можем немного порассуждать в этом направлении. Фактически с победой Трампа на выборах в США ничего экстраординарного не произошло и крайне маловероятно, что до момента инаугурации что-то произойдет. Все? Расходимся? Нет... Отсутствие терактов, геноцида, репрессий, катаклизмов и прочих несчастий не исключает возможности поставить диагноз нашим заокеанским партнерам, но не будем торопиться с выводами.

Структурная благоприятность. Пожалуй, с учетом отечественного информационного поля это один из наиболее острых вопросов. Все ли так хорошо в США или же имеет место некоторое стечение обстоятельств, способствующее возникновению значительной социальной напряженности, расколу. Мы не сможем однозначно ответить на этот вопрос, так как мы не американисты (с другой стороны, разве могли советологи гарантировать истинность своих изысканий?), однако пара аспектов все же есть. В свободном доступе уже сейчас можно найти данные об американских избирателях, принявших участие в прошедших президентских выборах (см. рис. 1). Как видно из диаграмм, какого-то серьезного раскола в обществе не наблюдается, за исключением контраста в волеизъявлении афроамериканцев и, в некоторой степени, иудеев. Достаточно ли этого для того, чтобы поднять тревогу и ввести режим чрезвычайной ситуации? Нет, не достаточно. Однако возрастающая в последнее время напряженность между белым и цветным населением (помимо контекста предвыборной гонки), усиленная несколькими полицейскими скандалами и риторикой самого Дональда Трампа, может считаться таковой. Это вполне травмоопасная ситуация, которую мы можем назвать структурной благоприятностью, хоть и с некоторыми оговорками.

Травматическое событие. Событие у нас есть — победа Дональда Трампа в выборах США. И вот тут начинается самое интересное... Что реально может изменить факт избрания какого-то человека президентом? Конечно, отреагировали рынки... Безусловно, прокомментировали политики... Но что в реальности изменилось в жизни среднестатистического американца? Можно было бы ответить, что ничего, но это стало бы ошибкой. Среднестатистический американец все время находится в среде среднестатистического американского дискурса, который в свою очередь контролируется двумя ведущими партиями не в равной степени. Все ли участники акций протеста «Not my President» («Не мой Президент») самостоятельно сконструировали дискуссионное поле, работающее против Трампа? Нет. Давайте просто посмотрим, какие силы и ресурсы были задействованы в предвыборной программе г-жи Клинтон. Перечислить все просто невозможно, ведь 125 205 990 \$ — значительная сумма. Особое место занимают звезды американского (и, как следствие, глобального) шоу-бизнеса («Stop Hate, Damp Trump!», savetheday.vote и т. д.). Однако в случае со звездами речь идет не столько об экономических, сколько об идеологических причинах. Голливуд за демократов... Давно. И эти взаимоотношения намного глубже и шире, чем может показаться изначально. Республиканцев традиционно поддерживает тяжелая промышленность — нефтяные компании, металлургия и т. д. Более того, на их стороне выступают и финансовые

компании с Уолл-Стрит. В свою очередь, демократов поддерживают технологические компании и транснациональные корпорации (Sony (Sony Pictures), Comcast (Universal), AT&T (Warner Bros.), Viacom (Paramount)), которые как раз и контролируют Голливуд. Список знаменитостей, негативно высказывающихся против г-на Трампа, просто огромен, что, конечно, сыграло немаловажную роль в выстраивании про-демократического дискурса. Группа носителей у нас есть — это демократическая партия и ее сторонники, молниеносно потерявшие контроль не только над Белым домом, но и не восстановившие контроль над Конгрессом. Вот только выборы уже прошли и, фактически, если закрыть глаза на возможность проведения импичмента, следующие четыре года демократы будут вынуждены занимать пассивную роль. При этом то, что сейчас происходит на улицах США, скорее просто отголоски, некоторые последствия предвыборной гонки, а не начало каких-либо травматических трансформаций и процессов. Кого мы видим на митингах? Множество различных групп людей, в числе которых и феминистки, и представители ЛГБТ-сообщества, однако их активность в целом не выходит за рамки оппозиционного дискурса (конечно, если закрыть глаза на немного более радикальный характер их выступлений в последнее время). Главное — условия их жизни не изменились и их деятельность — в большей степени ответ на риторику Трампа. Что же касается феминисток, то, несмотря на либеральный дискурс, многие политологи считают, что политическая система Соединенных Штатов консервативна и, как следствие, карьерный рост женщины в ней затруднен. Таким образом, избрание Хиллари Клинтон стало бы наиболее значительной победой американских (и шире — североатлантических) феминисток. Можно ли считать несбывшиеся надежды травмой? Вопрос открытый. Можно ли считать страхи представителей ЛГБТ травмой? Тоже открытый вопрос.

Интерпретируется ли избрание Трампа как травма? Да. Определенными группами — да. Что же касается травматических **симптомов**, то они тоже имеют место быть — усилившаяся миграция в Канаду, например. Что же касается адаптации, то еще рано об этом говорить. Одно можно сказать уже сейчас: избрание Трампа, в качестве менее вероятного события, а также с учетом его острой риторики, изначально было более травмоопасным, нежели избрание Хиллари Клинтон (оговорюсь — речь идет о прогнозе общественной реакции, а не о какой бы то ни было оценке кандидатов). Окончательный диагноз возможно поставить, только имея на руках качественный анамнез, а также после сбора всех необходимых анализов, с учетом динамики, конечно. Однако одно можно сказать точно — избрание Трампа, в отличие от избрания Обамы, например, в значительно

большей степени может быть интерпретировано как травматическое событие. Может, кто-то из вас напишет диссертацию по этой теме? Кто знает...

Очевидно, что данный анализ носит скорее риторический и, если позволите, иллюстративный характер и не претендует на звание научного изыскания, однако я искренне надеюсь, что мне удалось продемонстрировать основные аналитические элементы на столь злободневном примере.

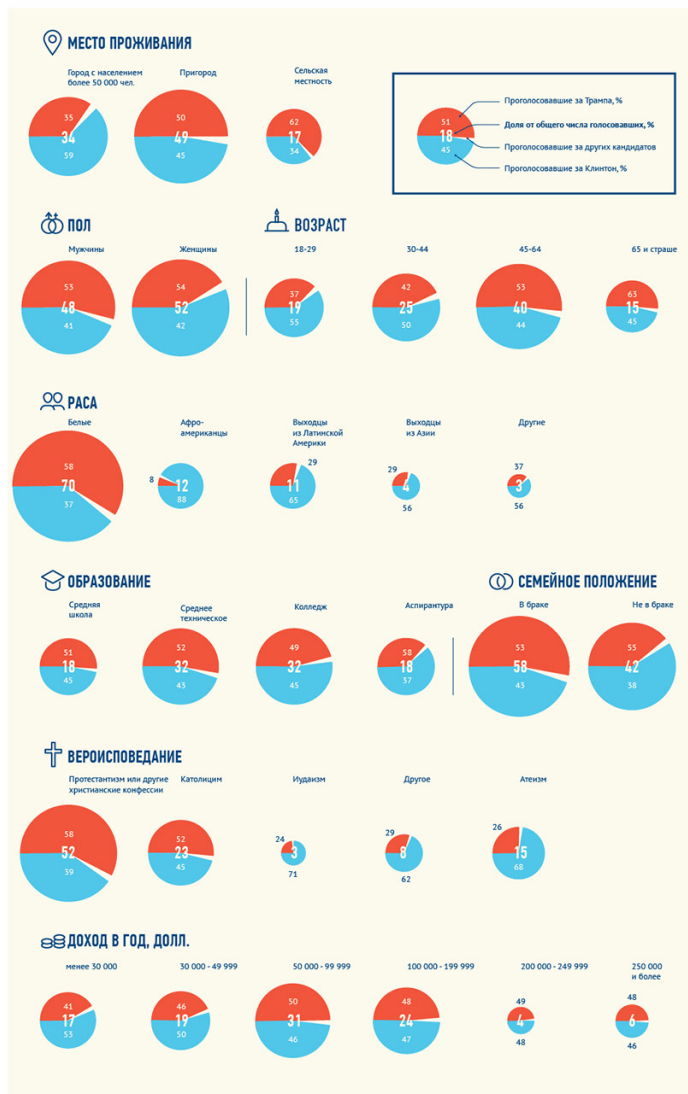
Литература

1. Austin J. How to Do Things with Words // Harvard University Press, 1975. — 168 p.
2. Caruth C. Unclaimed experience: trauma, narrative, and history. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 1996. — 208 p.
3. Giddens A. Consequences of Modernity. — Stanford: Stanford univ. press, 1990. — 186 p.
4. Merton R. K. Social Structure and Anomie // P. Sztompka (ed.). Robert K. Merton on Social Structure and Science Chicago. 1996.
5. Searle R. John Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language // Cambridge University Press, 1969. — 203 p.
6. Smelser N. J. Psychological trauma and cultural trauma // Alexander J. C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N. J., Sztompka P. Cultural trauma and collective identity. Berkeley: University of California Press. 2004. — P. 31–59.
7. Айерман Р. Социальная теория и травма // Социологическое обозрение. — 2013. № 1, т. 12. — С. 121–138.
8. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность / пер. с англ. Г. К Ольховников // Социологический журнал. — 2012. № 3. — С. 5–40.
9. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. — М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. — 288 с.
10. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с.
11. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Б. Хлебникова. — М.: Новое литературное обозрение, 2016. — 232 с.
12. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии / пер. с франц. А. Б. Гофмана // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиозоведения / под общ. ред. А. Н. Красникова. — М.: Канон+, 1998. — С. 175–231.
13. Томас У., Знанецкий Ф. Методологические замечания // Психология социальных ситуаций. — СПб., 2001. — С. 29–34.
14. Фрейд З. Человек по имени Моисей и монотеистическая религия / пер. с нем. и примеч. Р. Ф. Додельцева; послесл. К. М. Долгова. — М.: Наука, 1993. — 171 с.
15. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. — 2001. № 1. — С. 6–16.
16. Save the Day I Built by Versus Creative. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://savetheday.vote/> (дата обращения: 20.07.2017).

Кто голосовал за Клинтон и Трампа

Как голосовали мужчины и женщины, католики и иудеи, женатые и холостые

Источник: www.nbcnews.com

Рисунки: Елена Гудимова, Дмитрий Селицкий, Евгений Руднев, Фотографии: Александр Воронин, Юлианна Акин, Светлана

Рисунок 1.

Анастасия Алексеевна Александрова
Санкт-Петербургский государственный университет

Anastasia A. Aleksandrova
St. Petersburg State University

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ РОЛИ СОЦИОМЕТРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РАМКАХ СОЦИОЛОГИИ ОРГАНИЗАЦИЙ

Reconsideration of the Role of Sociometric Research in Sociology of Organizations

Аннотация. В данной статье предпринята попытка переосмыслить роль социометрических исследований для принятия управленческих решений. В частности, акцент сделан на том, что путем выявления характера межличностных отношений в организации можно раскрыть важные процессы, происходящие в компании.

Ключевые слова: социометрия, межличностные отношения, организация, управленческие решения, ограничения социометрических исследований.

Abstract. The article makes an attempt to reinterpret the importance of sociometric research for making managerial decisions. In particular, there is an emphasis on the fact that thanks to identifying of character of interpersonal relationships in organization we are able to reveal significant processes in the company.

Keywords: sociometry, interpersonal relationships, organization, managerial decisions, limits of sociometric research.

Социометрия как метод изучения отношений внутри группы была на пике популярности в 40–60-е гг. прошлого столетия, в связи с тем, что именно в это время Дж. Морено публикует ряд работ (например, «Социометрия в действии», «Социометрия человеческих субкультур», «Социометрия. Экспериментальный метод и наука об обществе»), которые описывают основные положения данного метода, его возможности для изучения межличностных отношений внутри малой группы, в частности школьников. Обращаясь к статистике, представленной на сайте базы данных SciVerse Scopus, можно увидеть, что в 50-е гг. фокус большинства статей

был направлен на применение социометрического метода в групповой психотерапии (Larr E. A., 1959), на изучение школьников (Gronlund N. E., 1956). Однако в большей степени изучались возможности данного метода (Smith E. R., 1952; Glanzer M., Glaser R., 1959), а также его недостатки (Maisonneuve J., 1956). Начиная с 2003 г. количество публикаций по теме социометрических исследований увеличивается: если до этого года количество публикаций постоянно колебалось от 0 до 7, то в 2010 г. уже было 14 публикаций в год, а в 2012 г. — 20. В частности, была переосмыслена роль социометрического исследования в изучении отношений между школьниками, студентами (Reungrungsee J., Intarasema S., Porouhan P., Premchaiswadi W., 2012; Castello Branco, D. T. M., Prikladnicki R., Conte T., 2012, и др.). Особое внимание было обращено на то, что данный метод раскрывает наличие буллинга и агрессивного поведения в данных группах (Bacallao M., Smokowski P., 2010, Smith H., Polenik K., Nakasita S., Jones A. P., 2012, и др.). Следовательно, можно говорить о том, что в настоящее время идет возрождение идей Дж. Морено, поскольку его метод действительно является эффективным для изучения межличностных отношений. Социометрия как метод изучения общественных отношений не является подходящей стратегией, однако современное общество трансформируется, и изменения происходят не только на макроуровне, но и на микро-. Эти два уровня становятся все больше взаимосвязанными и взаимозависимыми друг от друга, что предполагает возрастающий интерес со стороны исследователей к процессам, происходящим как раз на уровне небольших групп, коллективов, движений и т. д. В частности, подтверждением данному факту может служить развитие феноменологического, драматургического, этнометодологического подходов в социологии, где роль межличностных отношений, поведения человека становится значимой. Не исключением, как мы видим, является и интерес к социометрическим исследованиям. Однако большинство исследователей акцентирует внимание на таких малых группах, как студенты, школьники, больные, в то время как трудовые коллективы выпадают из сферы их изучения. В связи с этим в данной работе будет предпринята попытка отразить важность социометрического измерения сотрудников организации.

В первую очередь возникают вопросы: что понимается под межличностными отношениями? Нужно ли изучать, как они проявляются в организациях? Основное отличие межличностных отношений от общественных (социальных) заключается в том, что вторые носят объективный характер и характеризуют в целом отношения между различными группами в обществе, в то время как первые складываются между конкретными людьми. Межличностные отношения обусловлены социальными, поскольку взаимо-

действие происходит не в замкнутом пространстве, а в обществе с сформировавшимися нормами и ценностями, с определенной системой политических, идеологических, экономических отношений. В связи с этим характер межличностных отношений будет определяться социальным статусом человека, его позицией в системе формальных отношений [Андриенко, 2004, с. 13]. Однако не менее важной составляющей межличностных отношений является и обращение внимания на неповторимость и уникальность субъектов, вступающих во взаимодействие, на те эмоции, которые возникают в ходе коммуникации. Некоторые исследователи отмечают: несмотря на то что межличностные отношения могут носить формальный и рациональный характер, они тем не менее эмоционально окрашены. В связи с этим чувства, испытываемые людьми в процессе совместной деятельности и находящие отражение во взаимных симпатиях (процессах социального притяжения) и антипатиях (процессах отталкивания) [Назарчук, 2011, с. 40] требуют изучения, поскольку важны для понимания характера межличностных отношений. Социометрия же один из наиболее эффективных и при этом менее затратных по времени и финансовым ресурсам методов, который позволяет раскрыть не только эмоциональную составляющую взаимодействия участников, но и в целом характер межличностных отношений в компании. Так, данный метод способствует выявлению следующих социальных аспектов взаимодействия сотрудников:

1. Уровень сплоченности или разобщенности коллектива. Данный показатель может быть получен в ходе оценки плотности связей между сотрудниками, а также количества взаимных выборов работников. Любая организация в зависимости от своей специализации и направления деятельности требует определенного уровня солидарности между сотрудниками, для того чтобы они могли эффективно выполнять свои обязанности, а также с целью снижения текучести кадров.
2. Характер неформальных отношений в организации [Попова, Богдан, 2015, с. 7]. В настоящее время одна из проблем, с которой сталкиваются руководители, заключается в том, что, с одной стороны, необходимо развивать нетрудовые отношения в организации, поскольку это снизит уровень конфликтности между сотрудниками, будет способствовать появлению надролевого поведения. Однако, с другой стороны, существует опасность формирования неформальных сетей, которые будут не совпадать с формальными структурами, в связи с чем может потребоваться внедрение новых практик в организации, направленных на улучшение информационного и коммуникативного поля компании.

3. Социальный статус членов группы. В данном случае речь идет о выявлении так называемых неформальных лидеров, которые могут оказывать влияние на поведение других сотрудников и формировать вокруг себя определенные группы. Об этом и пойдет речь далее.

В качестве примера вышеперечисленных положений можно привести исследование, проведенное мной и моей коллегой Анастасией Руппель. В ходе социометрического измерения отношений между семнадцатью сотрудниками ресторана быстрого питания оказалось, что работники не заинтересованы в установлении длительных отношений, в коллективе присутствует разобщенность, которая, с одной стороны, не приводит к нарушению эффективности компании в целом. Здесь стоит отметить, что особенностью ресторанов быстрого питания является как раз довольно высокий уровень текучести кадров. Однако, с другой стороны, оказалось, что в коллективе существует проблема отсутствия субординации между сотрудниками, поскольку формальные лидеры не совпадают с неформальными. Таким образом, если разобщенность коллектива является нормальным условием функционирования ресторанов быстрого питания, то вторая проблема требует новых управленческих практик, например, введения процедуры отбора персонала.

4. Наличие в организации группировок или субкультур. Несмотря на то что многие организации сегодня обладают корпоративной культурой, т. е. системой ценностей, норм и образцов поведения, которые разделяются большинством сотрудников и направлены на достижение целей организации, компании не застрахованы от появления субкультур. Опасность таких субкультур заключается в том, что они могут приводить к контрпродуктивному поведению сотрудников. Более того, если речь идет о субкультуре менеджеров, то это может предполагать формирование так называемых *in-group*, т. е. групп, доступ к которым открыт только для определенной группы лиц. Следовательно, в организации будет возникать информационное неравенство, что зачастую приводит к возникновению конфликтов.
5. Наличие буллинга в организации [Coyne, Craig, Smith-lee Chong, 2014, с. 305]. При этом под буллингом понимается регулярное негативное поведение одних работников, зачастую тех, кто обладает авторитетом, по отношению к другим.

В целом мы видим, что социометрия как метод раскрывает не просто эмоциональный климат в организации, а и структуру неформальных связей, наличие иерархий в организации и субкультур, присутствие лидеров и авторитетов, что является предметом изучения социологов. В таком случае

мы можем говорить о том, что социометрия является прообразом сетевого подхода, который находится на пике популярности в современном научном сообществе. В качестве примера можно привести тот факт, что сегодня разрабатываются специальные курсы в университетах, в рамках которых студенты получают навыки проведения социометрии. Например, в Санкт-Петербургском государственном университете на факультете социологии студенты IV курса в рамках курса «Социология организаций» проводят социометрические исследования по школам уже четвертый год подряд, магистрантам же предоставляется возможность ознакомиться с тем, как проводить диагностику социальных сетей организаций. Данные изменения в научной среде лишь подчеркивают важность социометрии как метода изучения сотрудников организации.

Однако, как и любой метод, социометрия имеет свои ограничения для использования, о которых нельзя не сказать. Во-первых, стоит сказать, что в отличие от того же сетевого подхода социометрические исследования направлены на изучение малых групп. В связи этим данный метод будет подходящим для организаций, которые принадлежат малому бизнесу или же для изучения конкретных подразделений в крупных компаниях. Во-вторых, отмечают, что для того, чтобы получаемые связи в наибольшей степени отражали реальное положение в организации, необходимо, чтобы коллектив был уже сформировавшийся [Попова, Богдан, 2015, с. 7]. Следовательно, данный метод будет неэффективным на ранних стадиях развития компании. В-третьих, в большей степени данный метод критикуют за то, что социометрия выявляет только психологическое восприятие людей и не обращает внимание на те социальные явления, которые объективно оказывают влияние на характер данного восприятия, т. е. на воздействие общественных отношений на межличностные. С этим сложно не согласиться, поэтому, для того чтобы результаты социометрических исследований еще в большей степени отражали реальность, социометрию можно дополнять другими методами социологических исследований: анкетированием сотрудников, интервью с руководителями и т. д. Тем самым мы не только наглядно увидим то, каким образом выстраиваются те или иные отношения в коллективе, но и сможем понять причину такого распределения. В-четвертых, для того чтобы говорить о том, что результаты социометрического исследования отражают устойчиво воспроизводящиеся практики в организации, руководителям требуется проводить повторные исследования. И здесь стоит помнить о том, что задаваемые вопросы следует видоизменять, для того чтобы у людей не было желания вспомнить свои прошлые ответы и написать их же, в то время как в реальности их восприятие могло уже претерпеть изменения.

Таким образом, можно говорить о том, что в научном сообществе происходит переосмысление роли социометрических исследований, поскольку они предоставляют большие возможности для изучения взаимодействия между людьми. Действительно, современное общество становится другим: в условиях быстро меняющейся внешней среды микроорганизации, с одной стороны, должны быстро адаптироваться к данным изменениям, но, с другой стороны, они должны сохранять стабильность и устойчивость. В связи с этим многие исследователи рассматривают корпоративную культуру, внутренний климат организации как важный источник функционирования организации, как источник повышения конкурентоспособности на внешних рынках. Поэтому усилия руководителей направлены на формирование внутренней среды организации, высшее звено заинтересовано в получении не только технической информации, но и социальной, т. е. той, что затрагивает взаимодействие между различными группами, людьми в компании. Исходя из этого, социометрия — это именно тот метод, который представляется эффективным для изучения межличностных отношений в организации, так как позволяет раскрывать степень сплоченности коллектива, неформальный характер отношений, наличие субкультур, лидерства и буллинга в компании. Следовательно, полученная информация дает возможность руководителям внедрять новые практики в организации, которые, с одной стороны, будут отвечать целям организации, а с другой — будут направлены на улучшение климата компании, развитие корпоративной культуры.

Литература

1. *Coyne I., Craig J., Smith-lee Chong P.* Workplace bullying in a group context // *British Journal of Guidance & Counselling*. — 2004. Vol. 32, No. 3. — P. 301–317.
2. *Андрюченко Е. В.* Социальная психология. — М.: Академия, 2004. — 264 с.
3. *Назарчук А. В.* О сетевых исследованиях в социальных науках // *Социс*. — 2011. № 1. — С. 39–51.
4. *Попова Г. В., Богдан Ж. Б.* Социометрическое исследование динамических процессов в малой группе // монография. Warszawa: Diamond trading tour, 2015. — 36 с.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И КОММУНИКАЦИЙ

Sociology of Culture and Communication

Полина Алексеевна Беспалова
Санкт-Петербургский государственный университет

Polina A. Bespalova
St.-Petersburg State University

Полина Николаевна Ваневская
Санкт-Петербургский государственный университет

Polina N. Vanevskaya
St.-Petersburg State University

ВИЗУАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ И ФОТОГРАФИЯ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Visual Methods and Photographs in Modern Sociological Research

Аннотация. В данной статье обосновывается актуальность и научный потенциал визуальных методов в социологии. Рассматриваются возможности социологического и антропологического анализа фотографии на конкретных примерах, а также описываются варианты использования фотографии в социологическом исследовании.

Ключевые слова: визуальная социология, визуальные методы, фотография, повседневный дискурс.

Abstract. Visual methods of sociological research are topical as ever. The authors discuss opportunities of sociological and anthropological analysis of photos. Concrete examples are used to illustrate the conclusions.

Keywords: visual sociology, visual methods, photo, everyday discourse.

Не все осознают, насколько мощным источником информации является фотография. Казалось бы, что может дать социологу простой снимок? Тем не менее социальные ученые все чаще обращаются к визуальным

методам исследования социальных явлений и процессов и, в частности, к анализу фотографий. Как и почему это происходит — на эти вопросы мы попробуем ответить в данной статье.

Поле современной социологии пестрит многообразными теориями и методами. За долгую историю науки накопился немалый багаж подходов к исследованию общества и способов его изучения, каждый из которых имеет как сильные, так и слабые стороны. В данной статье акцент сделан на визуальных методах, поэтому мы попытаемся рассмотреть, в чем заключаются их достоинства и с какими сложностями сталкиваются социальные ученые при использовании визуальных методов в своих исследованиях.

На сегодняшний день визуальный канал передачи информации — один из наиболее часто используемых в обыденных практиках. Повседневная жизнь включает в себя множество визуализаций, которые, запечатлевая тот или иной образ, внедряют его в сознание индивидов путем повторения, широкого распространения или технической воспроизводимости того или иного изображения [Беньямин, 1996]. Повседневный дискурс часто апеллирует к визуальным данным (фотографиям или видео), что, безусловно, связано с распространением доступа к Интернету, а также с доступностью современных гаджетов, позволяющих активно использовать предложенный ресурс. Повседневный мир становится все более визуализированным, он наполнен изображениями — картинками, репортажными, постановочными и любительскими фотографиями, рекламными постерами, продуктами индустрии моды или технологий и проч. Кроме того, изображения не только отражают реальность, но и создают ее. Мы смотрим на образы, транслируемые в журналах, и копируем их, тем самым и вводя ту или иную вещь в моду. Именно эта «насыщенность визуальным» делает анализ визуальных данных максимально актуальным для современного общества. Более того, большое количество изображений делает их достаточно доступными для исследователя, что тоже является серьезным преимуществом визуальных методов.

Одной из сложностей в использовании визуальных методов является то, что их редко возможно использовать отдельно от других методов. Анализируя визуальный текст вне контекста (например, не зная истории снимка или интерпретации его создателя) мы рискуем уйти от социологии и оказаться в безграничном пространстве беспочвенных догадок и произвольных рассуждений.

В идеале, имея в арсенале такой обширный выбор методов, социолог должен уметь комбинировать их таким образом, чтобы получить как можно больше информации об интересующих его процессах и явлениях, происходящих в обществе. Например, британская исследовательница Анна Баньоли, изучая идентичности молодых людей, совмещала дневниковые

записи респондентов, проективную технику автопортрета, глубинные интервью и анализ фотографий респондентов [Bagnoli, 2004]. Такой многогранный подход позволил ей получить большое количество информации, которую она не смогла бы собрать, используя только интервью или только анализ фотографий [Печурина, 2007, с. 84].

Обратимся теперь к фотографии как к частному варианту визуального текста. В работах таких авторов, как Пьер Бурдьё и Сьюзен Сонтаг, неоднократно указывается факт того, что фотография представляет собой род искусства, доступный подавляющему большинству населения [Бурдьё, 2014; Сонтаг, 2012]. На сегодняшний день действительно очевидно, насколько распространен феномен фотографии в различных структурах общества, насколько он встроен как в субъективную, так и в интересубъективную реальность повседневности. В эссе о фотографии и ее предназначениях британский арт-критик Джон Берджер дает краткую справку о зарождении фотографии: «Фотоаппарат изобрел Фокс Талбот в 1839 г. Не прошло и тридцати лет с момента возникновения фотографии — в качестве технической игрушки для элиты, — как ее стали использовать для полицейских досье, репортажей с мест боевых действий военной рекогносцировки, порнографии, документации к энциклопедиям, семейных альбомов, почтовых открыток, антропологических записей (часто сопровождавшихся, как это произошло с индейцами в Соединенных Штатах, геноцидом), сентиментального морализаторства, удовлетворения любопытства (что получило не вполне верное название “съемки скрытой камерой”), эстетических эффектов, новостных репортажей и официальных портретов. Первая недорогая массовая камера появилась на рынке чуть позже, в 1888 г. Быстрота, с которой накинута на фотографию в ее возможных изводах, несомненно, указывает на применимость к индустриальному капитализму, лежащую в ее основе. Взросление Маркса пришлось на год изобретения фотографии» [Берджер, 2014, с. 25].

Что же представляет собой фотография? Фотография — это уникальный феномен фиксации части реальности, изымания ее (этой части) из общего потока событий и сохранения ее на некоторый промежуток времени. Фотография дает происходящему в данный момент шанс на неисчезновение. Мы можем сказать, что в данном контексте фотография представляет собой материализацию памяти как коллективной, так и индивидуальной.

В период возникновения фотографии и включения фотографических практик в повседневность заинтересованные деятели уже осознавали ценность данной техники: фотографы восприняли свою работу как исследовательскую задачу. Фотографы могли и делали фотографии удаленных мест и обществ, чтобы донести информацию о них до своих соотечествен-

ников, которые не имели возможности увидеть представляемые объекты живую. Один из ярких примеров — это фото- и видеоматериалы антропологического исследования Г. Бейтсона и М. Мид «Балийский характер» 1942 г., где обосновывается использование визуальных материалов в полевом исследовании как фиксаторов объективной реальности. Позднее фотографии стали запечатлывать явления непосредственно рутинной жизни собственного общества, сохраняя на фото как положительные, так и отрицательные стороны жизненных реалий, пусть даже порой вызывая отторжение у зрителей. В определенный момент сформировался некий союз социологов и фотографов, стремящихся продемонстрировать изъяны общества. Одним из последствий стало появление жанра социальной фотографии.

Но не только фотографии, сделанные профессионалами, интересуют социолога. Нам интересна в не меньшей степени и фотография любительская, дающая подсказки к представлению о «картине мира» конкретного индивида или группы, несмотря на возможную сложность в интерпретации.

В одной из работ польского социолога П. Штомпки представлено подробное описание того, как обращение к фотографическим данным и сами фотопрактики можно включить в исследовательскую работу социолога [Штомпка, 2010]. Один из важных моментов — это использование камеры в процессе наблюдения поля. Камера провоцирует на поиск наиболее значимых и интересных объектов и фокусировку именно на них, без лишних, менее значимых объектов. Тем самым акт фотографирования создает фреймированный образ той части реальности, на которую устремлен взгляд фотографирующего. Дальнейшая работа с фотографией связана со сравнением запечатленных обрывков мира и поиска закономерностей его изменений. Отсюда возникает следующая задача — интерпретация. Необходимо понять, как смотреть на фотографию, в каком контексте. Необходимо задать себе два вопроса. Первый связан с личностью автора: каковы причины, побудившие сделать именно это фото, в чем состоит основной посыл, что здесь важно для автора и почему именно это было оценено как достойное быть сфотографированным, и т. д. Второй вопрос связан с социальными смыслами: какие типы взаимодействия представлены на фото, к какой эпохе относится фото (при анализе старых фотографий), какие классы/группы запечатлены, как в запечатленных действиях отражаются нормы, ценности или модные течения, и т. д. Итак, постепенно решая данные задачи, мы приближаемся к более глубокому пониманию не только объекта нашего исследования, но и поля в целом.

Дополнительные возможности использования фотографии в социологической работе дает нам и классическое социологическое интервью. Предоставление фотоматериалов респондентам дает им более четкое понимание того, какой информации желает добиться исследователь.

Изображение помогает структурировать и конкретизировать мысли, тем самым облегчая работу как социолога, так и респондента.

Рассматривая следующий метод, П. Штомпка ссылается на Ф. Знанецкого как на основателя метода анализа личных документов. Данный метод представляет собой анализ оригиналов мемуаров, заметок, личных фотоколлекций и т. д. Несмотря на то что зачастую подобные коллекции иллюстрируют нам быт и повседневность прошлых поколений, мы можем глубже проникнуть в их содержание, по крайней мере в рамках отдельной кейса-коллекции точно. Мы можем посмотреть на обстановку, на важные детали, на поведенческие паттерны, а также на внешний вид фотографируемых.

Итак, эффективно использовать фотографию в социологических исследованиях действительно можно и нужно. Главное условие — подходить к данному методу творчески и учитывать особенности своего поля. Для социолога или антрополога фотография может стать как объектом исследования, так и очень полезным инструментом, дающим возможность глубже проникнуть в цепь смыслов, предлагаемых полем.

Рассмотрим конкретные примеры.

1. Фотография как объект исследования

Фотография часто становится объектом социологического исследования в том плане, что вызывает интерес сама по себе или как часть какой-либо общественной практики.

Как хранят личные фотографии? Кем и почему составляются семейные альбомы? Какие фотографии показывают гостям, а какие держат подальше от посторонних глаз? Что принято и что не принято запечатлеть на снимках? — это примеры вопросов для исследований, в которых сама фотография выступает главным объектом научного интереса. В этих случаях фотографию рассматривают в историческом и культурном контекстах.

На наш взгляд, интересным и наглядным примером является распространившаяся в XIX в. в Америке и Европе, а также в России практика *post-mortem photography*, или практика посмертной фотографии. Зачастую усопший снимался так, что создавалось впечатление, будто человек все еще жив. В наше время это может показаться странным или неправильным, однако для того времени это было обычным явлением.

В настоящее время традиция посмертных фотографий является объектом изучения многих социальных исследователей [Бойцова, 2013]. Ученые задаются вопросами, кем осуществлялась эта практика, частью каких событий в жизни людей общества того времени она была и, главное, почему

сейчас отношение к фотографированию мертвых полностью изменилось? В англоязычной традиции это относительно новое направление именуется *death studies*, а исследование фотографии в данной области занимает значительное место.

2. Фотография как инструмент

Второй способ использования фотографий в социологии может быть связан, например, с исследованием дискурса и, в частности, бытующих образов, включенных в мир повседневности.

Здесь мы имеем дело с несколько иной предпосылкой. Нам не интересна сама фотография как материальный предмет, его судьба и место хранения. Снимок выступает в качестве некоего визуализированного, перенесенного на бумагу или цифровой носитель, образа, который есть в сознании человека, но который он едва ли смог бы вербализовать. Возможно, этот образ даже не осознается самим человеком, но является крайне важным для исследователя.

В недавнем студенческом исследовании мы задались вопросом, как туристам представляется Англия до поездки и какой видится эта страна при личной «встрече», и есть ли между этими группами образов какая-либо взаимосвязь. В качестве метода был выбран анализ фотографий, сделанных в поездке, а также глубинное интервью, которое было призвано контекстуализировать снимки.

Если мы просто спросим человека (причем не имеет принципиального значения, бывал ли он в Англии и как давно) о том, что он считает «английским», то, скорее всего, получим в ответ набор штампов — Биг-Бен, красные телефонные будки и двухэтажные автобусы. Однако если попросить туриста проанализировать фотографии, сделанные им во время поездки в Англию, и отобрать из них три «самых английских», то мы увидим безграничные зеленые поля, небольшие домики в сельской местности, Парламент, запечатленный под таким углом, что его невозможно узнать, и многое другое. Вряд ли данные сюжеты придут на ум при вопросе о «чисто английских» образах. В ходе интервью становится ясно, откуда появляются природные пейзажи и сельские сюжеты. Например, некоторым респондентам они напоминают о романах Джейн Остин. Это то, о чем они, вероятнее всего, не вспомнили бы, если бы просто попытались ответить на устный вопрос о том, что же есть «английское». То есть визуализация практического опыта может иметь основополагающее значение при получении необходимой исследователю информации.

В этом случае фотографии уже недостаточно рассматривать в культурно-историческом аспекте, на них нужно смотреть в контексте истории каждого конкретного индивида и его личных взаимоотношений с Англией.

При таком подходе фотография перестает быть неким артефактом, интересным нам самим по себе, она становится источником информации, которая может находиться так глубоко в сознании человека, что он не скажет о ней напрямую.

Итак, в нашей статье мы рассмотрели, каким образом можно использовать фотографию в социальных исследованиях. Важный акцент был сделан на факте насыщенности визуальным повседневности, что в свою очередь обуславливает наше обращение к визуальным методам. Мы уделили наибольшее внимание фотографии в силу ее доступности и распространенности как инструмента запечатления реальности, а значит, и доступности для социологического анализа и получения новых данных. Таким образом, обращаясь к конкретным примерам, мы проиллюстрировали возможности визуальной социологии, тем самым обратив внимание читателя на то, что данная область обладает весомым потенциалом в современной социологии.

Литература

1. *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. — М.: Медиум, 1996. — 240 с.
2. *Берджер Дж.* Фотография и ее предназначения. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
3. *Бойцова О. Ю.* Любительские фото: визуальная культура повседневности. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. — 266 с.
4. *Бурдые П., Болтански Л., Кастель Р., Шамборедон Ж.-К.* Общедоступное искусство: опыт о социальном использовании фотографии / пер. с франц. Б. М. Скуратова; послесловие А. Т. Бикбова. — М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2014. — 456 с.
5. *Захарова Н. Ю.* Визуальная социология: фотография как объект социологического анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2008. Т. XI, № 1. — С. 147–161.
6. *Печурина А. В.* Визуализация социальных исследований // Социологический журнал. — 2007. № 3. — С. 81–89.
7. *Сергеева О. В.* Исследовательское поле визуальной социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2008. Т. XI, № 1. — С. 136–146.
8. *Сонтаг С.* О фотографии. — Изд-во: Ад Маргинем, 2012. — 272 с.
9. *Штомпка П.* Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник. 2-е изд. — М.: Логос, 2010. — 150 с.
10. *Bagnoli A.* Researching identities with multi-method autobiographies [Электронный ресурс] // Sociological Research Online. 2004. Vol. 9. No. 2 URL: <http://www.socresonline.org.uk/9/2/bagnoli.html> (дата обращения: 15.11.2016).

Анна Андреевна Дупак
Санкт-Петербургский государственный университет

Anna A. Dupak
St-Petersburg State University

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОЦИОЛОГИИ КИНО

Main Trends of Research in the Sociology of Film

Аннотация. Сегодня кино стало по-настоящему массовым видом искусства, тесно вплетенным в нашу повседневность. Мы смотрим фильмы по телевизору, ищем их в Интернете, посещаем кинотеатры и кинофестивали. Кроме того, кино становится все более популярным объектом для изучения среди представителей различных дисциплин, начиная с культурологов и искусствоведов, заканчивая психологами и антропологами. В числе прочих изучением кинематографа занимается и социология. При этом следует понимать, что «социология кино» — это не только анализ самих фильмов, но изучение производящей их индустрии (а также тех экономических, политических и социокультурных процессов, которые сопутствуют выпуску фильмов) и исследование потребляющих их зрителей (а именно, характеристик киноаудиторий и практик просмотра фильмов). Однако на сегодняшний день большинство исследований в социологии кино существуют довольно разрозненно и не имеют общих теоретических и методологических оснований. В связи с этим в данной статье предпринимается попытка систематизации существующих подходов к изучению кино на основании различия предметов их изучения. Выделяется три основных направления: 1. Социологические исследования кино как социального института; 2. Социологические исследования кино как текста; 3. Изучение зрительских аудиторий и потребления кино.

Ключевые слова: социология кино, социальный институт, зрительские аудитории, визуальный текст, основные направления исследований.

Abstract. Today films are becoming an important part of media and a real mass art. Their role in our everyday life is growing rapidly. What is more, cinema becomes a popular research object for studies of various disciplines. The sociology is also engaged in studying cinematography. Though it should be understood that “the sociology of film” is not just about analyzing film but also about studying film industries (including political, economic

and cultural context of their functioning) and about describing cinema audiences (and practices of film-watching). Because of such diversity of research areas in the sociology of film, there is a problem of establishing some universal theoretical and methodological basements. That is why almost all contemporary researches are quite fragmented, as without having any common grounds. In this regard, this article suggests a systematization of existing analysis approaches on the basis of the differences in research subjects. In this way, it is offered to divide main research trends into three groups: 1. Sociological research of cinema as a social institution; 2. Sociological research of film as a visual document; 3. Film-watching studies and analysis of cinema audiences.

Keywords: sociology of film, social institution, film-watching, cinema audiences, visual document, main research trends.

Кино, как продукт глобальной индустрии и как значительная часть массмедиа, играет существенную роль в современном мире. Фильмы становятся важным элементом социальной коммуникации и глобального информационного пространства. Кино — не просто движущееся изображение, способствующее самовыражению режиссеров или актеров, но и средство трансляции общественных норм и ценностей (а в какой-то степени и инструмент социального управления), а также действующий социальный институт с набором собственных функций, социальных ролей и т. д. С развитием современных технологий индустрия кино также набирает обороты развития, а зрители все больше вовлечены в просмотр производимой продукции и даже в сопроизводство контента — нередки случаи формирования своего рода субкультур вокруг наиболее популярных фильмов (чаще — франшиз). Так, например, «Звездные войны», «Гарри Поттер» и т. д. уже давно переросли из кинопродукции в «бренд», захватывающий различные сегменты, начиная от фирменной одежды/аксессуаров, заканчивая тематическими музеями/квестами и созданием компьютерных игр (таким образом, иногда мы можем говорить даже о феномене трансмедиа, когда фильм выходит за рамки кинематографа). Кроме того, сегодня просмотр кино уже не ограничивается пространством кинотеатра, он также возможен и на других площадках, в том числе в Интернете. Сейчас сложно представить себе человека, который ни разу в жизни не посмотрел хоть одной кинокартины. А раз фильмы так вошли в наши повседневные практики, то определенно есть смысл посмотреть, как функционирует эта индустрия, какова взаимосвязь ее продукции с обществом и какое влияние они оказывают друг на друга. Таким образом, для социологии кино может служить в качестве объекта исследований, позволяющего обратить внимание на проблемы и вопросы, поднимаемые в определенное время в том или ином

обществе. Несмотря на то что социология кино имеет длительную историю развития и множество разработанных концепций, теоретических и эмпирических работ, большинство исследований в этой области существуют довольно разрозненно, и нет единого понимания исследовательского поля. Поэтому вопрос систематизации основных подходов все еще остается актуальным. Приведенная ниже систематизация исследований в социологии кино базируется на различии предметов этих исследований. В результате выделяются следующие направления: 1) рассмотрение кино как социального института/индустрии; 2) анализ фильма как визуального «текста»; 3) изучение процессов потребления кино.

Направление 1: Социологические исследования кино как социального института

Функционирование индустрии кино завязано на производстве фильмов, со всеми предшествующими экономическими, политико-идеологическими и социальными основаниями этого процесса, а также со всеми вытекающими отсюда последствиями, проявляющимися в процессе проката и при анализе самих фильмов. Именно на этапе производства кино возможно рассмотрение функционирования кинематографа в качестве социального института.

Предмет исследований этого направления — функционирование киноиндустрии как социального института.

Изучением кино в качестве индустрии и социального института занимались авторы разных направлений и дисциплин, а соответственно, и внимание они уделяли различным аспектам. Во-первых, свое место тут занимали теоретики марксизма и Франкфуртской школы (Л. Альтюссер, М. Хоркхаймер, Т. Адорно и др.). Они рассматривали кино с точки зрения воспроизводства идеологий, «насаждаемых» властной элитой. Несколько с другой стороны подходили к рассмотрению кинематографа сторонники феминизма (L. Mulvey, C. Penley, L. van Zoanen). Изучая особенности гендерных отношений в кино, теоретики этого направления обращали внимание на способы и степень включенности женщин в процессы производства и распространения фильмов. Третий обширный пласт исследований посвящен анализу особенностей киноиндустрий разных стран (особенной популярностью пользуется промышленность стран третьего мира). Так, целый ряд работ связан с изучением африканского, индийского, японского, малайзийского и нигерийского кино [Гордон, 2014, с. 134].

В отличие от **кино как индустрии**, представляющей из себя систему промышленного производства и проката фильмов с определенной структурой управления, направленную на получение экономической и иной прибыли, **кино как социальный институт** — это способ организации жизнедеятельности людей вокруг производства и потребления фильмов, включающий наличие организационной структуры, выполнение определенных функций, воспроизводство социальных ролей. И социологические исследования в значительной степени ориентированы именно на второй подход к пониманию кинематографа.

В рамках данного направления возможны исследования в следующих сферах функционирования института (и индустрии) кино:

1. Изучение контекста производства фильмов.

В зависимости от внешних условий индустрия может расти с разной скоростью, принимать разные формы, может быть в различной степени ориентированной на экономическую и на творческую составляющую. Индустрия может использоваться для вовлечения (интеграции) определенных социальных/этнических групп в общество. Также индустрия кино может находиться на разных уровнях, в зависимости от «покровительства» и сферы влияния: индустрия одной этнической группы, одной страны, мировая. Кроме того, она может быть управляема предпринимателями, а может находиться под «покровительством» (контролем) государства. Так, например, С.Н. Зарубина [Зарубина, 2012], описывая положение дел в сфере современного российского патриотического кино, отмечает, что сегодня кино является фактически инструментом в руках государства. Для преодоления общественной апатии и формирования идентичности постсоветского гражданина государство всеми способами «продвигает» патриотизм, в том числе через субсидирование и финансирование соответствующих фильмов.

Влияние культурного, политического и экономического контекста сказывается на особенностях индустрии производства кино, на канонах съемки, на закладываемых системах ценностей, на выборе того, что и как снимать. Наглядным примером формирования индустрий в разных внешних политических, экономических и культурных условиях может служить исторический процесс развития европейского кино, американской студийной системы, а также кинематографа стран третьего мира.

На ранних этапах развития кино британская киноиндустрия проявляла себя довольно активно. Однако, не имея возможности конкурировать с зарождающимися французской и американской индустриями, вскоре была вынуждена обложить пошлинами ввозимые в страну иностранные фильмы. Такая экономическая политика обернулась для британской промышлен-

ленности ростом числа производимых фильмов низкого качества. Первые шаги американской кинопромышленности довольно быстро переросли в потоковое производство фильмов, завязанное скорее на экономических основаниях, нежели на построении творческого процесса. В пору Великой Депрессии киноиндустрия США окончательно перешла в руки крупного капитала. В это же время в Германии, странах Восточной Европы и СССР киноиндустрия попала под жесткий контроль со стороны государства. Кинематограф третьего мира позже всего начал свое развитие (будучи поначалу очень зависимым от стран-колонизаторов), однако острая политико-культурная ситуация и бурные протестные настроения сыграли свою роль в развитии местных киноиндустрий и привлекли к ним внимание зрителей и исследователей. Таким образом, мы видим, что все основные этапы становления кинематографа так или иначе были связаны с текущей политико-экономической ситуацией, а также с господствующими культурно-идеологическими настроениями.

Основными теоретиками, изучавшими взаимосвязь фильмов и контекстов их создания, являются представители марксизма. В рамках данного направления кинематограф рассматривался как средство влияния, используемое правящим классом. Теоретики марксизма развивали эту идею, утверждая, что идентичность индивидуума формируется под влиянием общества, а индустрия кино активно участвует в процессе воспроизводства неравенств [Гордон, 2014, с. 208]. Включая кино в число культуриндустрий, Т. Адорно и М. Хоркхаймер говорят о замкнутом круге: стандартизированные продукты вызываемыми одинаковыми потребностями, которые сами же потом и удовлетворяют [Хоркхаймер, Адорно, 1997]. Отсюда мы видим превращение киноиндустрии в стандартизированное серийное производство, ставшее инструментом в руках экономически-господствующего класса.

2. Изучение факторов, влияющих на процессы проката и распространения кинопродукции.

Не столь существенны для социологии те процессы распространения готовой кинопродукции, которые обусловлены желанием владельцев сетей кинотеатров и производителей фильмов получить наибольшую экономическую выгоду (процессы, завязанные на законах спроса и предложения). Намного интереснее будет рассмотреть социальные механизмы, влияющие на то, какие фильмы и где показывают, а также с какой целью это делается.

В современных тенденциях глобализации всех сфер жизни общества и индустрия кино не остается достоянием отдельных стран. Производители стремятся к формированию мировых рынков сбыта, к поиску потребителей на разных частях земного шара. Одной из наиболее влиятельных, глобальных индустрий кино принято считать Голливуд. Сегодня продукция

американского кинематографа известна по всему миру, транслируется в разных странах, переводится на десятки языков, занимает верхние строчки рейтингов и получает множество наград. Такая исторически сложившаяся «американизация» сферы кино возможна в том числе потому, что из-за большого объема выпускаемой продукции, занимающей значительную часть всего мирового рынка кино, зрители привыкли к западной системе ценностей и манере съемки и стали воспринимать ее как норму. Отсюда же, вероятно, принято считать Голливуд «культурно не маркированной индустрией». Однако сегодня, на фоне расцвета глобализации, отдельные страны и культуры все больше стремятся сохранить свою идентичность. Такие процессы не обошли стороной и сферу кинематографа. Для поддержки отечественного кинематографа и сохранения национальной культуры власти некоторых стран стали ограничивать прокат зарубежных фильмов (чаще — голливудских), а также различными средствами способствовать развитию местных индустрий. Результаты предпринятых мер особенно заметны в странах, культура которых наиболее далеко уходит от западно-американских ценностей: например, восточное кино (Китай, Япония), африканское кино, индонезийское кино и, конечно, индийский кинематограф (Болливуд). Примером проявления политического влияния на распространение кино может служить ситуация запрета/ограничения ввоза в страну продукции иностранных индустрий. Другим способом влияния политического контекста является существование государственной поддержки фильмов, поднимающих определенные темы. Под контролем государства обычно находится и такая значимая площадка проката, как телевидение, а значит, есть возможность как транслировать наиболее «подходящие» фильмы, так и просто рекламировать их к просмотру в кинотеатрах. Открытым для исследований остается вопрос того, какие механизмы влияют на выбор этого самого «подходящего» контента и каким критериям он должен соответствовать.

3. Изучение «обратной связи» (материальной и нематериальной прибыли производителей).

Как автору не хочется «писать в стол», так и режиссеру не хочется снимать ради процесса съемки. Коли уж что-то было создано, так оно должно быть показано, увидено и оценено зрителем. Наличие общественного признания как формы обратной связи дает оценку каждому отдельному фильму (а также режиссеру/актеру/сценаристу и т. д.) и стимулирует создателей к дальнейшей работе. Причем признание — не обязательно одобрение. Чем выше у фильма рейтинги (которые формируются как по популярности, так и по кассовым сборам), чем выше популярность и общественный ажиотаж вокруг определенной кинокартины, тем больший доход в результа-

те она приносит ее создателям. Таким образом, тут поднимаются вопросы не только экономической прибыли создателей, но и того, какие факторы влияют на формирование зрительского отношения к кинопродукции и к ее создателям.

Подводя итоги, можно сказать, что значительный пласт исследований кино приходится на рассмотрение взаимосвязи фильмов с контекстом их производства, с особенностями распространения кинокартин и с функционированием кинематографа в качестве социального института. Такие исследования затрагивают вопросы идеологизированности кино, вопросы зависимости успешности индустрии от национальных, культурных особенностей и от внешних политико-экономических условий, а также способы воспроизводства неравенств в киноиндустриях.

Направление 2: Социологические исследования кино как текста

Второе направление исследований в социологии кино — анализ самого фильма, изучение его содержания, смыслового наполнения, сюжетных линий, передаваемого контекста, а также тех кодов и визуальных средств, которые конструируют те или иные образы, отношения и задаваемые системы ценностей. Иными словами, исследования данного направления работают с фильмами как с визуальными документами.

Предмет исследований этого направления — кино как «текст».

Изучением кино в качестве визуального текста занимались и занимаются специалисты различных дисциплин. Говоря об основных подходах в рамках данного направления, можно выделить теоретиков психоанализа (З. Фрейд, Ж. Лакан), представителей семиотического анализа (К. Метц, Р. Барт, У. Эко) и сторонников феминистической критики (L. Mulvey, C. Penley, L. van Zoonen).

Современные исследования «визуального» концентрируются вокруг двух основных проблем [Рождественская, 2008]: первая — взаимоотношения языка и изображения (визуального текста), иными словами, вопрос того, что картинка со всеми ее характеристиками не замещается языком и не может быть однозначно к нему сведена. Вторая проблема — взаимосвязь изображения и реальности, включая процессы создания и потребления изображения.

В зависимости от способов анализа фильмов, особенностей интерпретации формы и содержания кинокартины и используемых теоретических концепций можно выделить несколько основных методологических подходов к анализу кино как текста. Надо сразу заметить, при изучении фильма

исследователи не всегда придерживаются какого-то одного подхода (чаще всего они используются в определенных комбинациях).

1. Социальная семиотика как способ анализа кино как «текста».

В отличие от марксизма, семиотический анализ практически полностью абстрагируется от контекста производства и работает исключительно с фильмом как таковым [Омон, Бергала, Мари, Верне, 2012]. Цель семиотики состоит в поиске и описании конкретных значений каждого отдельного элемента. Результатом такой работы должно быть выделение кодов кинематографического текста. Под интерпретацию попадает все: особенности планов, освещения, монтажа, а также жесты, костюмы, гримы и т. д. Со временем семиотический подход несколько расширил свое предметное поле и обратился также к проблематизации смыслов, анализу понимания кодов в зависимости от культурных/социальных особенностей аудитории и изучению отношений между идеологией (означающим) и означаемым. Таким образом, семиотический анализ направлен на выявление кодов в кинокартинах, на их интерпретацию, а также на выявление взаимосвязи кодов и определение их роли в построении смыслов и конфигураций означающего. Однако следует отметить, что визуальная коммуникация не может быть одинаковой для всех, и понимание «текстов» будет варьироваться в зависимости от социокультурной принадлежности и личного опыта смотрящего [Kress, Van Leeuwen, 2006].

Примером анализа кино через призму семиотики может служить изучение П. Романовым и Е. Ярской-Смирновой гендерно-окрашенных репрезентаций нации и инвалидности в постсоветском кино [Романов, Ярская-Смирнова, 2011]. Исследователи проводят параллель репрезентаций тела и государства, отмечая, что женщину принято ассоциировать с нацией («родина-мать»), а мужчину — с государством.

Еще одним примером работы в рамках данного подхода является анализ Е. Ярской-Смирновой фильма В. Тодоровского «Страна глухих», рассматривающий репрезентацию стереотипов и трансляцию идеологии исключения и гендерных отношений, представленных через противопоставление мира глухих и мира слышащих [Ярская-Смирнова, 2001].

2. Психоанализ как подход к изучению кино.

По аналогии с теорией З. Фрейда свою концепцию структурного психоанализа Ж. Лакан строит вокруг трех основных категорий: реальное, воображаемое и символическое. Разделяя художественные образы на те же самые категории, Лакан говорит о том, что именно искусство способно занять место символического, объединяющего раздробленную реальность и стремящееся к разрушению воображения. Идеальным примером символического, занимающего роль зеркала, автор называет именно кинемато-

граф, имеющий способность к фиксации элементов эстетического сознания. Отсюда кино может рассматриваться как работающее на личностном уровне и приносящее удовольствие каждому отдельному индивиду, через влияние на его психологические структуры. Так, в процессе просмотра индивид может идентифицировать себя с персонажами фильма, проецируя на себя их характеристики и повышая тем самым собственное самоощущение, или же может обретать контроль над предметом созерцания, тем самым временно компенсируя свойственное ему ощущение нехватки и отчужденности. Примером исследования кино в ключе психоанализа может служить работа О. Аросона о производстве фантастического в фильмах С. Кубрика [Фантастическое кино. Эпизод первый, 2006, с. 183]. В связи с этими фильмами, представляющими неотличимость людей от машин, поднимаются вопросы бессознательного, вопросы подтверждения человечности. Другим примером использования психоанализа является работа Б. Крид о формировании «ужасного» в кино [Фантастическое кино. Эпизод первый, 2006, с. 213]. В частности, приводится описание особенностей представления женских монструозных персонажей и их характеристик, «вызывающих страх кастрации в наблюдателе мужского пола». Через теорию психоанализа рассматриваются также репрезентации «чужого» и «иностранного» в кино. Считается, что, когда мы видим процесс зарождения инопланетной жизни, мы фактически занимаемся подглядыванием за некими запретными процессами. Отсюда вызываются одновременно и чувство наслаждения, и чувство отвращения. Таким образом, значительная часть сверхъестественного в кино интерпретируется авторами именно через призму психоанализа, через формирование условий бессознательного восприятия и получение удовлетворения/отторжения через идентификацию себя с персонажами или от наблюдения за чужой личной жизнью.

3. Изучение кино в рамках феминизма.

Сторонники феминистской критики придерживаются мнения, что ни один процесс в кино не является гендерно-нейтральным. Отсюда они видят свою задачу в анализе того, каким образом, через какие выразительные средства происходит воспроизводство гендерных отношений в фильмах. Значение имеют как способы кодирования информации о гендере, так и визуальные способы конструирования и интерпретации гендерных отношений. Кроме того, в некоторых аспектах феминизм тесно переплетается теорией психоанализа. Так, Л. Малви [Малви, 2000] поднимает вслед за Фрейдом и Лаканом вопросы первичной и вторичной идентификации. Особое внимание она уделяет особенностям идентификации женщины-зрителя, а также навязыванию ей «мужского взгляда», необходимости получения мужского типа удовольствия, вуайери-

стского по своей природе (например, удовольствие от рассматривания женского тела).

Ранняя феминистская критика в основном занималась разоблачением сексистских и стереотипных образов в массмедиа, считая, что на экранах женщины презентуются в неравной мере по отношению к мужчинам, да и вообще эти изображения недостаточно верно отражают действительность [Milkie, 1994]. Поэтому развитие феминизма во многом было связано вопросами о том, почему женское ассоциируется с природным началом и с зависимостью от более сильного, а мужское определяется как властное и независимое [Усманова, 2001, с. 427]. Значительная часть исследований, положивших начало феминистской методологии, проводились с использованием контент-анализа и посвящались изучению тех ролей, в которых появляются мужчины и женщины.

Позже эти подходы отошли на второй план, и феминизм переключил свое внимание на изучение медиа с точки зрения того, как происходит воспроизводство, приспособление и модификация культурных представлений о половом различии. Исходя из положения о том, что репрезентации конструируют гендер, а «реальные» женщины есть результат навязанных экранных образов, феминистская критика обратилась к изучению повседневности и вопросам того, как зрительницы-женщины «читают» содержание фильмов. Внимание исследователей привлекли телевизионные сериалы, тесно вписанные в повседневные практики женщин и формирующие специфически женские «способы видения» [Шапинская, 2016].

Долгое время феминистская критика делала упор на изучение кино-репрезентаций женщин (как наиболее ущемленной группы), однако позже внимание обратили и на особенности репрезентации мужчин. Одно из исследований на эту тему — работа П. В. Романова, который на примере фильма А. Балабанова «Брат» описывает основные характеристики и способы формирования «мужского» в российском кино конца 1990-х [Романов, 2002, с. 609].

Таким образом, с течением времени феминистские исследования перешли от критики стереотипных репрезентаций женщин к работе с возможностями интерпретации и способами конструирования значений в связи с гендерными различиями реципиентов.

4. Изучение кино в рамках нарративного анализа.

Нарративный анализ отталкивается от того, что при чтении текста (в том числе и кинотекста) «перед нами два события: событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого рассказывания» [Салиева, 2012, с. 116]. Первое событие — это собственно сюжетная линия / рассказываемая история. Оно идеологически нейтрально. В свою очередь, второе событие представляет из себя повествование, отображающее авторскую

интерпретацию рассказываемой истории [Салиева, 2012]. В процессе такого повествования может происходить аргументация какой-либо точки зрения, объяснение определенного поведения героев, формирование того или иного отношения к героям/ситуации. Таким образом, ситуация рассказывания уже не является нейтральной. Причем одно и то же событие может быть представлено с разных точек зрения. При этом нарратологию [Шмид, 2003, с. 312] (теорию о повествовании, возникшую в рамках структурализма [Троцук, 2004]) интересует не столько рассказываемое событие, сколько сама ситуация повествования и способ сюжетной организации элементов рассказа. Нарратология в этом смысле обращает внимание на различие факты (логической и естественной хронологической последовательности событий) и сюжета (последовательности организации событий в тексте). Работая с нарративами, надо также иметь в виду, что «нарратив — это рассказ *кого-то*, адресованный *кому-то* о *ком-то* (чем-то) <...>, кроме того, это всегда рассказ *зачем-то*» [Лехциер, 2013, с. 7]. В этом плане нарратив — это всегда придание особого смысла и значимости описываемому событию [Лехциер, 2013]. Повествуя о прошлом, индивид всегда оценивает то, что было, с позиции своего сегодняшнего опыта, социального статуса и ценностных установок, а значит, ему свойственно преуменьшать значимость одних событий и преувеличивать значимость других [Троцук, 2004]. В анализе кино этот метод, как правило, используется для рассмотрения контекста «рассказывания». Исследователи стараются выявить те идеологические и социокультурные конструкты, которые накладывают свой отпечаток на процесс повествования.

В качестве примера, можно рассмотреть работу К. Э. Разлогова [Разлогов, 2012], в которой рассматриваются изменения внутри жанра утопий и антиутопий мирового кино в зависимости от различных исторических периодов. Другим примером рассмотрения кинонарративов, формирующихся под влиянием внешних условий, занимался G. Austin [Austin, 2015], изучавший представления и отражения политической депрессии во французском кинематографе. В этом случае кинематограф стал полем для конструирования коллективных социальных историй, способных вызвать политический резонанс. Еще одним примером использования нарративного анализа в изучении фильма является работа О. А. Леонтович [Леонтович, 2015]. Отделение повествования от самой истории в этом случае происходило через призму другой культуры. В ходе исследования были проанализированы реакции российских зрителей на фильм о Сталинградской битве «Враг у ворот» («Enemy at the Gates»), снятый международной командой режиссеров в рамках американского кинематографа. В результате оказалось, что, будучи ориентированным на европейского зрителя, фильм вос-

производил соответствующую систему ценностей, не вписывающуюся и не всегда воспринимаемую в рамках российской культуры.

Направление 3. Изучение зрительских аудиторий и потребления кино

Третьим направлением в исследованиях кино является изучение процесса потребления. Анализируются зрительские аудитории, их отношение к кинематографу, особенности практик просмотра фильмов и формирования мнения о продукции киноиндустрии.

Предмет исследований этого направления — киноаудитории, практики зрителей, связанные с кино, способы восприятия и взаимодействия с кинопродукцией.

Для оценки влияния средств массовой коммуникации на общество и на культуру нужно понимать, как медиапродукты воспринимаются и интерпретируются отдельными индивидами и как системы значений формируются в процессе жизни и общения [Milkie, 1994].

Изучение зрительских аудиторий — популярное направление исследований, и мы можем найти множество работ, связанных с анализом половозрастного распределения аудиторий, с рассмотрением предпочитаемых жанров, целями просмотра фильмов и другой статистической информацией. Большая часть исследований зрительских аудиторий и их предпочтений проводится сегодня «на заказ» крупными телеканалами, производителями фильмов и т. д. Одна из последних таких работ была выполнена по заказу Фонда кино [Кто ты..., 2017] и представлена в феврале 2017 г. В результате были опубликованы данные о среднем возрасте публики российских кинотеатров, о факторах, влияющих на выбор фильма, и об отношении публики к российской кинопродукции.

В исследовании зрителей, их ожиданий и реакций, часто заинтересованы производители и прокатчики фильмов. При выпуске фильма создатели всегда хотят иметь представление о том, кто, предположительно, будет их смотреть и как эти люди будут на фильм реагировать. Такие исследования проводятся в несколько этапов, начиная с тестирования зрительских реакций на концепцию фильма, его идею/сюжет и т. д., заканчивая анализом результатов кинотеатральных экзит-пулов. Последние позволяют создателям понять собственные ошибки и постараться не повторять их в будущем. В России производители не привыкли афишировать результаты таких исследований, а потому большая часть информации не публикуется. Однако есть и исключения. Например,

данные по аудитории франшиз «Три богатыря» и «Иван Царевич» находятся в открытом доступе и могут служить производителям других анимационных картин для построения собственной стратегии продвижения продукции.

Целью ряда исследований направлен на изучение того, какие фильмы предпочитают смотреть зрители. В таких исследованиях можно не только выявить предпочтения зрителей, но и сравнить их с тем, что показывают в кино / по телевидению. Исследования теле- и киноаудиторий мы можем найти у М. И. Жабского, представившего не только статистические данные по группам зрителей в зависимости от их пола, возраста и предпочтений, но и описавшего историческую трансформацию практик просмотра кино, а также их зависимость от современных технологий распространения кино и особенностей взаимодействия с ним [Полюса кинопроцесса: притяжение и отталкивание, 2007].

Сегодня, в связи с развитием и широким распространением технологий, кино перестало ограничиваться трансляцией его в кинотеатрах и распространилось на разные площадки. Последнее время все активнее идет распространение кинопродукции через интернет-кинотеатры, социальные сети и просто специализированные сайты. Однако, несмотря на резко возросшую популярность Интернета, российские и западные исследования киноаудиторий сходятся во мнении, что самой популярной площадкой для просмотра фильмов сегодня все еще остается телевидение.

Примером анализа реакции аудитории на кинокартины может служить работа Liesbet van Zoonen [van Zoonen, 2007], заключающаяся в изучении влияния американского телевидения (развлекательных ТВ-сериалов и фильмов) на формирование политической позиции граждан. Результаты ее исследования показали, что телевизионные программы и фильмы во многом побуждают к анализу политической сферы и формированию собственной позиции на этот счет, однако далеко не вся аудитория воспринимает данные СМИ как источник «политического».

Свою роль в исследованиях зрителей сыграли и сторонники феминизма [Гордон, 2014, с. 84]. Понимая различия между мужчинами и женщинами как ключевой аспект в восприятии культуры, они критикуют представление о роли мужчины как производителя, ценителя и активного потребителя высокой культуры, в то время как женщине остается роль пассивного эмоционального потребления массовой культуры (в связи с чем существует и ряд исследований, посвященных телесериалам, как «женскому жанру» [Усманова, 2001]).

Историческая эволюция теорий воздействия СМИ на людей перешла от мнения, что все воспринимают передаваемую им информацию одина-

ково и в полном объеме, к позиции, что на процесс понимания и формирование мнения об увиденном/услышанном влияет множество факторов [Яковлев, 2001]. Так, на восприятие фильмов будут влиять как индивидуальные характеристики зрителей (пол, возраст, система ценностей, образование и т. д.), так и условия просмотра фильма (место, время и т. д.), а также внешние факторы (например, общественное мнение).

Особенностям восприятия американскими школьниками «фильмической реальности» посвящена работа Milkie [Milkie, 1994]. Ее исследование показывает, что: во-первых, процесс просмотра телевидения тесно вплетен в повседневность школьников, а во-вторых, медиа участвует в производстве и воспроизводстве общества, разделенного по расовому/половому/классовому признаку и способствует формированию соответствующих стереотипов.

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что значительная часть исследований в социологии кино посвящена именно анализу аудиторий и тому, как происходит восприятие кинопродукции, как оно варьируется в разных группах.

Основные выводы

Таким образом, исследования в рамках социологии кино были сгруппированы в три основных направления на основании различий предметов этих исследований.

Первое направление — изучение кино как социального института. В этой связи рассматриваются функции, выполняемые кинематографом, воспроизводящиеся там социальные роли, а также участие индустрии в социально-политических процессах общества. Ключевыми вопросами этого направления также являются: влияние внешних условий (политико-экономического и социально-культурного контекста) на функционирование сферы кино и участие кинематографа в воспроизводстве различного вида неравенств.

Второе направление объединяет способы изучения кино как визуального текста. Такое понимание отделяет продукт от контекста его производства и делает упор на те нормы и ценности, которые воспроизводятся в кино, а также на особенности средств выразительности и те значения, которые они задают.

Третье направление — исследования киноаудиторий и практик просмотра фильмов. Это направление включает в себя изучение повседневных

взаимодействий зрителей с кинематографом и того, как люди понимают содержание фильмов, как формируют свои предпочтения.

Разумеется, такое разделение на направления довольно условно и является скорее аналитическим. Надо понимать, что некоторые подходы могут быть задействованы в рамках разных направлений (так, феминизм и марксизм работают и с изучением индустрии кино, и непосредственно с анализом кинотекстов). Кроме того, далеко не все эмпирические исследования заключены в рамках какого-то одного направления. Выбор направления, метода исследования и теоретического подхода зависит от целей и задач каждой конкретной работы и от предмета исследовательского интереса.

Литература

1. *Guy Austin*. Political depression and working practices in recent French cinema // *Studies in French cinema* 2015, № 15:2. P. 156–167.
2. *Kress G., Van Leeuwen T.* Reading Images: the grammar of visual design. Oxon, UK: Routledge, 2006.
3. *Liesbet van Zoonen*. Audience reactions to Hollywood politics // *Media, Culture and Society* 2007. Vol. 29 (4). P. 531–542.
4. *Melissa A. Milkie*. Social world approach to cultural studies: Mass Media and Gender in the Adolescent Peer Group // *Journal of Contemporary Ethnography*, 1994. № 23 (3). P. 354–380.
5. *Гордон Г.* Кино. Визуальная антропология / пер. с англ. М. С. Неклюдовой. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 203 с.
6. *Зарубина С. Н.* Патриотизм в современном российском кинематографе (2000–2010 годы) // *Общественные науки и современность*. — 2012. № 5. — С. 169–176.
7. *Леонтович О. А.* Западный контекст о Сталинградской битве глазами русского зрителя: опыт нарративного анализа // *Известия ВГПУ*. — 2015. № 3 (98).
8. *Лехциер В. Л.* Нарративный поворот и актуальность нарративного разума // *Международный журнал исследований культуры International Journal of Cultural Research*. — № 1 (10). 2013. — С. 5–8.
9. *Малви Л.* Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф // *Антология гендерной теории*. — Минск: Прописи, 2000. — С. 280–297.
10. *Омон Ж., Бергала А., Мари М., Верне М.* Эстетика фильма / пер. с франц. И. И. Чельшевой. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 248 с.
11. *Полюса кинопроцесса: притяжение и отталкивание* / под общ. ред. М. И. Жабского. — М.: Научно-исследовательский институт киноискусства, 2007. — 308 с.
12. *Разлогов К. Э.* Утопия и антиутопия в мировом кинематографе // *Международный журнал исследований культуры*. — 2012. № 4 (9). — С. 112–115.
13. *Рожественская Е. Ю.* Перспективы визуальной социологии // *Социологический журнал*. — 2008. № 4. — С. 70–83.

14. Романов П. По-братски: мужественность в постсоветском кино // О муже(Н)ственности / под ред. С. Ушакина. — М.: Новое литературное обозрение, 2002. — С. 609–629.
15. Романов П., Ярская-Смирнова Е. Тело и дискриминация: инвалидность, гендер и гражданство в постсоветском кино // Неприкосновенный запас. — 2011. № 2 (76).
16. Салиева Л. К. Нарративный анализ. История и современность. Сферы приложения // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). — 2012. № 3. — С. 116–128.
17. Троцук И. В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник РУДН, серия Социология. — 2004. № 6–7. — С. 56–74.
18. Усманова А. Гендер и культура в парадигме культурных исследований // Введение в гендерные исследования. Часть 1: учебное пособие / ХЦГИ. — СПб.: Алетейя, 2001. — С. 427–464.
19. Фантастическое кино. Эпизод первый: сб. стат. / составитель и научный редактор Н. Самутина. — М.: Новое литературное обозрение, 2006.
20. Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. — М.- СПб.: Медиум, Ювента, 1997. — 312 с.
21. Шапинская Е. Н. Массовая культура: очерк теорий. Новые подходы и оценки // Культура культуры. — 2016.
22. Шмид В. Нарратология. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 312 с.
23. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. на русский язык С. Серебряный. — Изд-во CORPUS, 2016.
24. Яковлев И. П. Теории массовых коммуникаций // Основы теории коммуникаций. — СПб, 2001.
25. Ярская-Смирнова Е. Мужчины и женщины в стране глухих // Одежда для Адама и Евы: Очерки гендерных исследований. — М., 2001. — С. 221–236.
26. Кто ты — российский кинозритель? [Электронный ресурс] // Федеральный Фонд социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии. URL: www.fond-kino.ru/news/kto-ty-rossijskij-kinozritel/ (дата обращения: 10.12.2017).

Анастасия Олеговна Самарина
Саратовский национальный исследовательский государственный
университет им. Н. Г. Чернышевского

Anastasia O. Samarina
Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ ТЕОРИЯХ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗА ГРАЖДАНИНА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Researching Image of the Citizen in the Domestic Film Industry in Modern Theories

Аннотация. В статье актуализируется проблема изучения образа гражданина в современном кинематографе. Кино из средства коммуникации, за счет своей способности максимально точно передавать образы большому количеству людей, превращается в инструмент воздействия на социальные процессы разных уровней, как средство реализации власти, путем влияния на массовое сознание. Кинематограф способен нести основную смысловую нагрузку по формированию государственной идеологии. С помощью образных представлений кино передает зрителю информацию, которую зачастую невозможно донести через какие-либо другие знаки и символы. Важно изучить, транслируется ли в наше время образ простого советского человека и как он соотносится с таким конструктом, как «гражданин», — актором современного гражданского общества. Для изучения образа современного гражданина в кинематографе необходимо подобрать адекватные теоретические конструкции. Данная статья посвящена исследованию теоретико-методологических оснований изучения категории образа в философии, социологии, психологии, социальной психологии, культурологии. Автор анализирует теоретические конструкции, применяемые современными исследователями, при изучении воздействия кинематографа на население и ищет теории, способные помочь в изучении образа современного гражданина в кинематографе.

Ключевые слова: образ в кинематографе, образ гражданина, образ советского человека, теория, массовая культура.

Abstract. The article actualizes the problem of researching image of the citizen in modern cinema. Cinema from mean of communication, due to its ability to transmit images as accurately as possible for many people, becomes an

instrument of influence on social processes at different levels, to exercise power through influence on the mass consciousness. Cinema can carry the basic meaning for the formation of state ideology. In contrast to the media film is much easier to control through government orders and censorship. Imaginative movie ideas help cinema to transmit information viewer, which is often impossible to communicate through any of the other signs and symbols. It is important to consider if the broadcast nowadays of Soviet man's image and how it relates to such a construct as a citizen — a modern civil society doer. To research the image of the modern citizen in the cinema is necessary to choose appropriate theoretical constructs. This article is devoted to research of theoretical and methodological bases of studying the category «image» in philosophy, sociology, psychology, social psychology, Cultural Studies. The author is analyzing the theoretical constructs used by modern researchers, studying of the impact of cinema on the population and looking for theories that can help in researching of the image of the modern citizen in the cinema.

Keywords: image in cinema, citizen image, image of Soviet man, theory, mass culture.

В настоящее время в современном кинематографе образ гражданина отличается от образа советского человека. Несмотря на переход в обществе от социалистического типа личности к современному, на киноэкранах сохранились некоторые черты характера персонажей, живших в эпоху Советского Союза, и в наши дни. Исходя из этого, представляется актуальным рассмотрение образа гражданина в отечественном кинематографе. Стоит проследить, что изменилось или осталось неизменным в том или ином киногерое времен СССР в современном кино.

Категория образа, ключевая для осмысления в нашей работе, тщательно разработана мыслителями и учеными в философии, психологии, культурологии, социальной психологии, социологии.

В истории философии образные представления изучались, прежде всего, в связи с характеристикой особенностей рационального познания в диалектике «знание — мнение», где они, как правило, оценивались в качестве низшей формы знания (Сократ, Платон, Р. Декарт, Б. Спиноза, Г. Лейбниц, Г. В. Ф. Гегель). Платоном была заложена традиция понимания образа как образца — прообраза, который, как известно, может иметь как духовную, так и материальную природу.

В отечественной философской литературе информация об образах представлена в работах профессора Р. Ю. Рахматуллина. По его мнению, образ есть совокупность чувственных сигналов, изоморфных содержанию объекта-оригинала и субъективно переживаемых в качестве самого объекта [Рахматуллин, Семенова, Хамзина, 2012, с. 169].

Ближе к социологической интерпретации визуальных образов подходят исследования выдающегося американского социолога И. Гофмана с его концепцией драматургического подхода в социологии, где оформление пространства интеракции является смысловой составляющей социального действия. В работах известного французского социолога П. Бурдьё исследуются визуальные репрезентации социального неравенства. Проблемы социального действия, ценностно-нормативного опосредования получают разработку в трудах современных социологов с учетом феноменов визуальной культуры.

С конца 1960-х гг. произошло значительное увеличение социально-философских исследований визуальных образов искусства (Д. Вульф), кинематографа (С. Уорс), имиджа в средствах массовой информации, феноменов «фото» и «видео» (Дж. Баргер, Г. Поллок) [Арнхейм, 1974, с. 132].

Психологические теории, основывающиеся на понимании образа как копии объекта, или, в более корректном виде, как возникающего в психике изображения объекта, представлены в работах З. Фрейда, К. Г. Юнга и Ф. Гальтона. В отечественной психологии она защищалась Л. М. Веккером и Б. Ф. Ломовым, которые писали, что «анализ предметной структуры действия обнаруживает, что регулирующий его образ является именно изображением» [Веккер, Ломов, 1961, с. 49].

В настоящее время внимание ученых к проблематике воздействия образов на массовое сознание в современном кинематографе уделяется недостаточно. Таким образом, представляется интересным проанализировать образ в кинематографе как фактор, влияющий на массовое сознание.

Однако среди научных работ присутствуют диссертации, в которых рассматривается влияние средств массовой информации, в том числе кинематографа, на массовое сознание. В теоретико-методологическом плане эти работы основаны на трудах отечественных и зарубежных философов, психологов и социологов: У. Бека [Бек, 2008], Гидденса [Гидденс, 1999], Г. Лебона [Лебон, 2011], А. В. Маркина [Маркин, 2005], З. Фрейда [Фрейд, 2006], О. Н. Яницкого [Яницкий, 2010, с. 42] и др. Кроме этого, теоретико-методологической базой данных работ являются исследования в области изучения массового сознания классиками философии и психологии: С. Московичи [Московичи, 1998, с. 54] и современными российскими учеными, к примеру, Д. В. Ольшанским [Ольшанский, 2002].

С момента появления тиражированного изображения визуальные знаки привлекают повышенный интерес ученых-социологов. В рамках теории информационных систем исследовались особенности визуальной информации; в семиологии большое внимание уделялось разработке понятия «визуальная коммуникация»; в психологии анализируется специфика зри-

тельного восприятия визуальных образов, в историографии визуального искусства проводились исследования художественных стилей и практик в разные исторические эпохи [Колосов, 2000, с. 14].

Широкое освещение проблема воздействия образа на массовое сознание получила в газетной и журнальной публицистике, в книгах и статьях философов, социологов, социальных психологов, политологов [Андреева, 2007, с. 76; Анникова, 2007, с. 56–63; Виноградова, 2008, с. 62].

Современные исследования по психологии показывают, что проблема психологического воздействия образа на массовое сознание в различных сферах жизнедеятельности общества, где применяются разнообразные методы информационного, психологического, технологического прессинга, сегодня стоит весьма остро. Современные технологии позволяют влиять на сознание, на психику огромного количества людей одновременно, не имея прямого контакта и взаимодействия с ними. Данной проблематикой занимаются такие авторы, как Г. Г. Дилигенский [Дилигенский, 1965, с. 89], А. К. Уледов [Уледов, 1968, с. 27], Б. А. Грушин [Грушин, 1987, с. 124] и пр.

Идея непосредственного прямого влияния СМИ на сознание и установок человека была опровергнута исследователями масс-медиа. Несмотря на это, в данном предметном поле и сейчас ведутся дискуссии.

В понимании французского кинокритика, историка и теоретика кино А. Базена [Базен, 1972, с. 38], образ — это «все то, что приобретает изображаемый предмет благодаря своему изображению на экране». Он выделял два принципиальных понятия: «кинематограф образа» и «кинематограф реальности».

По мнению российского искусствоведа, теоретика кино и телевидения О. Аронсона, коммуникативный образ — «некое временное материальное соединение разрозненных знаков». Это не постоянные знаки, образующие связную и стабильную систему, как в структуралистской семиотике, а случайно оказавшиеся вместе, противоречащие друг другу, что заставляет зрителя постоянно переинтерпретировать эти знаки заново.

Семиотическая концепция постструктурализма предлагает разрушение объективистской установки по отношению к десубстанциализации, абсолютизацию его коннотативной составляющей, в силу чего радикально изменяется представление о коммуникации в целом, которая мыслится как социокультурно и исторически обусловленный многоуровневый процесс, в котором нет фиксированных объективных значений, т. е. доминируют субъективность и интертекстуальность. В семиотике постструктурализма культура предстает как символическая система бесконечно вариативных, произвольно конструируемых, избираемых и интерпретируемых значений [Полонская, 2010, с. 13].

Акцентируя внимание на кинематографической коммуникации как особых образах, в которых проявляет себя внесоциальная и внеязыковая общность, сами фильмы уже можно анализировать иначе, выделяя в них сообщение, приходящее в обход герменевтики или эстетики, позволяющих читать фильм как произведение. Сообщение это приходит не от понимания или чувственного восприятия и не направлено к ним. Но это также и не некая «благая весть» новых технологий. Это — сообщение, приходящее от образов, еще не ставших языком, еще не присвоенных разумом или чувственностью. Это либо забытый, либо желаемый язык общности [Аронсон, 2007, с. 8–9].

Основными концепциями в нашей работе являются концепция драматургического подхода в социологии (И. Гофман), социального неравенства (П. Бурдьё), проблемы социального действия, ценностно-нормативного опосредования в трудах современных социологов с учетом феноменов визуальной культуры.

Таким образом, категория образа изучалась в теориях различных ученых. В современных диссертационных работах и исследованиях в большинстве случаев применяются методологические стратегии на базе таких наук, как психология и культурология. С позиции социологической науки «образ» рассматривается крайне редко, за исключением визуальной социологии, в которой представлен данный конструкт. Помимо представителей данного направления (П. Штомпка, О. Ю. Бойцова, Е. Ю. Мещеркина-Рождественская), «образ» не изучается другими исследователями.

Что касается образа советского человека, то довольно подробный социологический анализ «советского человека» как идеально типической конструкции был дан Ю. Левадой и его коллегами. Социологи изучили данную сложную методологическую проблему, проведя крупномасштабное исследование «Советский человек». В ноябре 1989 г. была осуществлена репрезентативная общесоюзная выборка. Кроме того, к анализу привлеклись и материалы других исследований за 1988–1992 гг., на основе которых ученый также делал выводы. Основные черты его образа, по мнению социологов, составляют представления об исключительности, или особенности, «нашего», советского человека, его превосходства над другими народами, «его принадлежность» государству (в смысле приоритета ценностных ориентаций), уравниательные, антиэлитарные установки, соединение превосходства с ущемленностью (комплекс неполноценности) [Гудков, 2007, с. 22–23].

В рамках философского направления, размышляя о «советском духе», Л. А. Булавка не считает его «некоторой абстракцией, оторванной от реальной жизни». По ее мнению, «советский дух» был своего рода особой

духовной энергией, составляющей потенциал исторического поступка (тем самым социального творчества) общественного индивида». Автор приводит в качестве одной из основных черт, присущих индивиду с «советским духом», «потребность в историческом поступке», которая предполагает «идейную определенность, нравственную ответственность индивида за происходящее вокруг, а также волю к действию» [Булавка, 2008, с. 68].

С психологической точки зрения Ш. Фицпатрик определяет советского человека 1920–1930-х гг. как «несомненно, психологически ущербный социальный тип, основной мотив поведения которого определялся как стремление к выживанию в биологическом смысле» [Медушевский, 2010, с. 15].

Исходя из этого, можно отметить, что в образе советского человека присутствуют такие черты, как излишняя доверчивость, комплекс неполноценности, инфантилизм. В кинематографе довольно часто режиссеры используют данные черты, чтобы сделать образ советского человека более правдоподобным на экране. В связи с тем, что советское кино весьма разнообразно и имеет существенные отличия в различные исторические периоды, особенности репрезентации и конструирования образа советского человека также не всегда совпадают. Несмотря на это, сохраняются и схожие черты, которые прослеживаются у тех или иных киногероев СССР. К примеру, данный факт можно проследить в следующих советских кинокартинах 1960–1970-х гг.: «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика» (1967), «Джентльмены удачи» (1971), «Служебный роман» (1977). У главных киногероев этих фильмов степень доверчивости завышена, чувство ответственности представлено с избытком, а в характере персонажей присутствует доля инфантилизма.

Эти черты вступают в противоречие с востребованными в настоящее время качествами гражданина в современном обществе. В отечественном кинематографе нашего времени присутствует большое количество ремейков советских кинокартин. В этой связи и основные герои представлены теми же образами, но уже в современной интерпретации. В качестве примеров можно рассмотреть отечественные фильмы за последние шесть лет: «Служебный роман. Наше время» (2011), «Джентльмены, удачи!» (2012), «Кавказская пленница!» (2014). Персонажи современных кинокартин наделены такими качествами, как эгоизм, излишняя эмоциональность. Образы героев современных фильмов-ремейков не выглядят такими же искренними и естественными, как персонажи советского времени. Прежде всего, образ гражданина в наши дни должен быть индивидуализирован. Помимо этого, он отождествляется с личностью, живущей в современных технологиях и не интересующейся ситуацией в обществе, его заботят исключительно свои собственные проблемы, что демонстрируется с экранов в наше время.

Литература

1. Андреева Г. М. Социальная психология: учебник для высших учебных заведений / 5-е изд., испр. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2007. — 364 с.
2. Анникова В. А. Общественное мнение как фактор формирования массового политического сознания // Вестник Российского университета дружбы народов. — 2007. № 4. — С. 56–63.
3. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. — М.: изд-во «Прогресс», 1974. — 386 с.
4. Аронсон О. Коммуникативный образ (Кино. Литература. Философия). — М.: Новое литературное обозрение, 2007.
5. Базен А. Что такое кино? Сборник статей. — М.: Искусство, 1972. — 384 с.
6. Бек У. Космополитическое мировоззрение / пер. с нем. под ред. и со вступит. ст. В. Иноземцева. — М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. — 336 с.
7. Булавка Л. А. «Русская душа» и «советский дух» как два феномена отечественной культуры // Вестник Московского университета. Серия 7 Философия. — 2008. № 3. — С. 66–71.
8. Веккер Л. М., Ломов Б. Ф. О чувственном образе как изображении / /Вопр. фил. — 1961. № 4. — С. 47–59.
9. Виноградова Л. В. Сущностные признаки массового сознания // Известия РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. — С. 104–110.
10. Гидденс Э. Социология / пер. с англ.; науч. ред. В. А. Ядов; под общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. Н. Посилевича. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. — 703 с.
11. Грушин Б. А. Массовое сознание и массовое поведение / Открывая Грушина. Том 3 / ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. — М.: изд-во Московского университета, 2012. — С. 367–381.
12. Гудков Л. Д. «Советский человек» в социологии Ю. Левады // Общественные науки и современность. — 2007. № 6. — С. 16–30.
13. Колосов А. В. Визуальные образы в средствах массовой информации: дис. ... канд. филос. наук : 22.00.06. — М., 2000. — 154 с.
14. Лебон. Психология народов и масс. — М.: Академический проект, 2011. — 238 с.
15. Медушевский А. Н. Сталинизм как модель социального конструирования. К завершению научно-издательского проекта // Российская история. — 2010. № 6. — С. 189–196.
16. Московичи С. Машина, творящая богов, — социальные явления объясняются психологией... / пер. с фр. — М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. — 560 с.
17. Ольшанский Д. В. Психология масс. — СПб.: Питер, 2002. — 368 с.
18. Полонская И. Н. Структура и процесс в семиотической концепции постструктурализма // Теория и практика общественного развития. 2010. — С. 9–13.
19. Рахматуллин Р. Ю., Семенова Э. Р., Хамзина Д. З. Понятие образа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. II. — С. 162–167.
20. Уледов А. К. Структура общественного сознания. — М., 1968. — 330 с.
21. Фрейд З. Психоаналитические этюды / сост. Д. И. Донской, В. Ф. Круглянский. — Минск: Попурри, 2006. — 608 с.
22. Яницкий О. Н. Модернизация, концепция реформ и социальные реалии // Россия реформирующаяся: Ежегодник — 2010. Выпуск 9. — М.: Новый Хронограф, 2010.

Виталия Олеговна Морозова
Санкт-Петербургский государственный университет

Vitaliya O. Morozova
St-Petersburg State University

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОБОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОТОКОВ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Theoretical Bases of Formation and Spreading Informational Flows by Users of Social Networks

Аннотация. В данной статье анализируются теоретические обоснования формирования информационных потоков пользователями социальных медиа и производится разбор феномена социальных сетей через призму нескольких теорий: социального капитала, обмена и сетевых структур. Вследствие того, что расширяется площадь покрытия широкополосным Интернетом, в современном мире все больше и больше людей становятся включенными в социальные сети, которые инкорпорируются во все сферы нашей жизни и повседневные практики. В формирующемся медиaprостранстве пользователи окружают себя информационными потоками в зависимости от различных и совокупных групп факторов. Ввиду окружения себя определенными информационными потоками и взаимодействия с иными пользователями социальных сетей, частью которых они являются, люди имеют возможность самоизолироваться от тех или иных процессов, происходящих в мире, из-за чего может происходить сегментация новостных потоков, появиться остаточность и фрагментарность знаний. Автор предположил, что гемофильность как базовый организующий принцип человеческих сообществ и групп влияет на то, что мы знаем, и то, как формируем свои информационные потоки.

Ключевые слова: социальная сеть, массовая самокоммуникация, гемофильность, сетевой анализ, информационный поток, социальные медиа.

Abstract. In this article, theoretical grounds for the formation of information flows of social media users are being analyzed and the phenomenon of social networks is being examined through the social capital, exchange and network theories. Due to expanding of Internet coverage area, more and more people are joining social networks which are now incorporated into all spheres of our life and everyday practices. Although mediaspace is still

being shaped, users surround themselves with information flows, depending on various complexes of factors. Surrounded by certain information flows and interacting with other members of social networks, people have the opportunity to isolate themselves from certain processes occurring in the world, which can lead to the segmentation of news flows and fragmented nature of knowledge. The author suggests that hemophilicity, as the basic organizing principle of human communities and groups, influences what we know and how we shape our information flows.

Keywords: social network, mass self-communication, hemophilicity, network analysis, information flow, social media.

Концепция Пьера Бурдьё о социальном капитале и теория обмена Ричарда Эмерсона являются своеобразным базисом в формировании и распространении информационных потоков. Еще в 80-е гг. XX в. Пьер Бурдьё определил свою концепцию как процесс агрегирования ресурсов для включения в сетевую структуру взаимоотношений, основанную на двусторонних обязательствах. Отсюда следует, что социальный капитал — это ресурс, лежащий в основе социальной сети. Индивиды, включенные в систему отношений в социальной сети, получают и накапливают пользу за счет участия в группах с целью создания некоего ресурса. Согласно П. Бурдьё, несмотря на то что социальный капитал характеризуется взаимными ожиданиями, его специфической чертой является наличие «меньшей прозрачности и большей неопределенности» [Градосельская, 2004, с. 34].

Идеи Бурдьё получили продолжение и развитие в работах Д. С. Коулмена. Он разработал ряд терминов для определения механизмов производства социального капитала, его видов владения и социальных организаций, являющихся его генератором. В отличие от других авторов, Коулмен выделяет информационный ресурс социального капитала. В рамках его концепции информация выступает в качестве основания для действия и реализуется через социальные отношения.

Сам процесс распространения информационных потоков пользователями социальных сетей ложится в основу теории обмена, разработанную Ричардом Эмерсоном. В общих чертах его теория базируется на следующих постулатах:

1. Процесс обмена зависит от мотивации самого актора. Он имеет определенную мотивацию, зачастую основанную на заинтересованности и (или) вознаграждении.
2. Чаще всего ситуации обмена основаны на обмене ценностями (материальными, символическими и информационными).

Согласно Г. В. Градосельской, «теоретики обмена понимали социальную структуру как конфигурацию социальных отношений между акторами

(индивидуальными или корпоративными), где социальные отношения представляли обмен ценностями» [Градосельская, 2004, с. 40]. Таким образом, следует несколько выводов:

1. Информационные потоки выступают в качестве базиса для определенных действий пользователей социальных сетей. В нашем случае — действием является их распространение.
2. Пользователи обладают некоторой мотивацией или заинтересованностью в их распространении.

Теперь же предположим, что информационный поток — это совокупность всей циркулирующей информации, используемой пользователями социальной сети для отслеживания и распространения тех или иных новостей, которые в целом формируют новостной поток. В данном контексте новость и новостной поток стоит понимать как свежую информацию, содержащую данные о произошедших недавно или происходящих в настоящий момент событиях, связанных с экономическими, политическими и (или) социальными явлениями. То есть новостной поток является неотъемлемой и важной составляющей информационного потока. В традиционном понимании существует два вида потоков информации:

1. *Вертикальный*, при котором передача информации осуществляется между индивидами, находящимися на разных уровнях иерархии. При этом при передаче информации происходит искажение информации (всем известный эффект «испорченного телефона»).
 - а) *нисходящий* — передача информации происходит сверху вниз.
 - б) *восходящий* — передача информации происходит снизу вверх.
2. *Горизонтальный* — передача информации осуществляется между индивидами, находящимися на равных позициях. Стоит отметить, что он отличается эффективностью в коммуникативном плане вследствие высокой степени неформальности.

Интернет, в частности социальные сети, обеспечивает горизонтальную коммуникацию и циркуляцию информационных потоков по такому же принципу. Таким образом, пользователи социальных сетей могут не только общаться в режиме online с кем угодно, но и сами создавать новостные потоки, делиться ими, т. е. они являются как фильтром для новостей, так и их потребителями.

Коммуникативная революция в конце XX в. подарила нам бурное развитие цифровых электронных и коммуникационных технологий, что незамедлительно повлекло за собой рост их влияния на жизнь человечества. Несмотря на то что в обществе существовала и продолжает существовать сетевая форма организации, сейчас сетевые структуры стали еще глобальнее, плотнее, и, согласно М. Кастельсу, заметно их «всестороннее проникнове-

ние»: в экономике возникла новая организационная форма, характеризующаяся гибкостью, — сетевое предприятие, в политике — появление сетевого государства, вследствие размытия географических границ государств и их суверенности, в культуре — расцвет социальных движений. Сетевой принцип метаморфоз в обществе замечен в любой сфере взаимодействия людей.

Теперь люди оказываются акторами в сетевой структуре взаимоотношений не только в географической плоскости, но и в социальных сетях в Интернете, трансформировавших и расширивших масштабы взаимодействия людей. Определяющим становится наложение медиаландшафта на географический. Интернет стал площадкой для развития новой формы коммуникации — массовой самокоммуникации, поскольку масштабы распространения информационных потоков глобальны, а пользователи Интернета имеют возможность управлять содержанием этих потоков информации и направленностью коммуникации. Социальные сети в Интернете лишь помогли распространению этого явления, так как являются пространством, охватывающим почти все аспекты нашей жизни: работа, личные отношения, образование, развлечения и т. д. Включенность в социальные сети стала доминантной характеристикой современного общества.

Так как мы «живем в Интернете», то не представляется возможным «вырезать развлечения и новости» во время нашего пребывания в глобальной Сети [Castels, 2009].

Таким образом, наложение медиаландшафта стало определяющим в современном мире по следующим причинам:

1. Подавляющее большинство населения развитых стран и растущее число пользователей стран третьего мира имеют коммуникационные девайсы и, как следствие, доступ в Интернет.
2. Медиа-ландшафт не имеет четких географических границ.
3. СМИ обеспечивают глобальную циркуляцию информационных потоков в медиапространстве.

Получается, что вследствие коммуникационной революции Интернет обеспечил масштабную циркуляцию информационных потоков, отличающихся более полным содержанием, так как доступ к массмедиа и иным продуктам культурной и информационной деятельности человечества стал проще за счет оцифрованных источников. Следует отметить, что печатная пресса одной из первых ощутила нужду в смене платформы подачи новостей. Новой площадкой для их освещения стал Интернет, за счет масштабов его распространения и, как следствие, более массовой аудитории. По мере распространения сервисов социальных сетей, стремительно набираю-

щих обороты и привлекающих еще больше пользователей, они также стали одной из площадок освещения новостей прессой.

Несмотря на то что официально термин «социальная сеть» был введен в употребление лишь в 50-е гг. XX в., предпосылки к формированию сетевых подходов в изучении таковых берут свое начало еще в период классической социологии (Г. Зиммель, Э. Дюркгейм). Зиммелю представлялось существенным исследование базовых моделей социальных отношений в рамках «формальной социологии», в то время как Дюркгейм выдвинул идею «социальной морфологии», связанную со структурной организацией общества и его взаимодействием с внешней средой. Вот уже в 1951 г. Джейкобом Морено, на основании изучения групп и взаимодействий ее членов, была разработана концепция социометрии. Интеракция членов группы обуславливалась их личными предпочтениями. Результатом стала визуализированная карта акторов, на которой индивиды помечены отдельными точками, а их связь — линиями.

С точки зрения моделей коммуникации («круг», «цепь», «игрек» и «штурвал») интересными представляются эксперименты Алекса Бейвласа (Bavelas, 1948) и Харольда Левитта (Levitt, 1951, 1963). Сетевая структура у них была обеспечена искусственным разделением групп на подгруппы, где сообщения между ними могли передаваться лишь по определенной схеме. Предполагалось, что выполнение поставленных задач зависит определенным образом от выбранной модели коммуникации. Несмотря на то что эти эксперименты во многом совпадали с исследованиями, проводимыми Морено, были выявлены следующие важные моменты:

1. Сеть — совокупность позиций индивидов, и общая модель отношений между позициями — структура.
2. Связи между позициями — линии информационных потоков.

Благодаря этим экспериментам была подготовлена основа для новой концепции, поскольку сеть можно было понять как единство следующих элементов:

1. Совокупность позиций, занимаемых индивидами.
2. Отношения между позициями.
3. Поток ресурсов.

Таким образом, для нас важным является то, что в сети обеспечивается циркуляция потоков, в частности информационных.

Среди антропологических работ, ориентированных на сетевой подход в объяснении функционирования общества, выделяется труд З. Ф. Найдела под названием «Теория социальной структуры» (1964). В начале своей работы автор отметил, что в социальных науках нет четкой концепции структуры, поскольку она рассматривалась с разных позиций. Найдел же произвел

четкое разделение между «структурой» и «функцией». Его работа была востребована как среди социологов, так и среди психологов за счет того, что исследование «структуры» он проводил на основании большой популяции, в отличие от тех, кто проводил их на малых экспериментальных группах. Структура понималась им как совокупность подгрупп, осуществляющих взаимодействия между собой, поддерживаемые членами данных подгрупп. Г. В. Градосельская описывает это следующим образом: «Так, социальная структура может выглядеть как слои или кластеры сетей — от всеобщей сети (общества) к сочетаниям разных подсетей. Ключевое определение структуры может звучать как “распределение отношений на почве сходства или различий акторов”. Взаимные интерактивные отношения подразумевают, что все акторы влияют друг на друга. Таким образом, мы изучаем особую конфигурацию взаимоотношений между акторами, играющими роли, а не просто статистическое распределение акторов на ту или иную роль» [Градосельская, 2004, с. 28]. Исходя из этого получается, что социальная сеть — это совокупность взаимоотношений между индивидами. Суммируя, можно сказать, что в рамках сетевого подхода социальная сеть понимается как совокупность акторов или позиций акторов, объединенных взаимоотношениями, подразумевающими обмен потоков ресурсов между собой.

В 1954 г. в свет выходит работа представителя Манчестерской школы, Джона Барнеса, «Классы и собрания в норвежском островном приходе», в которой автор впервые ввел термин «социальная сеть», описав ее следующим образом: «Каждый человек имеет определенный круг друзей, а эти друзья имеют, в свою очередь, собственных друзей. Некоторые из друзей одного человека знают друг друга, другие — нет. Я нашел удобным говорить о такого рода социальных полях как о сетях. Под этим мне видится система точек, некоторые из которых соединены между собой. Точками этой системы являются люди, и линии соединения этих точек указывают, какие люди и как взаимодействуют друг с другом» [Barnes, 1954]. Таким образом, мы можем сделать вывод, что социальная сеть понимается как гибкая структура взаимоотношений людей, связанных между собой определенными социальными связями. По мере того как индивиды включаются в ту или иную социальную сеть (их может быть огромное количество), занимают определенную позицию в структуре социальных отношений, ее масштабы распространения растут.

Взаимодействие индивидов связано с обменом ресурсами или потоками. В нашем случае под потоками и ресурсами понимается информация. Масштаб распространения информационных потоков увеличивается пропорционально тому, как увеличивается площадь, на которую простираются социальные сети.

После развития телекоммуникаций и коммуникационной революции понимание термина социальной сети трансформировалось и получило новую коннотацию. В 90-е гг. XX в. Интернет стал одной из повседневных практик из-за массового увеличения числа его пользователей. Вследствие рутинизации, коммерциализации, визуализации Интернета и появления таких программных средств, как блогосфера и социальные медиа, концепция Тима О'Рейли Web 2.0 не только ознаменовала новый этап развития Интернета, но привела к установлению нового принципа социальной организации коммуникации [Царева, 2012]. Таким образом, для пользователей Интернета социальная сеть понимается уже как некий веб-сайт или же онлайн-сервис, позволяющий организовывать и строить социальные взаимоотношения на его просторах, а не в своем первоначальном значении.

Как мы упоминали выше, взаимоотношения индивидов обусловлены обменом ресурсами или же потоками. В связи с тематикой нашей работы важными для нас характерными чертами технологии «Веб 2.0» являются предоставленные пользователям возможности:

- 1) публикации в блогосфере и/или социальных медиа интеллектуальной собственности;
- 2) отслеживания в режиме online обновлений избранных ресурсов информационных потоков;
- 3) получения и дальнейшего распространения мультимедийного и текстового контента на бесплатной основе.

Таким образом, формирование информационных потоков и отслеживание новостей играет одну из доминантных ролей в жизни пользователей социальных сетей. Но насколько важно то, с кем мы взаимодействуем? Оказывают ли они влияние на то, что мы знаем? В 50-е гг. XX в. социологом Робертом Мертоном был введен в обиход термин «гемофильность», переводящийся как «любовь к похожим на тебя». До этого Мертон проводил с коллегами исследование на тему дружбы в двух жилых микрорайонах — в Нью-Джерси и западной Пенсильвании. Жителей просили назвать трех ближайших друзей, после чего на основании полученных данных составляли обобщенные выводы об общественных силах, которые оказывают влияние на формирование дружеских отношений. Исследователи пришли к выводу, что возникновение близкой дружбы более вероятно между представителями одного пола и этнической группы. Вследствие этого Роберт Мертон и предложил термин «гемофильности», описывающий данное явление.

При анализе любого взаимодействия между индивидами внутри группы или структуры можно выявить принцип гемофильности. Э. Цукерман писал, что данный принцип фиксируется исследователями по широкому спектру признаков: этническим, половым, возрастным, религиозным,

образовательным, профессиональным и социальным. Объясняется все тем, что нам гораздо проще строить взаимоотношения с людьми, похожими на нас самих, вне зависимости от сферы и продолжительности нашего взаимодействия [Zuckerman, 2015]. В силу того, что мы будем вступать во взаимодействие с наиболее похожими на нас индивидами и, как следствие, осуществлять с ними процесс коммуникации, гомофильность может выступать как один из основных принципов формирования информационных потоков.

Таким образом, можно сделать вывод: то, что мы знаем, зависит от того, кого мы знаем. Но при этом заметим, что вопрос формирования пользователями социальных сетей своих информационных потоков и их распространения до сих пор остается открытым.

Литература

1. *Miller McPherson, Lynn Smith-Lovin, and James M. Cook.* Birds of a Feather: Homophily in Social Networks // *Annual Review of Sociology*, no. 27 (2001). P. 415–444.
2. *Барнес Д.* Классы и собрания в норвежском островном приходе. 1954.
3. *Градосельская Г. В.* Сетевые измерения в социологии: учебное пособие / под ред. Г. С. Батыгина. — М.: Издательский дом «Новый учебник», 2004. — 248 с.
4. *Кастельс М.* Власть коммуникации: учеб. пособие / пер. с англ. Н. М. Тылевич; под науч. ред. А. И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016 — 564 с.
5. *Царева А. В.* Человек в сети: смена веб-поколений // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2012. Том XV, № 5 (64). — С. 36–54.
6. *Цукерман Этан.* Новые соединения. Цифровые космополиты в коммуникативную эпоху. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. — 336 с.

Екатерина Анатольевна Свищёва
Северный (Арктический) федеральный университет

Ekaterina A. Svishcheva
Northern (Arctic) Federal University

РОЛЬ СЕТИ ИНТЕРНЕТ В ПРОЦЕССЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

The Role of the Internet in the Process of Political Socialization of Youth

Аннотация. Современные коммуникационные технологии внедряются во все сферы жизнедеятельности. В условиях информационного общества каждый день нас окружают различные источники информации: аудиальные, визуальные, печатные. Интернет-коммуникации проникли в том числе и в общественно-политическую жизнь общества. Под влиянием этих процессов можно говорить о смене модели политической социализации и становлении новой, где широкое распространение получает такой агент политической социализации, как Интернет. Этот агент привлекает высокой скоростью и широтой распространения информации, дает возможность альтернативного выбора. Но это порождает множество социальных проблем и тем, которые требуют глубокого анализа деятельности данного социализирующего института. В свою очередь, граждане стали использовать пространство сети Интернет как один из основных источников получения общей и политической информации, а также как место для свободного волеизъявления. В статье исследуется влияние сети Интернет на политическую социализацию студентов. Выявляются самые популярные источники политической информации, а также степень доверия студентов к Интернету и другим информационным источникам. Также анализируется уровень политической коммуникации в интернет-среде. Политическая социализация молодежи в современной России — это комплексная проблема, требующая теоретического и практического решения.

Ключевые слова: политическая социализация, Интернет, политическая коммуникация, политическая социология, информационные технологии, информационное общество, электронное правительство.

Abstract. Modern communication technologies are being introduced into all spheres of life. In the information society we are surrounded by a variety of sources of information every day: auditory, visual, printed. Internet

communications got into all to the life sphere, including into the sphere political life society.

Under the influence of these processes, we can talk about changing patterns of political socialization and the formation of a new, where Internet receives widespread. This agent of political socialization has high speed and breadth of information dissemination, makes it possible to select an alternative, and therefore attracts users. But this gives rise to many social problems and themes, which require in-depth analysis of the activities of this institute of socialization. In turn, the citizens began to use the space of the Internet as one of the major sources of general and political information, as well as a place for free will. The article reviews the impact of the Internet on political socialization of students. We can notice the most popular sources of political information, and level trust of the students to the Internet and other information sources. In this article also analyzes the level of political communication in the Internet environment. Political socialization of youth in modern Russia — a complex problem, which requires theoretical and practical solutions.

Keywords: political socialization, Internet, political communication, political sociology, information technologies, information society, e-government.

В условиях современного общества проблема политической социализации видоизменяется. Она особенно актуализируется в контексте происходящей трансформации социально-политической системы общества, а также с возникновением новых информационных технологий.

Сегодня изучение процесса политической социализации особенно важно. Процесс политической социализации, усвоение молодым поколением политических установок во многом зависит от позиций государственных органов, установок в семье, от информации, публикуемой в печатных СМИ. Но наряду с этими весомыми агентами в эпоху становления информационного общества возникает еще один, получивший широкое распространение среди всего населения, — Интернет.

По результатам опросов ВЦИОМ [Пользование Интернетом...] прослеживается тенденция, что с каждым годом увеличивается число интернет-пользователей. Так, на сегодняшний день 58 % респондентов заходят в Интернет «практически ежедневно». Это говорит о том, что он занимает значимое место в жизни социума. Самая широкая аудитория представлена молодым поколением, и в связи с этим меняются модели социализации вообще, в том числе и политической.

Отсюда вытекает и социальная проблема — неуправляемости нарастающих информационных потоков, имеющих характер манипулятивного аудиовизуального воздействия.

В связи со всем вышесказанным можно говорить о смене модели политической социализации и становлении новой, где широкое распространение получает такой агент, как Интернет. Этим и обуславливается

актуальность данной темы, ведь появление нового агента порождает множество социальных проблем и задач, которые требуют глубокого анализа деятельности данного социализирующего института.

Отечественные авторы Ю. А. Зубок, Е. Б. Шестопал и В. И. Чупров отмечают в современном российском обществе снижение роли традиционных институтов социализации (государственных структур, учреждений системы образования, семьи) и замену их новыми, среди которых: электронные СМИ, интернет-ресурсы [Емельянов, 2012, с. 124]. Е. Б. Шестопал отмечает, что исследования политической социализации получили основное развитие в 50–70-е гг. в США. Большую роль сыграли исследования Г. Хаймена, Д. Истона, Р. Хесса и др. [Шестопал, 2003, с. 21]. В этот период вышли сотни книг и все журналы, имеющие отношения к политике, были наполнены статьями по политической социализации.

Политические организации начали активно использовать интернет-технологии с середины 1990-х гг., поэтому интернет-среду можно рассматривать как фактор политической социализации именно с этого периода.

Наиболее значимыми для темы исследования представляются работы М. Кастельса [Кастельс, 1990, с. 494], в которых проводится анализ тенденций, формирующих в конечном счете «сетевое» общество. Возникшая с появлением нового типа общества проблема политической коммуникации была рассмотрена целым рядом ученых, среди которых особого внимания заслуживают труды М. Маклюэна [Маклюэн, 2003], П. Лазарсфельда [Назаров, 2000] и Г. Лассуэлла [Лассуэлл, 1996]. Также Н. А. Головин в своей работе дает анализ политической социализации как особого направления исследований [Головин, 2004]. Он строит модель политической социализации, используя историко-социологическую методологию и прибегая к поколенческому подходу. Таким образом, автор делает большой вклад в методологию исследования данного направления.

Одна из последних работ в отечественной литературе, посвященная изучаемой теме, — «Интернет и идеологические движения в России: коллективная монография». Книга посвящена изучению динамики развития идеологических движений в России в драматический период 2011–2014 гг. А в связи с тем, что медиа и общество находятся в сложной взаимосвязи отражений и влияний, рассматривается двойная призма: Интернет для авторов не только зеркало, но и один из важнейших факторов социальных процессов, оказывающий на последние существенное воздействие [Никипорец-Такигава, 2016, с. 8].

Анализ имеющейся литературы показывает, что проблема политической социализации молодежи в России недостаточно изучена, требует дальнейшего теоретического обоснования и практических рекомендаций.

Роль политической социализации для развития общества велика. Процесс политической социализации необходим, во-первых, для самовоспроизводства, обновления политической системы за счет привлечения граждан к участию в деятельности политически ориентированных организаций. А с другой стороны, влияет на формирование политического сознания и поведения личности. В результате это способствует становлению личности гражданина как члена данной политической системы.

Вернемся к таким агентам политической социализации, как СМИ и Интернет, и рассмотрим их подробнее. Распространение массмедиа с середины XX в. сформировало информационную среду и таким образом стало чуть ли не основным источником информации. Наряду с радио и прессой стоит отметить телевидение, которое получило широкое распространение и стало новым источником актуальной информации. В XXI в. понятие «информационное общество» окончательно утвердилось в научной литературе. В таком обществе индивид постоянно находится в информационной среде, одну из ведущих ролей в которой играют СМИ, организующие информационные потоки и распространяющие информацию. СМИ являются средством привлечения населения к политической жизни страны через восприятие информационных потоков о политических процессах, происходящих в обществе, и в то же время оказывают воздействие на политическую социализацию молодого поколения.

В XXI в. главным конкурентом СМИ выступает такое феноменальное явление, как Интернет. Интернет — это открытая, доступная для каждого ассоциация компьютерных сетей, сетевая паутина, которая включает в себя неограниченное количество информации на различные темы. Интернет-среда привлекает тем, что главные ее ценности — это свобода слова, политический плюрализм, свободный доступ к информации, свобода организаций и собраний, которые также являются базовыми для демократического общества. Главный принцип Интернета как агента политической социализации — принцип свободы не только слова, но и действия.

Интернет включает в себя множество различных веб-сайтов, онлайн-сервисов. В связи с этим нельзя не вспомнить, что существует такое популярное явление, как «социальные сети», которые являются платформой для образования человеческих связей по взаимным интересам и имеют своей задачей обеспечить всевозможные пути взаимодействия людей друг с другом через видео, фото, блоги, музыку. Для политической социализации особенно важными являются тематические социальные сети, так как они имеют возможность передавать социальный опыт, нормы и ценности, характерные определенному сообществу. Таким образом, молодежь может коммуницировать с каким-либо сообществом, не являясь его членом в реальной

жизни. Примером могут быть тематические сообщества в социальной сети «ВКонтакте», где члены сообществ обмениваются мнениями, решают назревшие проблемы, но при этом не взаимодействуют в реальной жизни.

В условиях современного информационного общества у каждого влиятельного политического деятеля или политической партии есть своя группа, блог или профиль в социальных сетях. Это является неотъемлемой частью их политической деятельности. На таких страницах можно найти последние новости, актуальные темы и события. Любой пользователь имеет право комментировать, высказывать свою точку зрения по изложенным темам. Выражение своих позиций и плюрализм мнений полезен тем, что лидеры общественного мнения, политические партии или организации имеют возможность очень быстро и бесплатно получить отклик на обнаруженную информацию.

Программа исследования

Целью нашего исследования было проанализировать роль Интернета в процессе политической социализации молодежи на примере студентов Северного (Арктического) федерального университета (САФУ). Также в ходе исследования мы должны определить степень влияния интернет-технологий на политическую социализацию молодежи; выявить наиболее популярные источники политической информации; проанализировать степень доверия студентов к источникам информации политической направленности; охарактеризовать процесс политической социализации студентов САФУ.

Также были выдвинуты следующие гипотезы: наиболее влиятельным агентом политической социализации в представлениях студентов является Интернет; среди всех источников информации студенты САФУ больше всего доверяют Интернету.

При исследовании использовался метод анкетного опроса. Данный метод был нацелен на определение политических установок студентов САФУ, их политической активности, отношения студентов к информационным источникам и установления популярных сайтов политической направленности. Объектом выступили студенты САФУ. Предметом — представления студентов САФУ о роли Интернета в процессе политической социализации.

Методом случайной выборки в ходе исследования были опрошены 175 студентов. Небольшая выборка обусловлена тем, что проанализированы первичные данные, и данное исследование будет продолжено в дальнейшем.

Анализ полученных данных

Большинство респондентов составляют девушки — 63 %, мужчины составили 37 %. Возраст подавляющего числа респондентов 20–21 год — 45 %, 18–19 — 23 %, 22–23 — 24 %, больше 24 — 8 %.

46 % респондентов главным источником формирования политических взглядов выбрали «Интернет», вторым стал вариант ответа «печатные СМИ» — 14 %, источник «семья» поддержали 20 %, «образовательные учреждения» — 13 %, «друзья» — 6 %. В качестве «другого» варианта были указаны «литература» и мнение, что «все вышеперечисленные факторы работают в системе».

Большее доверие у респондентов вызывают следующие источники информации:

51 % поддержали «новостные, информационные сайты в Интернете», 21 % — «телевидение», 6 % — «газеты» и 22 % — указали «другое». Среди «других» ответов оказались такие: *«Все источники информации в совокупности (не только русские новости, но и новости других стран)», «интервью в Интернете с людьми, взгляды которых объективны и подкреплены фактами», «информацию из всех источников ставлю под сомнение».* Большинство ответов были связаны с негативной оценкой всех источников информации: *«никому нельзя верить», «ничего не вызывает доверие», «никакие», «в России нет независимых СМИ», «большого доверия никто не вызывает, всегда нужно фильтровать информацию».* Несмотря на то что большинство респондентов все-таки назвали «Интернет» источником, наиболее вызывающим доверие, показательным является и то, что ответы в графе «другое» в большинстве случаев носили негативный характер, проявляющийся в недоверии (см. табл. 1).

Таблица 1

Доверие респондентов к источникам информации о событиях в России и мире

Источник информации	Количество респондентов
Телевидение	21 %
Новостные, информационные сайты	51 %
Газеты	6 %
Другое	22 %

Самым популярным интернет-источником информации политической направленности являются социальные сети, их поддержали 40 %

респондентов, 23 % — сайты государственных СМИ, 14 % посещают сайты негосударственных СМИ, и также 14 % не интересуются такой информацией, 7 % уделяют внимание блогам и 2 % — форумам (см. табл. 2).

Таблица 2

Наиболее популярные источники информации политической направленности

Источник информации	Количество респондентов
Форумы	2 %
Социальные сети	40 %
Блоги	7 %
Сайты государственных СМИ	23 %
Сайты негосударственных СМИ	14 %
Не интересуюсь	14 %

Главными источниками информации студенты назвали следующие сайты: социальная сеть «ВКонтакте» — 27 %, «РИА Новости», «РБК» — 16 %, «Твиттер» — 13 %, также 13 % написали «никакие», 11 % — «Лентач» и 4 % отметили телеканал «Дождь».

В качестве показателя активности студентов в политически ориентированной интернет-среде, выяснилось, что за последние полгода 53 % приходилось подписывать петиции, законопроекты, обращения в Интернете, 20 % посещали сайты партий, общественных (некоммерческих) организаций, политических лидеров, 17 % участвовали в интернет-голосованиях по политическим вопросам. Из этого следует, что студенты не игнорируют события, происходящие в сфере политики, и принимают участие в решении каких-либо вопросов, касающихся всего населения.

Стоит отметить, что подавляющее большинство, а именно 74 % респондентов, считают Интернет полезным агентом политической социализации.

Подводя итог полученных данных, можно сказать о том, что наиболее популярным источником политически ориентированной информации для студентов являются социальные сети, а именно сеть «ВКонтакте». Также студенты активно принимают участие в политической коммуникации на различных интернет-ресурсах и считают Интернет полезным агентом политической социализации.

Как уже не раз упоминалось в работе, интернет-ресурсы с каждым годом становятся еще популярнее среди населения. Наше исследование в том числе показало, что студенты чаще всего пользуются и доверяют информационным источникам в Интернете, отмечая такие плюсы Интернета,

как доступность запрашиваемой информации, большая информационная емкость, возможность высказывать свою точку зрения. Поэтому наша гипотеза о том, что студенты САФУ больше всего доверяют Интернету как источнику информации, подтвердилась. Следует отметить, что 68 % студентов считают, что главным источником формирования политических взглядов является Интернет. Также 74 % поддерживают его как полезного агента политической социализации. Поэтому гипотеза о том, что наиболее влиятельным агентом политической социализации в представлениях студентов является Интернет, тоже находит свое подтверждение.

Благодаря таким характерным свойствам Интернета, как удаленность, высокая скорость и широта распространения информации, возможность альтернативного выбора информации, каждый человек с легкостью может стать членом того или иного сообщества, приобщиться к участию в каком-либо митинге или общественном движении и многое другое.

В ходе работы мы еще раз убедились, что политическая социализация — сложный и многосторонний процесс, который в условиях трансформации общества видоизменяется и требует своего дальнейшего, более глубокого изучения. В качестве рекомендаций можно сказать, что в силу распространения технологий информационного общества и их влияния на политическую социализацию молодежи возникает необходимость для повышения активности государственных структур в интернет-среде, регуляторов взаимодействия информационных технологий и общества. Результаты исследования показали, что Интернет оказывает решающее влияние на политическую социализацию молодежи, поэтому эффективность этого процесса напрямую зависит от характера и направленности государственной информационной политики.

Таким образом, политическая социализация молодежи в современной России — это комплексная проблема, требующая своего теоретического и практического решения. От успешных действий ученых и практиков в этой сфере во многом будет зависеть формирование политических ценностей молодежи как будущего страны.

Литература

1. Башкарев А. А. Роль сети Интернет в процессе политической социализации молодежи: автореф. на соискание ученой степени кандидата политических наук. — СПб., 2009.
2. Быков И. А. Социальные сети и политическая социализация студентов Санкт-Петербурга // VIII Ковалевские чтения: Материалы научно-практической конференции / отв. ред. Ю. В. Асочаков. — СПб.: СПбГУ, 2013. — С. 1053–1055.

3. Головин Н. А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. — Изд. СПбГУ, 2004. — 288 с.
4. Давыдова О. С. Интернет как ведущий агент политической социализации студенческой молодежи // Современные политические процессы. — 2012. — С. 64–69.
5. Добренков В. И., Кравченко А. И. Фундаментальная социология: в 15 т. Т. 8. Социализация и образование. — М.: ИНФРА-М, 2004. — 932 с.
6. Интернет и идеологические движения в России: Коллективная монография / сост. Г. Никипорец-Такигава, Э. Паин. — М.: Новое литературное обозрение, 2016. — 480 с.
7. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. — М.: Academia, 1990. — С. 494–505.
8. Касьянов В. В., Нечипуренко В. Н., Самыгин С. И.. Социология: учебное пособие / под ред. В. В. Касьянова. — Ростов н/Д: издательский центр «МарТ», 2000. — 512 с.
9. Лассуэлл Г. Коммуникативный процесс и его структуры; Современные проблемы социальной коммуникации. — СПб., 1996.
10. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. — Киев: Ника Центр, 2003. — 432 с.
11. Малькевич А. А. Политическая социализация: основные теоретические подходы // Общество. Среда. Развитие. — 2010. — С. 83–87.
12. Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследования. — М., 2000. Хрестоматия. — С. 138–149.
13. Чупров В. И., Zubok Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. — М., 2001.
14. Шестопал Е. Б. Политическая психология: хрестоматия. — М.: ИНФРА-М, 2002. — 304 с.
15. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. — М.: Омега-Л, 2011. — 567 с.
16. ВЦИОМ. «Пользование Интернетом» [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/news/ratings/polzovanie_internetom/ (дата обращения: 15.11.2016).
17. Емельянов В. А. Анализ основных этапов политической социализации молодежи в России [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-osnovnyh-etapov-politicheskoy-sotsializatsii-molodezhi-rossii-v-otechestvennyh-issledovaniyah> (дата обращения 10.11.2016).

Ульяна Сергеевна Швиндт
Уральский федеральный университет

Uliana S. Shvindt
Ural Federal University

РОЛЬ РАДИО В СТРУКТУРЕ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА

The Role of Radio in the Structure of Yekaterinburg Young People Life Activity

Аннотация. В статье приводится обзор концепций, посвященных изучению СМИ в целом и радио в частности. В рамках институционального подхода рассматриваются особенности функционирования радио как социального института с выделением его признаков и социальных функций, которые оно выполняет. Обосновывается и раскрывается выбор молодежи (в возрастном интервале 16–29 лет) в качестве объекта настоящего исследования, а также использование стратифицированного отбора в качестве выборочного метода исследования. Дается определение понятия «молодежь» и рассматриваются смысловые границы ее изучения. Приводятся результаты настоящего исследования роли радио в структуре жизнедеятельности молодежи города Екатеринбурга (с применением опросного метода — как офлайн-, так и онлайн-анкетирования, и интервьюирования). По результатам исследования делается вывод о роли радио, которую оно играет в структуре жизнедеятельности екатеринбургской молодежи. В соответствии с этим осуществляется попытка дать практические рекомендации лицам, задействованным в медиаиндустрии, с целью решения определенных проблем в области функционирования данного вида СМИ и вытекающей из этого необходимости повышения роли радио для молодежи Екатеринбурга.

Ключевые слова: информационное общество, СМИ, радио, социальный институт, молодежь.

Abstract. The article points out different concepts devoted to studying mass media and radio. In terms of institutional approach, the article considers the aspects of radio functioning (as a social institution) and points out its features and social functions. Also, the article justifies the choice of young people (16–29 years old) as the object of this study and the use of stratified sample as a sampling method. The article gives a definition of the notion

‘young people’ and identifies the boundaries of this notion study. Also in the article the results of the radio role study are given (with the use of a survey — offline- and online-questioning and interviewing). Based on these results the article draws a conclusion about the role of radio in the structure of Yekaterinburg young people life activity. In line with it article attempts to make practical recommendations for the media industry workers to solve different problems of radio functioning and necessity of increase of radio role for the Yekaterinburg young people.

Keywords: information society, mass media, radio, social institute, young people.

Современное состояние общественного развития характеризуется постепенным переходом к тому обществу, где главной ценностью и главным ресурсом становится информация. Уже сегодня доступ к информации можно получить практически из любой точки мира в кратчайшие сроки, используя при этом разнообразные средства массовой информации (далее — СМИ), а именно газеты, журналы, радио, телевидение, Интернет.

Одним из СМИ является радио. Радио — особый, специфический вид СМИ, оно влияет на человека, формирует его мнение, мировоззрение с помощью речевых сигналов, не предоставляя при этом ему никакую визуальную информацию (т. е. интересна при этом возможность фонового прослушивания, а также воздействие на человека именно речевых сигналов). Кроме того, на сегодняшний день на смену традиционным СМИ (пресса, радио, телевидение) приходит Интернет, который все более и более вытесняет их. Однако, несмотря на бесспорные технические преимущества, которыми он обладает, у радио также сохраняются достаточно важные преимущества. Среди них необходимо выделить возможность фонового прослушивания и вытекающую отсюда возможность прослушивать радио за рулем, что имеет большое значение, поскольку современный человек, проживающий в мегаполисе, в среднем проводит за рулем по два часа в день.

В социологии изучением СМИ занимались Г. Лассуэлл (предложивший базовую модель коммуникации) [Общая теория журналистики...], Р. Мертон (который выявил функции и дисфункции СМИ) [Лазарсфельд, 2000, с. 37], Г. Блумер (который описывал символическую природу функционирования СМИ) [Блумер, 1994, с. 111]. Кроме того, можно отметить теоретиков постиндустриального общества Д. Белла [Белл, 2004] и Э. Тоффлера [Тоффлер, 2004], которые разработали концепцию четвертой власти, исходя из которой СМИ представляют собой особый, сильный и влиятельный, инструмент власти. Теория Н. Лумана [Луман, 2011] также занимает важное место в социологии СМИ, поскольку она подчеркивает, что СМИ имеют большое значение в современном обществе и создают свою собственную реальность, затрагивая при этом любую тему без ограничений.

Непосредственно же в изучение радио наибольший вклад внес австрийско-американский социолог П. Лазарсфельд [Лазарсфельд, 2000], который провел ряд эмпирических исследований в рамках Бюро прикладных социальных исследований. Среди отечественных социологов можно выделить Б. А. Грушина (который изучал эффективность функционирования СМИ, выделяя при этом главный вид деятельности СМИ — управленческий) [Грушин, 1980, с. 127], И. Д. Фомичеву (рассматривающую специфику СМИ как вида социальных коммуникаций, их роль в обществе) [Фомичева, 2012] и А. Г. Киселева (который рассматривает самую широкую область функционирования всех СМИ, историю их развития, роль в обществе, специфику и т. д.) [Киселев, 2012].

Данное же исследование опирается на институциональный подход, исходя из которого радио представляет собой социальный институт и имеет следующие признаки такового:

- 1) удовлетворение одной из ключевых общественных потребностей — потребности в информации;
- 2) естественный характер развития;
- 3) наличие ценностно-нормативной системы;
- 4) наличие различных социальных организаций, соответствующих данному социальному институту, — медиахолдингов, радиостанций. Важно отметить, что под радиостанцией понимается аппаратный комплекс, предназначенный для осуществления различных типов радиовещания. Радиостанция также представляет собой коллектив технических и творческих работников, осуществляющих вещание на таком комплексе [Мошков, 1997];
- 5) наличие материально-ресурсной базы;
- 6) наличие социальных функций;
- 7) наличие дисфункций.

Акцентировать особое внимание при рассмотрении любого социального института необходимо на функциях, которые он выполняет. Все социальные функции, выполняемые радиовещанием, целесообразно разделить на три группы:

1. Информационные функции, которые призваны информировать аудиторию о происходящих в мире событиях. В основном эта функция представлена на радио новостными передачами.
2. Функции, обеспечивающие социальное управление обществом. К этой группе относятся интегративная функция, функция выражения и формирования общественного мнения, воспитательная и агитационно-пропагандистская функции.

3. Культурно-просветительские функции. В эту группу включены эстетическая, просветительская функции, функция развлечения и рекреации [Шерель, 2000].

Кроме того, в настоящем исследовании акцент сделан именно на отношении аудитории к радио как источнику информации. Объектом исследования выступила молодежь (16–29 лет) г. Екатеринбурга, а предметом — роль радио в структуре ее жизнедеятельности. Цель исследования — изучение роли радио в структуре жизнедеятельности молодежи г. Екатеринбурга.

Говоря о выборе объекта исследования, следует отметить, что в общем молодежь можно трактовать как особую социально-демографическую группу, характеризующуюся как возрастными, так и социальными границами (становлением социальной зрелости, образовательным, профессиональным, семейным и личностным самоопределением, адаптацией и интеграцией в мир взрослых людей) [Зборовский, 2004, с. 573]. Молодежь обладает особыми социопсихическими качествами, способствующими перманентной активной переоценке любых существующих в обществе ценностей. Именно в соответствии с этим она является наиболее мобильной и динамичной группой, находящейся в процессе активной социализации и адаптации, и наиболее других подвержена влиянию внешних факторов, в том числе СМИ. Предполагается, что поскольку молодежь находится на стадии становления своей зрелости, очерчивания круга наиболее значимых ценностей, норм и образцов поведения, именно на нее радио оказывает наибольшее воздействие по сравнению с другими социально-возрастными группами и, возможно, даже играет наибольшую роль в структуре жизнедеятельности. Именно поэтому молодежь была выбрана объектом данного исследования.

В качестве метода исследования был использован опрос — как офлайн, так и онлайн. Объем выборки составил 235 человек — 120 молодых людей мужского пола и 115 женского. Все 235 человек при этом были поделены на подгруппы — страты:

1. Молодые люди 16–17 лет (учащиеся средних общеобразовательных и средних специальных учреждений).
2. Молодые люди 18–24 лет (учащиеся высших учебных заведений, средних специальных учреждений, некоторые из которых при этом работают).
3. Молодые люди 25–29 лет (работающие и неработающие).

Таким образом, в данном исследовании используется непропорциональный стратифицированный отбор. Отбор осуществлялся случайным образом, отдельно из каждой из предварительно выделенных трех страт. Данные по выборке исследования представлены в таблице 1. Выборочная

совокупность с учетом взвешивания в исследовании использована не была, так как она показала слишком большой разброс по объему в стратах, а также так как с учетом данной величины в итоге получается слишком большая погрешность выборки. В соответствии с этим объем каждой из исследуемых страт был несколько скорректирован (с сохранением общей тенденции) и представлен в таблице в графе «Выборочная совокупность (окончательный вариант, с учетом ошибки выборки)».

Таблица 1

Распределение генеральной и выборочной совокупности по стратам

Страта	Генеральная совокупность		Выборочная совокупность		Вес	Выборочная совокупность со взвешиванием		Выборочная совокупность (окончательный вариант, с учетом ошибки выборки)	
	Число	Процент	Число	Процент		Число	Процент	Число	Процент
16–17 лет	28 840	9 %	78	33 %	0,2727	21	9 %	55	23,4 %
18–24 лет	176 775	52 %	78	33 %	1,5758	123	52 %	100	42,6 %
25–29 лет	130 982	39 %	79	34 %	1,1471	91	39 %	80	34 %

Проведенное исследование продемонстрировало определенные тенденции в области отношения екатеринбургской молодежи к радио, а также особенностей его прослушивания.

Респондентам предлагалось оценить СМИ (прессу, радио, телевидение, Интернет и социальные сети) на предмет их значимости для них, выбрав один из следующих вариантов ответа: «имеет большое значение», «имеет второстепенное значение» или «вообще не имеет значения». Индекс значимости показал, что радио при его оценивании молодежью занимает 4-е место, уступая при этом соответственно Интернету, социальным сетям и телевидению, а СМИ, которое оказалось менее значимым, чем радио, — это пресса. Получается, что именно как СМИ радио для молодежи имеет крайне малое значение, и за информацией она чаще обращается к Интернету, социальным сетям и телевидению.

Прослушивание радио также предлагалось оценить и как способ проведения досуга. Респонденты должны были проранжировать девять различных способов проведения досуга по их значимости для них:

1. Просмотр телевизора.
2. Посещение культурных учреждений (театры, музеи, выставки и т. д.).
3. Поход в кафе или ресторан.
4. Посещение различных мест развлечения (клубы, кинотеатры, вечеринки, концерты и т. д.).
5. Чтение книг, журналов, газет.
6. Прослушивание радио.
7. Проведение времени в Интернете, посещение веб-сайтов.
8. Посещение различных спортивных мероприятий.
9. Посещение социальных сетей.

Было выявлено, что прослушивание радио для молодежи Екатеринбурга в целом является незначимым — оно заняло восьмое место по значимости среди всех видов проведения досуга. При этом оно уступило таким видам проведения досуга, как посещение Интернета (оказалось самым значимым), посещение социальных сетей (на втором месте по значимости), чтение книг, журналов, газет (на третьем месте), походы в кафе и рестораны, посещение учреждений культуры, посещение мест развлечения, посещение спортивных мероприятий. Ниже, чем прослушивание радио, среди видов досуговой деятельности молодые люди оценили только просмотр телевизора. Примечательно при этом, что как СМИ радио оценили ниже телевидения, а как способ проведения досуга прослушивание радио оценили выше, чем просмотр телевизора. Также интересным является то, что прессу как СМИ респонденты оценили хуже всего, а как способ проведения досуга чтение книг и прессы расположилось на третьем месте. Однако здесь важно иметь в виду, что в вопросе о СМИ спрашивалось именно про прессу, а в вопросе о досуговой деятельности — о книгах (что не является СМИ) и прессе.

Далее респонденты отвечали на вопрос о том, как часто они слушают радио. По результатам ответов на данный вопрос аудитория радио была поделена на три группы: активная аудитория (ее составляют молодые люди, которые указали, что слушают радио несколько раз в день или один раз в день), среднеактивная аудитория (это молодые люди, слушающие радио несколько раз в неделю, один раз в неделю или несколько раз в месяц) и пассивная аудитория (включает в себя молодых людей, слушающих радио один раз в месяц, несколько раз в год или один раз в год и реже). Наибольшую долю составила среднеактивная аудитория (40 % всей

опрошенной молодежи). Активную аудиторию составило около 30 % молодых людей, а пассивную — около 10 %. Стоит также отметить, что довольно большая доля молодежи Екатеринбурга (около 20 %) указала, что вообще не слушает радио. Примерно половине из этого числа просто неинтересно его слушать, а около четверти из них радио заменяют другие источники информации.

Одной из наиболее важных составляющих функционирования радио как социального института является работа ведущих, диджеев. В исследовании выявлялось, есть ли у молодежи любимые ведущие на радио, и если есть, то какие именно. Так, результаты показали, что у большинства молодых людей (более чем у половины) вообще нет любимых ведущих на радио, а 20 % имеют любимых ведущих, но не помнят их имена. Данная ситуация также свидетельствует о низкой заинтересованности в радио как СМИ. И только 22 % молодых людей отметили, что у них есть любимые радиоведущие, среди которых наибольшее число раз были названы Александр Морозов, Саймон, Елена Горностаева и Вахтанг Махарадзе.

Возникает, таким образом, закономерный вопрос: если радио, как показали результаты по рассмотренным выше вопросам, играет для молодежи крайне незначительную роль, есть ли что-то, ради чего молодежь все-таки его слушает? Оказалось, что есть. Это — музыка. Так, распределение ответов респондентов на вопрос о наиболее предпочитаемых жанрах радиопередач показало, что на первом месте для них выступают музыкальные радиопередачи (указали 77,9 % ответивших респондентов). Ответы на вопрос о причинах прослушивания радио также показали, что в основном молодежь Екатеринбурга слушает радио из-за музыки (так ответили 43,2 % прослушивающих радио молодых людей). Кроме того, среди настроенных и прослушиваемых радиостанций первые два места по частоте упоминаний занимают «Европа Плюс» (так ответили 58,4 % респондентов в вопросе о настроенных радиостанциях и 46,3 % респондентов в вопросе о прослушиваемых радиостанциях) и «Радио ENERGY» (45,8 % в вопросе о настроенных радиостанциях и 34,2 % в вопросе о прослушиваемых радиостанциях), которые имеют практически исключительно музыкальный формат.

При этом распределение ответов респондентов на вопрос о том, насколько они удовлетворены музыкой, которую транслируют по радио, показало, что около половины слушающих радио молодых людей удовлетворены его музыкальной составляющей, около 40 % не вполне удовлетворены и несколько меньше 10 % совсем не удовлетворены. Однако только 30 % считают, что ничего из музыки добавлять на радио не нужно, а около 65 % (так как около 5 % затруднились ответить) указали какой-то музыкальный контент, которого им не хватает на радио. Среди всех музыкальных жанров

больше всего эти молодые люди хотят добавить на радио музыку жанра рок (этот ответ указали 21,1 % прослушивающих радио респондентов), на втором месте по числу упоминаний — музыка жанра рэп, хип-хоп (12,1 %) и на третьем — электронная музыка (11,1 %). Таким образом, несмотря на то что музыка — это одна из тех важных составляющих радио, которая позволяет «держаться данному виду СМИ на плаву», молодежь Екатеринбурга все-таки не полностью удовлетворена его музыкальной составляющей и знает, чего ей не хватает для удовлетворения своих предпочтений.

Как уже было отмечено, радио обладает крайне важным преимуществом, которого нет ни у одного другого вида СМИ, — возможностью фоновое прослушивания, которое в условиях современного глобального стремления к экономии времени, высокого темпа жизни, а также возрастающей роли такого средства передвижения, как автомобиль, имеет крайне важное значение. Эта мысль была подтверждена полученными результатами исследования. Действительно, на вопрос о преимуществах радио по сравнению с другими СМИ самым часто встречаемым ответом оказался ответ о том, что радио можно слушать практически везде, используя при этом разнообразные устройства (39,2 % прослушивающих радио респондентов отметили этот ответ), а также ответ о том, что радио можно прослушивать в фоновом режиме (26,8 % прослушивающих радио респондентов). Кроме того, подтвердилось и то, что молодежь в основном слушает радио в автомобиле по дороге куда-либо, в пробках. 72,1 % прослушивающих радио молодых людей на вопрос о местах прослушивания радио выбрали автомобиль. При этом только 32,1 % молодых людей отметили, что слушают радио дома, 31,6 % — в общественном транспорте, 21,1 % — на работе, 16,8 % — на отдыхе (вопрос был поливариантным, поэтому сумма ответов превышает 100 %).

Таким образом, результаты проведенного исследования, показывая определенные тенденции в области прослушивания радио молодежью Екатеринбурга, позволяют сделать определенные выводы, применимые для практики функционирования социального института радио. Напомним, что исходной предпосылкой данного исследования выступила идея о том, что современное общество становится все более и более информационным, в нем наибольшее значение начинают иметь СМИ, которые предлагают человеку самую разную информацию о том, что происходит в мире. Одним из этих СМИ является радио. Однако было выявлено, что радио — СМИ иного рода (по крайней мере для молодежи Екатеринбурга). Именно как СМИ (т. е. то, что обеспечивает человека информацией) радио для молодежи имеет крайне малое значение. Как способ проведения досуга прослушивание радио для молодежи Екатеринбурга также играет маловажную роль. Но при

этом, с другой стороны, настоящее исследование показало, что чем старше молодой человек, тем он лучше начинает относиться к радио (это связано, прежде всего, с фактором обладания автомобилем, где в основном и прослушивается радио), свидетельством чего выступил анализ двухмерного распределения. В меньшей же степени прослушивание радио важно для молодежи от 16 до 24 лет. Именно для молодых людей этого возрастного диапазона владельцам и сотрудникам медиахолдингов, работникам радиостанций необходимо что-то менять или добавлять на радио. С учетом того, что радио как способ информирования и проведения досуга не имеет большого значения, стоит уделить внимание именно его музыкальной составляющей, поскольку это — то, что не позволяет терять ему позиции, но при этом не вполне удовлетворяет молодое население. Существует очень много радиостанций, где транслируется схожая, однотипная музыка (в основном музыкальные новинки), однако молодым людям зачастую не хватает редких музыкальных жанров самой разнообразной направленности. В связи с этим возникает необходимость либо в появлении новых, более узкоориентированных в музыкальном плане радиостанций, либо в смене музыкального контента некоторых из существующих радиостанций. В любом случае конечная цель, которая должна быть реализована, заключается в привнесении большего разнообразия музыкальных жанров на радио. Именно этого не хватает молодым людям (в основном 16–24 лет) Екатеринбурга, когда они слушают радио, и именно это могло бы сделать роль радио в структуре жизнедеятельности молодежи более значимой.

Литература

1. Блумер Г. Коллективное поведение / пер. Д. Водотынского // Американская социологическая мысль: тексты / сост. Е. И. Кравченко; под В. И. Добренкова. — М.: изд-во МГУ, 1994. — С. 90–115.
2. Грушин Б. А. Массовая информация в советском промышленном городе / Б. А. Грушин, Л. А. Оников. — М.: Политиздат, 1980. — 446 с.
3. Зборовский Г. Е. Общая социология. — М.: Гардарики, 2004. — 592 с.
4. Киселев А. Г. Теория и практика массовой информации: учебник. — М.: КНОРУС, 2012. — 432 с.
5. Лазарсфельд П. Ф. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие / П. Ф. Лазарсфельд, Р. К. Мертон. — М.: Аспект Пресс, 2000. — 231 с.
6. Луман Н. Общество общества. — М.: изд-во «Логос», 2011. — 640 с.
7. Средства массовой информации России: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. Я. Н. Засурского. — М.: Аспект Пресс, 2011. — 391 с.
8. Фомичева И. Д. Социология СМИ: Учеб. пособие для студентов вузов / И. Д. Фомичева. — М.: Аспект Пресс, 2012. — 360 с.

9. Шарков Ф. И. Основы теории коммуникации. Словарь-справочник. — М.: ИД «Социальные отношения», 2002. — 100 с.
10. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования [Электронный ресурс]. — М.: Academia, 2004. URL: <http://www.twirpx.com/file/682165/> (дата обращения: 12.11.2016).
11. Мошков К. Радиовещание для начинающих [Электронный ресурс]. — 1997. URL: <http://www.moshkow.net/radio1.htm> (дата обращения: 12.11.2016).
12. Общая теория журналистики. Коммуникационная модель Г. Д. Лассуэлла [Электронный ресурс]. URL: http://its-journalist.ru/Articles/model_lassuel-la.html (дата обращения: 12.11.2016).
13. Тоффлер Э. Третья волна [Электронный ресурс]. — М.: изд-во АСТ, 2004. — URL: http://www.read.virmk.ru/present_past_pdf/Toffler_Tretiya_volna.pdf (дата обращения: 12.11.2016).
14. Шерель А. А. Радиожурналистика [Электронный ресурс] // изд-во Московского университета, 2000. URL: <http://evartist.narod.ru/text5/44.htm> (дата обращения: 12.11.2016).
15. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности [Электронный ресурс]. — 3-е изд., испр. — М.: Омега-Л, 2007. — URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=585> (дата обращения: 12.11.2016).

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Studies of Today's Youth

Мария Александровна Румянцева,

Татьяна Ивановна Филиппова,

Александра Николаевна Шапкина,

Светлана Александровна Шестакова

Санкт-Петербургский государственный университет

Mariya A. Rumyantseva,

Tatyana I. Filippova,

Alexandra N. Shapkina,

Svetlana A. Shestakova

St-Petersburg State University

ВНИМАНИЕ К МОРАЛИ КАК ФАКТОР, ПОНИЖАЮЩИЙ УРОВЕНЬ АКАДЕМИЧЕСКОГО МОШЕННИЧЕСТВА СРЕДИ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Attention to Morality as a Factor Decreasing the Level of Academic Dishonesty among Russian Students

Аннотация. Академическое мошенничество — распространенное явление в университетах всего мира. Списывание на контрольных или экзаменах, некорректное заимствование фрагментов текстов при написании письменных работ (плагиат), несанкционированное сотрудничество с другими студентами при выполнении индивидуального задания — такие приемы применяют студенты для улучшения своей успеваемости. Между тем академическое мошенничество ставит под угрозу качество и эффективность системы образования, приводит к обесцениванию человеческого капитала, склоняет выпускников вузов к использованию нечестных приемов в трудовой деятельности.

Чтобы начать противостояние данному явлению, необходимо понять, какие факторы способствуют его усилению или ослаблению. С этой целью среди второкурсников факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета было проведено исследование влияния Кодекса чести Гарвардского университета и Кодекса университета СПбГУ на уровень мошенничества студентов. Предполагается, что кодексы повышают внимание к морали, что должно уменьшать уровень мошенничества в соответствии с теорией запланированного поведения. Для измерения данного влияния был выбран метод эксперимента.

Ключевые слова: академическое мошенничество, кодекс чести, теория запланированного поведения, эксперимент, социология образования.

Abstract. Academic dishonesty is a widespread phenomenon at universities around the world. Cheating on a test or exam, incorrect citing of fragments of texts when writing a written work (plagiarism), unauthorized collaboration with other students in performing individual tasks — these techniques are used by the students to improve their academic performance. Meanwhile, academic dishonesty jeopardizes the quality and effectiveness of the education system, leads to depreciation of human capital, induces graduates to the use of dirty tricks in the labour market.

It is necessary to understand what factors contribute to its strengthening or weakening to begin the confrontation of this phenomenon. We have conducted a study among the students of the faculty of sociology of St. Petersburg State University to discover how Honor Code of Harvard University and the code of the University St. Petersburg state University influence on the students' dishonesty level. It is assumed that the codes increase attention to morality, which should reduce the level of fraud in accordance with the theory of planned behavior. The experimental method was chosen to measure this impact.

Keywords: academic dishonesty, honor code, Theory of Planned Behavior, experiment, sociology of education.

Академическое мошенничество в последние годы все сильнее распространяется как в российских, так и в зарубежных вузах [McCabe, Trevino, 1997; McCabe, Trevino, Butterfield, 2001; Jones, 2011]. Данное явление может привести к ряду негативных последствий. Оно ставит под угрозу качество и эффективность системы образования [Magnus et al., 2002; Brand o, Teixeira, 2005], приводит к обесцениванию человеческого капитала [Brand o, Teixeira, 2005], склоняет выпускников вузов к использованию нечестных приемов в трудовой деятельности [Nonis, Swift, 2001]. Для эффективного противостояния академическому мошенничеству необходимо понимать, какие факторы влияют на принятие студентами решения о применении нечестных приемов во время учебной деятельности.

Нами было проведено исследование такого фактора, как повышение внимания к морали, с целью выявления способов наиболее эффективного влияния на академическое мошенничество среди российских студентов.

В своем исследовании мы опирались на теорию запланированного поведения И. Айзена, изложенную в его работе «Восприятие поведенческого контроля, самоэффективности, локуса контроля, и теория запланированного поведения» («Perceived Behavioral Control, Self-Efficacy, Locus of Control, and the Theory of Planned Behavior») [Ajzen, 2002]. Согласно ей, принятие индивидом решения о следовании тому или иному поведению происходит под влиянием трех факторов:

- 1) отношение к поведению;
- 2) воспринимаемые нормы (как окружение воспринимает конкретное поведение);
- 3) воспринимаемый контроль за поведением (оценка трудности следования этому поведению).

Первый фактор, касающийся отношения к поведению, в контексте академического мошенничества можно интерпретировать так: студенты, относящиеся к практикам недобросовестного поведения положительно, одобрительно, толерантно или терпимо, более склонны к академическому мошенничеству, чем студенты, порицающие, не одобряющие его.

Второй фактор связан с восприятием того, как другие люди действуют в определенной ситуации, что подсказывает индивиду, как вести себя (дескриптивные нормы), а также с пониманием того, как следует вести себя, чтобы избежать негативных санкций (инъюктивные нормы).

Третий фактор относится к воспринимаемым индивидом барьерам осуществления деятельности. Такими барьерами могут служить и высокая вероятность быть обнаруженным, и восприятие наказания в случае обнаружения как строгого.

То, что повышение внимания к воспринимаемым нормам снижает уровень мошенничества, показывают и исследования кодексов академической добросовестности, в которых подтверждается важность их наличия для борьбы с мошенничеством [May, Lloyd, 1993; McCabe, Trevino 1993; McCabe, Trevino, Butterfield, 2002]. Эти документы постулируют добросовестность и самостоятельность выполненной студентами работы. В одном из своих исследований Д. Маккейб и его коллеги делают вывод, что помимо американской индивидуалистической модели кодекса академической добросовестности также эффективно функционируют и кодексы, основанные на коллективистских ценностях, как, например, в Ливане [McCabe, Feghali, Abdallah, 2008]. Авторы исследования предполагают, что для повышения

влияния на мошенничество кодексы должны быть адаптированы под ценности, господствующие в стране.

Мы решили изучить, могут ли кодексы академической добросовестности западных университетов оказывать влияние на уровень списывания среди российских студентов. Существенно ли это влияние отличается от влияния кодексов, написанных в России, в которых напоминает о моральных нормах, но не упоминается само академическое мошенничество?

Мы предположили, что и западные, и российские кодексы вызовут снижение уровня мошенничества. Однако западный кодекс, по нашему предположению, должен был оказать меньшее влияние, чем кодекс, написанный в России, поскольку кодекс СПбГУ апеллирует к сообществу, в которое включены испытуемые — универсанты СПбГУ. С другой стороны, в данном кодексе идет речь лишь об общих моральных ценностях. Напоминание о них само по себе, вероятно, может повлиять на мошенничество. Однако неизвестно, насколько сильнее непосредственное напоминание о запрете на академическую нечестность.

Под академическим мошенничеством мы понимаем нечестные приемы или запрещенные правилами университета действия, относящиеся к учебной деятельности и осуществляемые студентами для достижения несправедливого преимущества в учебе [Шмелева, 2015].

Для измерения влияния кодексов был выбран экспериментальный метод, вследствие чего в своем исследовании мы рассматриваем только аудиторное академическое мошенничество (списывание).

Мы изучили воздействие двух кодексов:

1) Кодекс добросовестности Гарвардского университета (переведенный на русский язык и представленный студентам в качестве кодекса СПбГУ — кодекса чести) (Х1).

«Санкт-Петербургский государственный университет является академическим и жилым сообществом, посвященным обучению и созданию знаний. Мы — академическое сообщество Санкт-Петербургского государственного университета, преподаватели и студенты, считаем, что добросовестность является основой для интеллектуальных открытий, художественного творчества, независимого обучения и продуктивной совместной работы. Таким образом, мы считаем, что честность — в представлении нашей работы и в наших взаимодействиях с учителями, советниками, сверстниками и студентами — является фундаментом нашего сообщества.

Кодекс Чести Санкт-Петербургского университета

Члены сообщества Санкт-Петербургского государственного университета обязуются производить научную работу добросовестно — т. е. ра-

боту, которая придерживается научных и интеллектуальных стандартов точной атрибуции источников, соответствующий сбор и использование данных, прозрачное признание вклада других в их идеи, открытия, интерпретации и выводы. Обман на экзаменах или коллоквиумах, плагиат или искажение идей, присвоение языка кого-либо как своего собственного, фальсификация данных или любой другой пример академической нечестности нарушают стандарты нашего сообщества, а также мировые стандарты обучения и дел» [The Honor Code].

2) Кодекс универсанта СПбГУ (Х2), который вызывает к чувству собственного достоинства универсанта и в котором нет ни одного упоминания об академическом мошенничестве.

«Кодекс универсанта Санкт-Петербургского государственного университета

1. Универсанта обладает высоким чувством гражданской ответственности во всех сферах своей деятельности как в университете, так и вне его стен.
2. Универсанта стремится быть достойным представителем университета.
3. Универсанта сочетает обучение с самостоятельными научными исследованиями, преподавание с научной деятельностью, дорожит свободой мысли — условием духовного развития личности.
4. Универсанта соединяет высокий профессионализм с широким мировоззренческим кругозором.
5. Универсанта придает высокое значение межкафедрским связям и междисциплинарным исследованиям.
6. Универсанта чтит учителей, уважает коллег и учеников.
7. Универсанта отличается высокой принципиальностью в отстаивании своих убеждений в сочетании с уважением к Другому, независимо от его места в университетской иерархии, социального положения, пола, возраста, расы, национальности, научных убеждений, вероисповедания (или отсутствия такового).
8. Универсанта признает высокую ценность диалога русской культуры с классическим культурным наследием, изучает культуру других народов, их историю и язык.
9. Универсанта высоко ценит богатство, красоту, выразительность русского языка как основного средства общения во всех сферах жизни.
10. Универсанта развивает свой эстетический вкус, изучая культурные исторические ценности Петербурга, заботясь об их сохранении и приумножении».

Контрольная группа читала не кодексы, а отрывок из статьи по социологии образования:

«НОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ. Новая социология образования выделяется из общего поля социологии образования специфической ориентацией на научное знание. В своей статье Ф. Векслер [1, с. 593–598] подчеркивает, что в представлениях новой социологии образования все знания социальны. Поэтому, хотя научные знания творятся специалистами, они не являются плодом индивидуального видения или чьей-то концепцией. Это поле знаний создается с помощью социального бытия людей, которые, несмотря на свою профессиональную принадлежность, живут в пределах определенной культуры и исторического времени. Таким образом, новая социология образования может быть представлена как продукт взаимодействия двух контекстов: профессионального (через деятельность университетов) и социального — культуры и истории. Впервые термин был использован в начале 1970-х гг. Горбутом (Gorbutt) для определения стиля тех теорий и исследований в области социологии образования, которые отличались от предыдущих, классических. Социология знания, по словам Ф. Векслера, представляет собой не столько социологическую субспециальность, сколько некую научную ориентацию, которая выражает более общее культурное и политическое направление. Как отмечал К. Маннхейм, социальное осознание знания происходит в атмосфере, где господствует политический конфликт и социальный беспорядок. В истории Америки это время соотносится с концом 1960-х и 1970-ми годами».

Экспериментальный план нашего исследования выглядит следующим образом:

(R) X101

(R) X202

(R) O3

Эксперимент был проведен на студентах 1-й и 2-й групп 2-го курса факультета социологии СПбГУ. На лекции, где присутствовали обе группы, студентам раздали в случайном порядке один из трех документов: кодекс Гарварда, кодекс СПбГУ или отрывок статьи по социологии образования. В раздаче исследовательского материала и организации исследования нам помогал преподаватель, так как необходимо было создать ощущение естественной ситуации. Студенты ознакомились с материалами и поставили под ними ФИО и подпись. Далее они должны были решить тест по предмету за пять минут. Вопросы были составлены так, чтобы студенты не могли ответить на них за предоставленное время. Затем преподаватель сообщил студентам правильные ответы и предложил самостоятельно оценить свои

работы. Таким образом у студентов появилась возможность зависить свои результаты. Зависившие оценку считались «мошенниками».

Анализируя собранные материалы, мы сравнивали количество ответов, на которые студенты в действительности дали правильные ответы, с их баллами, которые испытуемые поставили себе сами. Сопоставление результатов трех групп было произведено методом т-теста (коэффициент Стьюдента). В результате анализа данных было выявлено статистическое различие со значимостью 0,00138 (что значительно меньше пороговых 0,005) между разницей ответов контрольной группы и группы, ознакомившейся с кодексом Гарвардского университета. В контрольной группе завышение баллов больше распространено: разница между группами составляет от 0,2 балла, до 1,9 балла (соответственно от 1,6 % до 16 % всей работы), что является, по нашему мнению, не столь значительным, но уже существенным результатом в области уменьшения списывания. Также было отмечено, что уровень списывания участников группы, ознакомившейся с кодексом СПбГУ, варьировался от наименьшего из трех участвующих групп до наибольшего. Данный результат мы интерпретируем как различное влияние на студентов кодекса СПбГУ, поднимающего проблемы морали, но не запрещающего списывать напрямую.

Вероятно, это связано с отсутствием упоминания запрета на списывание. Но могла также повлиять и, например, плохая интегрированность студентов в университетское сообщество, где позиционируются ценности, описанные в кодексе универсанта. Впрочем, кодекс Гарвардского университета, на первый взгляд не имеющий отношения к студентам СПбГУ, повлиял на них сильнее. Следовательно, упоминание запрета на мошенничество можно считать одним из наиболее значимых факторов, влияющих на понижение уровня академической нечестности.

Остается открытым вопрос о том, насколько важно составление российских кодексов, которые более близки для студентов с точки зрения включения в сообщество. Здесь принципиальны два момента: формулирование самих кодексов, содержащих запрет на мошенничество, и интеграция в университетское сообщество этих принципов. В проведенном эксперименте замерялось влияние ознакомления с правилами здесь и сейчас, но не менее важными являются работа по постоянной актуализации разработанных норм и формирование общности, разделяющей эти нормы и усвоившей их.

Заключительным итогом нашей работы является рекомендация включать в кодексы высших учебных заведений формулировку прямого запрета списывания, плагиата и других форм академического мошенничества. Мы также предполагаем, что в университетах должна быть сформирована куль-

тура академической честности, которая предполагает не только отражение запрета на мошенничество в официальных постановлениях, но и разделение соответствующих норм и ценностей студентами и преподавателями.

Литература

1. *Ajzen I.* Perceived Behavioral Control, Self-Efficacy, Locus of Control, and the Theory of Planned Behavior. *Journal of Applied Social Psychology*. 2002. 32. P. 665–683.
2. *Brandão M., Teixeira A. C.* Crime without Punishment: An Update Review of the Determinants of Cheating Among University Students. *Research, Work in Progress*. 2005. 191. P. 1–31.
3. *Jones D. L. R.* Academic Dishonesty: Are More Students Cheating? *Business Communication Quarterly*. 2011. 74 (2). P. 141–150.
4. *Magnus J. et al.* Tolerance of Cheating: an Analysis a Countries. *Journal of Economic Education*. 2002. 33 (2). P. 125–135.
5. *May K. M., Lloyd B. H.* Academic Dishonesty: The Honor System and Students' Attitudes. *Journal of College Student Development*. 1993. 34. P. 125–129.
6. *McCabe D. L., Feghali T., Abdallah H.* Academic Dishonesty in the Middle East: Individual and Contextual Factors. *Research in Higher Education*. 2008. 49 (5). P. 451–467.
7. *McCabe D. L., Trevino L. K.* Academic Dishonesty: Honor Codes and Other Contextual Influences. *The Journal of Higher Education*. 1993. 64 (5). P. 522–538.
8. *McCabe D. L., Trevino L. K.* Individual and Contextual Influences on Academic Dishonesty: a Multicampus Investigation. *Research in Higher Education*. 1997. 38 (3). P. 379–396.
9. *McCabe D. L., Trevino L. K., Butterfield K. D.* Cheating in Academic Institutions: A Decade of Research. *Ethics and Behavior*. 2001. 11 (3). P. 219–232.
10. *McCabe D. L., Trevino L. K., Butterfield K. D.* Honor Codes and Other Contextual Influences on Academic Integrity: a Replication and Extension to Modified Honor Code Settings. *Research in Higher Education*. 2002. 43 (3). P. 357–378.
11. *Nonis S., Swift C. O.* An Examination of the Relationship Between Academic Dishonesty and Workplace Dishonesty: A Multicampus Investigation. *Journal of Education for Business*. 2001. 77 (2). P. 69–77.
12. The Honor Code // Официальный сайт Гарвардского университета [Электронный ресурс]. — URL: <https://honor.fas.harvard.edu/honor-code> (дата обращения 09.10.2017).
13. *Шмелева Е. Д.* Академическое мошенничество в современных университетах: обзор теоретических подходов и результатов эмпирических исследований. *Экономическая социология*. — 2015. 16 (2). — С. 55–79.

Ильяс Альбертович Латыпов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Ilyas A. Latipov

National Research University «Higher School of Economics»

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМ ЦЕННОСТЕЙ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ РОССИИ И УЗБЕКИСТАНА

Comparative Analysis of the Values System of Russian and Uzbekistan Urban Youth

Аннотация. В статье описываются сходства и различия в системе ценностей городской молодежи России и Узбекистана. Приведен глубокий анализ, касающийся степени распространенности отдельных ценностей, степени их значимости и удовлетворенности их реализацией, смысла и роли данных ценностей в жизнедеятельности молодежи. Данная тема не является новой для социологии, однако исследование основано на современной методике, которая позволяет взглянуть на данную проблему иначе.

Ключевые слова: ценности, Россия, Узбекистан, молодежь, сравнение, постсоветское пространство.

Abstract. The article describes the results of a comparative research of values, the main purpose of which is to detect similarities and differences in understanding among the urban youth of Russia and Uzbekistan. A deep research was conducted starting with the degree of prevalence of certain values, the degree of their importance and satisfaction, and finishing by detection of the meaning and role of these values in the youth activities. This theme is not new in sociology; however, the study is based on a modern technique, which allows looking at the problem differently.

Keywords: values, Russia, Uzbekistan, youth, comparison, post-Soviet space.

Во времена СССР общества разных республик имели общие интересы и ценности. После распада Советского Союза каждая республика пошла своим путем. Интересы и ценности постепенно изменялись в ту или иную сторону, так как теперь каждая республика имела независимость и могла действовать сама на мировой арене. Спустя почти четверть века выросло другое поколение, которое воспитано на совершенно других ценностях, нежели их родители, совершенно в другой стране и в другом обществе.

Актуальность данной темы заключается в том, чтобы показать, какие ценности есть сейчас и какие смыслы за ними скрываются, как люди думают и что влияет на их мнение. Тема актуальна в том плане, что она отражает соотношение двух стран как бывших частей ранее одного государства. В самом широком смысле актуальность можно обозначить как исследование влияния остатков русской культуры на молодежь Узбекистана.

Система ценностей представляет значительный интерес для социологии. Еще с начала формирования науки ученые уделяли внимание проблеме ценностей. Например, М. Вебер при классификации социального действия выделял ценностно-рациональное, Т. Парсонс, изучал функции ценностей в социальной системе [Мельников, 2008, с. 130–142]. В настоящее время исследования по данной теме проводятся социологами разных стран, так как ценности нации имеют большое значение для государства. Одним из самых глобальных исследований является проект «Всемирное исследование ценностей» (World Values Survey, WVS), который начался в 1981 г. и идет по сей день [Всемирное исследование...]. С каждым годом проект расширяется и включает все большее число стран. Данные, полученные в ходе исследований, публикуются, а также используются в исследованиях других социологов. Так, например, сотрудники Лаборатории сравнительных социальных исследований (ЛССИ, Санкт-Петербург) Софья Лопатина, Вероника Костенко и Эдуард Понарин сравнили семейные ценности и сексуальные нормы в восьми постсоветских государствах: Армении, Азербайджане, Белоруссии, Казахстане, Киргизии, России, Украине и Узбекистане [Сексуальная революция..., 2015]. Один из неожиданных результатов исследования заключается в том, что люди среднего возраста более склонны к либерализации семейных норм, чем представители молодого поколения.

Ценности молодежи активно и регулярно изучаются в странах постсоветского пространства. Так, Е. А. Даниловой была изучена социодинамика ценностей молодежи Республики Беларусь за 2000–2008 гг. [Данилова, 2008, с. 99–107]. В Узбекистане центром изучения общественного мнения «Ижтимоий фикр» под руководством Р. А. Убайдулаевой были изучены духовно-нравственные ценности граждан Узбекистана [Мониторинговый опрос..., 2010]. Социологом МГУ О. Б. Павленко были сравнены ценности культуры русских и представителей народов северного Кавказа [Теоретические проблемы..., 2010]. Нельзя не отметить большой вклад в изучение ценностей социологов Владимира Магуна и Максима Руднева, которые неоднократно проводили международные сравнения базовых ценностей российского и европейского населения [Магун, 2009]. Результаты их работ позволяют отметить динамику процессов социализации и приверженность изменениям культурных ценностей российского общества в переходный период.

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе был проведен анкетный опрос по методике Г. И. Саганенко для выявления наиболее важных ценностей. Было опрошено 100 человек из Узбекистана и столько же из России. В Узбекистане опрос проводился с 29 августа по 5 сентября 2015 г. В России — с 1 по 10 декабря этого же года. Отбирая респондентов, мы опирались на половозрастную статистику стран. Были опрошены следующие группы (см. табл. 1).

Таблица 1

Половозрастное распределение респондентов

Страна	Узбекистан				Россия			
Пол Возраст	М		Ж		М		Ж	
18–22	23	45 %	17	34 %	22	47 %	26	49 %
23–26	16	31 %	16	33 %	14	30 %	15	28 %
27–30	12	24 %	16	33 %	11	23 %	12	23 %
Итого	51	100 %	49	100 %	47	100 %	53	100 %

В результате опроса мы получили, во-первых, данные о тех ценностях, которые больше всего распространены среди молодежи, и во-вторых, степень значимости этих ценностей для респондентов и степень удовлетворенности их реализацией. Также мы выяснили, какие общие смыслы выделяют респонденты в данных ценностях.

Для упрощения выбора респондентам был представлен список из 40 наиболее популярных общечеловеческих ценностей, однако можно было и не использовать этот список и вписать в анкету другие ценности со своей формулировкой и объяснением. В результате мы вывели список из 8 ценностей, которые наиболее часто упоминались среди городской молодежи России и Узбекистана (см. табл. 2).

Видно, что однозначно самая популярная ценность — семья. Семья является для респондентов обеих стран опорой, которая всегда поддержит. Семья есть первый социальный институт, в котором формируются ценности, черты характера и поведения. Ценности по обе стороны одинаковы, различаются они только в процентах. Широко разнится актуальность ценности «Работа, карьера». В Узбекистане эту ценность упоминали чаще, и возможно, это связано с особенностью узбекского образования. Хотя ценность «Образование» также популярней среди узбекской городской молодежи. Также есть разница в процентах у ценностей «Свобода» и «Материальный достаток». Ценность «Материальный достаток» представлена очень широ-

Таблица 2

Список ценностей, распространенных среди молодежи (%)

Узбекистан	Россия
Семья (95*)	Семья (95)
Материальный достаток (92)	Здоровье (85)
Друзья (85)	Материальный достаток (83)
Здоровье (84)	Друзья (80)
Работа, карьера (76)	Свобода (75)
Образование (72)	Любовь (68)
Любовь (68)	Образование (61)
Свобода (47)	Работа, карьера (55)

* Так как число респондентов 100, то в данном случае абсолютные числа и проценты совпадают.

ко и включает финансовое благополучие, домашний очаг и многие другие материальные вещи.

Ниже представлена таблица значимости и удовлетворенности выделенными ценностями.

Таблица 3

Уровень значимости и удовлетворенности

Ценности	Узбекистан		Россия	
	Значимость	Удовлетворенность	Значимость	Удовлетворенность
Семья	99,2*	97,03	99,1	98,1
Материальный достаток	82,5	55,7	81,1	64,2
Друзья	89,1	78,2	85,6	81,9
Здоровье	97,22	83,7	95,0	78,2
Образование	94,1	73,66	89,59	68,42
Работа, карьера	92,93	63,0	85,3	62,8
Любовь	86,8	71,04	89,8	78,6
Свобода	94,3	65,4	89,5	71,6

* Данная цифра получена путем деления суммы всех оценок на их число. Полученная средняя цифра представлена в абсолютных цифрах и процентах одновременно, так как максимальный балл оценки равнялся 100.

Видно, что в среднем разрыв в оценках составляет 5 %. Стоит заметить, что практически по всем ценностям уровень значимости больше у узбекской молодежи, не считая ценности «Любовь». Очень интересна разница в уровне удовлетворенности материальным достатком. На 8,5 % российская молодежь больше удовлетворена своим материальным достатком, чем узбекская. У узбекской молодежи на 7,63 % больше уровень значимости ценности «Работа, карьера», а у российской молодежи на 6,4 % больше уровень удовлетворенности ценностью «Свобода».

На втором этапе исследования были проведены глубинные интервью для выявления смысла, который вкладывает молодежь в свои ценности. Всего было опрошено 12 человек, по 6 из каждой страны (см. Приложение 1). Вопросник интервью включал 28 вопросов, касающихся 8 основных ценностей (см. Приложение 2). Все интервью проводились на русском языке.

Рассмотрим каждую ценность.

Первая ценность — «Семья». Для респондентов обеих стран семья — это, в первую очередь, поддержка. Семья — это самые близкие люди. Ассоциации, связанные с ней, — это любовь, комфорт, уют, доброта, дом и радость. Семейные традиции включают обязательно совместное проведение праздников. Также сюда можно отнести и совместные поездки за город на природу или же в другую страну или город. Если какие-либо родственники живут в другом городе, то принято их изредка навещать и принимать в гости. На востоке гости пользуются большим уважением. Обычно готовится большой ужин, который обязательно включает узбекский плов. Затем люди долго сидят и что-нибудь обсуждают, при этом попивая чай с разными восточными сладостями, в крайнем случае с лепешками. Если же гость отказывается есть или даже съедает меньше, это считается признаком неуважения. Говорят, что раньше в Узбекистане, когда выбирали жениха, семья невесты приглашала в гости несколько кандидатов, усаживала их за полный стол еды и наблюдала. Тот, кто быстро и много ел, считался лучшим кандидатом, так как это символизировало то, что человек с таким аппетитом сможет лучше обеспечивать семью. В узбекской семье масса традиций, которые идут испокон веков и до сих пор остаются актуальными, несмотря на либерализацию общества и государства. Именно в данных традициях можно увидеть различия в понимании сути семьи. Семья играет большую роль в жизни молодежи обеих стран, но внутренние отношения и организация могут существенно отличаться. Вообще говоря, в Узбекистане можно выделить семьи двух типов. Семьи, где традиции играют большую роль, и семьи, где они играют несущественную роль. Самое большое отличие — это язык общения внутри семьи. Большинство людей в Узбекистане

(по крайней мере в Ташкенте) знают русский язык. Однако если в семье общаются на узбекском, то и традиции соблюдаются строже. Обычно такие семьи празднуют все мусульманские праздники, а люди престарелого возраста читают намаз и соблюдают пост в месяц рамадан. Вот такой тип семьи и является для нас наиболее интересным в сравнении. Но все же в нынешнее время нельзя сказать, что семьи такого типа представляют большинство, по крайней мере в крупных городах. Поскольку именно молодежь городского типа для нас играет роль объекта, можно утверждать, что понимание семьи зависит от того, какие традиции соблюдаются в семье и какая культура преобладает. Полагаем, что в России преобладает русская культура, хотя и встречаются множество других, так как страна многонациональная. В Узбекистане меньше разнообразия, но все же сказывается большое влияние русской культуры. При этом обнаружить существенные различия представляется весьма сложной задачей.

Узбекские респонденты иногда включали в состав семьи близких друзей. Дружба в Узбекистане тоже имеет ряд особенностей, но об этом немного позже.

Весьма важен вопрос о форме организации семьи. В обеих странах чаще всего встречается равенство между родителями (супругами). Но можно выделить ряд моментов, которые могут влиять на эти отношения в пользу патриархата или матриархата. Большую роль в этом вопросе играет образование, работа, а если точнее, доход, а также наличие вредных привычек, например алкогольная зависимость. В целом же семья как главный институт, выполняющий в первую очередь функции воспитания и становления личности, играет большую роль в жизни молодежи обеих стран. Имеется множество сходств в понимании семьи и ее функционировании. Различия можно увидеть только через призму традиций, а также в вопросе о людях, которых можно отнести к членам семьи.

Перейдем к ценности «Дружба». Для респондентов обеих стран дружба — это, прежде всего, комфорт, понимание и приятное общение. Друг — это человек, который всегда поможет и с которым можно весело провести время. Респонденты ценят в людях такие качества, как открытость, честность, порядочность, чувство юмора. Друзья — это люди, которых объединяют общие интересы. Респонденты из России подчеркивали, что дружба — это понятие относительное. Дружба обычно возникает там, где людей что-то объединяет, например, работа, учеба, место жительства. Однако когда людей перестают объединять такие пространственные факторы, дружба постепенно угасает. Расстояние в наше время играет большую роль. Следует также указать и на особенности в понимании дружбы у узбекских респондентов. Часто друг в узбекском понимании больше, чем

просто одноклассник или коллега. В том смысле, что он практически как брат. Узбеки так и общаются между собой постоянно. Даже к незнакомому парню другой парень может обратиться, используя слово «брат». Это является особенностью ментальности узбекского народа.

Следующая ценность — «Здоровье». В целом по данной ценности в ходе интервью не обнаружилось существенных различий. Для респондентов здоровый образ жизни — это правильное питание, здоровый сон, занятия спортом и отказ от вредных привычек. Сами же респонденты редко выполняют все эти пункты. Курят не многие, но по праздникам, бывает, выпивают. Спортom стараются заниматься. Мальчики обычно играют в футбол и ходят в тренажерный зал, а девушки занимаются фитнесом, бегают и плавают. К врачам ходят по необходимости, а в качестве профилактики иногда принимают различные витамины. Можно обнаружить тенденцию в том, что люди, которые сталкивались с тяжелыми заболеваниями, больше уделяют внимания здоровью и более трепетно относятся к нему. Некоторые респонденты подчеркивали исключительную роль здоровья, так как без него многие другие ценности теряют смысл. Важно не только свое здоровье, но и здоровье близких людей.

Одним из наиболее важных этапов в жизни человека является получение образования. Ценность образования в настоящее время противоречива. Некоторые говорят, что образование не играет большой роли и можно без затруднений получить хорошую работу и без него; другие утверждают, что наличие образования очень важно на рынке труда и с ним больше шансов получить более высокую должность. Одним словом, образование вызывает противоречивые мнения у респондентов обеих стран. Часто молодежь получает высшее образование только ради диплома. Специальность выбирают по своим возможностям, которые впоследствии, возможно, перерастают в интересы. Немаловажный фактор — наличие бюджетных мест. Молодежь, которая уже имеет высшее образование и занимается трудовой деятельностью, утверждает, что высшее образование важно при устройстве на работу, но помимо этого важно и наличие опыта, а его обычно не бывает, поэтому выбор не слишком велик. В этом есть отличие людей, получающих образование, и людей, которые уже получили его. Не будем здесь рассматривать людей, которые продолжают обучаться в магистратуре/аспирантуре и т. д., связывая свою жизнь с наукой. Для них образование играет другую роль. Для тех, кто максимум получает степень магистра (несколько лет назад еще оканчивающие специалитет), высшее образование — этап в жизни перед трудовой деятельностью, желательно, связанной со специальностью. Однако на практике люди редко работают по специальности, но все же знания, полученные в университетские годы, могут быть полезны и не

только в рамках деятельности по специальности. Это относится как к российской, так и к узбекской молодежи. Существуют различия в качестве образования, а следовательно, и в спросе на него. Респонденты вывели основные плюсы и минусы образования в своей стране. Среди плюсов образования в Узбекистане только один респондент смог назвать хорошую учебную программу, все остальные указали на минусы. Среди них плохое качество преподавания, коррупция при поступлении в вуз, субъективизм, выдача диплома без пользы. Российские респонденты среди плюсов выделяли возможность обучаться за счет средств бюджета, наличие исследовательских средств, более высокое качество по сравнению с Азией и Африкой. Среди минусов преподнесение устаревшей информации, платность образования и более низкое качество по сравнению с западными вузами. В целом можно утверждать, что претензии обеих сторон нельзя назвать предвзятыми, но важно то, что узбекская молодежь, которая поступает в российские вузы, видит больше плюсов, нежели сама российская молодежь. В принципе, это не вызывает удивления.

Высшее образование важно в жизни человека, но оно не дает никаких гарантий для будущей трудовой деятельности. Наличие высшего образования не обеспечивает человека престижной и высокооплачиваемой работой. Немаловажную роль играет человеческий фактор. Многие поступают в вуз для саморазвития, а не ради диплома или обучения специальности. Видно разное понимание ценности образования у людей, получающих его и уже получивших. «В реальной жизни много где нужен опыт. Часто людей принимают на работу по знакомству», — отметил российский респондент.

Подводя итог, по ценности образования видны различия не столько между странами, сколько между людьми, которые получают образование и которые уже получили и ведут трудовую деятельность. Молодежь обеих стран очень критично относится к системе образования и находит множество минусов.

От образования плавно переходим к ценности «Работа». Работа представляет ценность прежде всего в получении финансовых вознаграждений и удовлетворении своих базовых потребностей. Среди основных характеристик труда респонденты выделили достойную оплату, хороший коллектив, интерес к работе и расстояние от дома. Молодежь с законченным высшим образованием выделяла среди прочего наличие социального пакета. Молодежь, которая получает образование, оценивала свои перспективы, исходя из специальности. Если человек поступает на ту специальность, которую хотел, то он более высоко оценивает свои перспективы карьеры, нежели те, кто обучается на той специальности, куда смог поступить. Для них будущая работа представляется смутно. Российские респонденты

для повышения возможностей профессионального роста готовы получать дополнительное образование. Большая проблема молодежи — это отсутствие опыта. Некоторые устраиваются на работу по знакомству, в то время как люди без связей работают, где могут. Этим можно объяснить низкий процент удовлетворенности данной ценностью у молодежи обеих стран (63,0 % и 62,8 %).

Ценность «Любовь» является весьма субъективной. Нельзя дать точного определения или же описания. Любовь можно охарактеризовать как некое влечение между людьми, сильную эмоциональную связь. Любовь проявляется заботой, пониманием, переживанием, верностью. Проще говоря, любовь проявляется во всем, что человек делает для другого человека. Любовь — это личное, и у каждого респондента свое понимание этого чувства и своя история любви. Кто-то встретил свою вторую половинку, а кто-то до сих пор в поисках. Среди качеств, предъявляемых ко второй половинке, мужчины называют заботу, понимание, поддержку, доброту, верность, привлекательность, умение готовить и общительность. Женщины же выделяют такие качества, как чувство юмора, уверенность в себе, спокойствие в различных ситуациях, доброту, честность, адекватность и ум.

Мужчины считают, что наиболее приемлемый возраст вступления в брак 24–25 лет, а женщины 20–30¹. Среднее планируемое количество детей — 2–3. Что касается причины вступления в брак, то в основном респонденты придерживаются варианта «по любви», но не всегда бывает так. Например, известно, что в Узбекистане до сих пор соблюдается традиция, когда после совершеннолетия внучки бабушка находит ей жениха. В этом случае любовь не всегда играет ключевую роль. В целом любовь достаточно трудна для сравнения в силу субъективности восприятия.

Такая ценность, как «Материальный достаток», а проще говоря, деньги, играет немаловажную роль в жизни любого человека. В целом респонденты удовлетворены своим материальным положением на данный момент, но готовы стремиться к большему. Средний достаток, необходимый для удовлетворения базовых потребностей, составляет примерно 400 \$ для молодежи обеих стран. Респонденты отмечают, что счастье не в деньгах, но они выступают как элемент счастья. С ними комфортней и уверенней.

Последняя ценность, которую осталось нам рассмотреть, — это «Свобода». Свобода есть возможность поступать так, как хочешь, когда твой следующий шаг не зависит от чего-либо, когда нет обязательств и когда ты

¹ В данном вопросе не было задано рамок в выделении временного отрезка, поэтому у женщин очень большой разбег.

можешь быть самим собой. Таким образом респонденты пытались объяснить смысл этого понятия. Важным является вопрос о разграничении понятий «свобода» и «независимость». Чаще всего российские респонденты указывали на различия этих понятий. Свобода для них — это когда человек принадлежит самому себе, и другого мнения не существует для решения проблемы, а независимость — это когда человек является частью какой-либо организации, и хоть он независим в своих действиях, эта организация, так или иначе, влияет на его поведение и результат его действий скажется на всей организации. Такой разницы в понимании у узбекских респондентов не обнаружено. Этим можно объяснить меньший процент упоминания данной ценности на первом этапе исследования (47 % против 75 %).

Свобода для респондентов относительна. Часто ответ на вопрос «чувствуете ли Вы себя свободным(ой)?» был «не всегда». Ограничение свободы есть какие-либо обязательства. Чаще всего респонденты упоминали зависимость от родителей, учебы, работы. Некоторые же подчеркивали, что семья не является ограничителем свободы. Российские респонденты более воодушевленно отвечали на вопросы и объясняли свою позицию. Скорее всего, это связано с высокой степенью важности данной темы для российской молодежи.

Проанализировав результаты опроса и интервью, мы смогли показать некоторые различия в понимании ценностей и попытались их объяснить. Некоторые смыслы мало отличаются, а то и вовсе совпадают. Можно выделить тот факт, что узбекская молодежь, по сравнению с российской, оценивает значимость практически всех ценностей немного выше. Среди прочего обнаружили некоторые различия, которые можно объяснить традициями нации, а также менталитетом. Интересны понимания респондентами дружбы, качества образования и свободы. В целом же смысловые структуры ценностей имеют отличия в силу разных обстоятельств.

Литература

1. *Магун В. С.* Сходства и отличия базовых ценностей россиян и других европейцев / Россия в Европе. По материалам международного сравнительного социологического проекта «Европейское социальное исследование» // В. С. Магун, М. Г. Руднев, отв. ред. А. В. Андреевкова, Л. А. Беляева. — М.: Академия, 2009.
2. *Мельников А. С.* Социологическая интерпретация экзистенциальных ценностей // Соціологічні дослідження: Збірник наукових праць. № 10. — Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2008. — С. 130–142.
3. *Данилова Е. А.* Социодинамика ценностей молодежи Республики Беларусь // Социология. — 2008. № 4. — С. 99–107.

4. Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии: Материалы Второй Международной научной конференции 26–27 мая 2010 г. В 2 т. / отв. ред. В. В. Гриценко. — Смоленск: Универсум, 2010. — Т. 1. — 332 с.
5. Мониторинговый опрос общественного мнения «Духовно-нравственные ценности граждан Узбекистана» [Электронный ресурс] // Центр изучения общественного мнения «Ижтимоий фикр» — URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-1/Ubaydulaeva.pdf> (дата обращения 13.07.2015).
6. Сексуальная революция охватила не все постсоветское пространство [Электронный ресурс] // Экспертный сайт Высшей школы экономики — URL: <http://ores.ru/1781338.html> (дата обращения: 25.02.2016).
7. Всемирное исследование ценностей (World Values Survey, WVS). [Электронный ресурс]. // URL: http://www.hse.ru/jesda/mathbase/databases/db_3 (дата обращения 07.10.15), <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения 07.10.2015).

Приложение 1

Список информаторов

Россия

1. Анастасия, 20 лет
2. Екатерина, 21 год
3. Елена, 23 года
4. Евгений, 20 лет
5. Эдуард, 21 год
6. Алексей, 24 года

Узбекистан

1. Сергей, 21 год
2. Фархад, 20 лет
3. Бекзод, 25 лет
4. Лера, 19 лет
5. Азиза, 21 год
6. Чарос, 23 года

Приложение 2

Вопросник интервью

Ценность	Вопросы
Семья	Что для Вас семья? Ассоциации, смысл?
	Какие традиции соблюдаются в Вашей семье? Как проводите свободное время?
	Какая форма организации семьи Вам ближе? Патриархат, матриархат, равенство?

Ценность	Вопросы
Друзья	Что для Вас дружба?
	Какие качества Вы цените в человеке?
	Что Вы можете сказать о своих друзьях?
Здоровье	Что такое в Вашем понимании здоровый образ жизни?
	Имеете ли Вы вредные привычки?
	Занимаетесь ли Вы спортом?
	Какие меры принимаете для поддержания своего здоровья?
	Часто ли ходите к доктору?
Образование	Как Вы думаете, какую роль высшее образование играет в жизни человека?
	С какой целью Вы хотите получить или уже получаете высшее образование?
	Довольны ли Вы качеством образования в стране? Выделите минусы и плюсы?
Работа	Какие характеристики труда для Вас имеют приоритетное значение?
	У Вас есть опыт работы?
	Как вы оцениваете свои перспективы карьерного роста?
Любовь	Что для Вас любовь? Как проявляется любовь? Как Вы проявляете любовь?
	Часто ли Вы попадали в ситуацию безответной любви?
	Вопросы про брак.
	1. Как Вы думаете, в каком возрасте следует вступать в брак?
	2. Что могло бы явиться (или являлось) для Вас причиной заключения официального брака?
Материальный достаток	3. Сколько детей Вы хотели бы иметь?
	Какие качества должен иметь Ваш возлюбленный(ая)?
	Удовлетворены ли вы своим материальным положением?
Свобода	Как Вы думаете, сколько денег поможет Вам удовлетворять все Ваши базовые потребности?
	Какую роль играют деньги в жизни человека? Счастье в деньгах?
	Что для Вас свобода? Свобода от чего и для чего?
	Вы чувствуете себя свободным?
	Что Вы понимаете под «независимостью»? Чем она отличается от свободы?

Мария Александровна Махова
Уральский федеральный университет

Maria A. Makhova
Ural Federal University

ОРИЕНТАЦИЯ СЕЛЬСКИХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ НА ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Rural High School Student's Attitude to Higher Education

Аннотация. В статье рассматриваются характеристики и ценности сельских старшеклассников, их ориентация на высшее образование. Особое внимание уделено мотивам выбора сельскими школьниками высшего образования и сферы их будущей деятельности. Исследование проведено в Артинском районе Свердловской области. В опросе участвовали учащиеся 9–11-х классов. В статье представлены результаты Sawi-опроса сельских старшеклассников, проходившего с 7 по 23 декабря 2015 г. в Артинском городском округе, и экспертного интервью работников системы образования Артинского района.

Ключевые слова: село, молодежь, образование, школа, ценностные ориентации, высшее образование.

Abstract. The author considers results of the research which was carried out in 2015 at Artinskiy district of Sverdlovskaya region. Much space is devoted to the main characteristics of rural school students' attitudes towards higher education, the system of respondents' values, their desire to come back or not to the rural territories after getting higher education.

Keywords: rural school, higher education, values, attitude, value orientation.

Введение в исследовательскую проблему

Как известно, русский менталитет во многом формировался под воздействием такого фактора, как близость с природой. Эта неотделимая часть жизни любого русского человека покорила не одного деятеля искусства. На протяжении многих веков село является наиболее распространенным

видом общежития в России, но под влиянием процессов европеизации, урбанизации и глобализации его влияние ослабевает. Безусловно, различные социально-экономические и общественные трансформации сказываются на всех группах населения, однако их «зеркалом» является именно молодежь. Поэтому научный интерес к молодым людям, по-прежнему живущим в тех «истиннорусских» условиях, сохраняющих отголоски корней нашей культуры, полностью оправдан.

Что касается изучения современной сельской молодежи, она, выросшая и живущая в обстановке разрушения стереотипов поведения, когда традиции отходят на задний план, а мода диктует новые правила, в условиях стремительной и не всегда гладко проходившей социально-экономической и общественной трансформации, вызывает неподдельный интерес.

Конечно же, ориентация сельских старшеклассников на высшее образование изучалась ранее, но современные реалии требуют постоянного обновления научной базы по этому вопросу, так как каждый новый шаг в развитии культуры, социально-политической ситуации, научной методологии вынуждает взглянуть на него по-новому и увидеть то, что ускользало или было недоступно, или не актуально в прошлом.

В последнее время идет активное включение сельских территорий в единое информационное пространство, что сильно сказывается как на их отдельных жителях, так и на культурном образе села в целом. Но этот процесс проходит в России неравномерно, остаются районы или отдельные села, в которых он еще попросту не начат. В ситуации, когда, казалось бы, большинство сельских школьников не испытывают дефицита информации о высших учебных заведениях, условиях поступления и будущих перспективах, и поэтому говорить о недостаточной осведомленности уже не совсем справедливо, возникает другая проблема: качество общего среднего образования в селе и городе до сих пор значительно различается. Это свидетельствует о заведомо невыгодном положении сельских абитуриентов на рынке высшего образования.

Как известно, образование высшей ступени, развивая интеллектуальные способности человека, расширяет его кругозор и меняет мировоззрение. Городская среда имеет свойство затягивать непрерывным ритмом жизни, разнообразием возможностей для самореализации и форм проведения досуга. Село на этом фоне проигрывает. Нет ничего удивительного в том, что уроженцы сельской местности, получающие высшее образование в городе, редко возвращаются на малую родину. Отсюда следуют такие проблемы развития, или, вернее сказать, сохранения русского села, как нехватка кадров и старение населения.

Таким образом, изучение ориентации сельских старшеклассников на высшее образование актуально для современного общества, так как оно позволяет выявить основные аспекты, тормозящие развитие современных сельских территорий, и сформировать на их основе наиболее продуктивную социальную политику.

Исследование сельской молодежи опирается на солидную теоретическую и эмпирическую базу, созданную трудами отечественных и зарубежных ученых. Эта проблема имеет междисциплинарный характер, так как формировалась представителями таких наук, как педагогика, социальная психология и культурология. В рамках данных дисциплин рассматривается понятие «ценностная ориентация», ее структура и процесс формирования; сравнивается сельская и городская молодежь, в том числе особенности их образа жизни и социализации. Но в основном, разумеется, мы придерживаемся социологического взгляда на проблему, ибо она имеет явно выраженный общественный характер. К тому же именно полипарадигмальный подход позволяет взглянуть на нее максимально широко и отстраненно, не придавая ведущего значения какому-то одному фактору. Также для анализа ориентации сельских старшеклассников на высшее образование были задействованы данные нескольких отраслей науки, а именно: социологии образования, социологии молодежи, социологии села и социологии образа жизни.

Э. Дюркгейм и Г. Спенсер заложили основы социологии образования. Они исследовали социальные функции образования, его связь с экономическими и политическими процессами. Позднее Т. Парсонс, опираясь на работы Г. Спенсера и Э. Дюркгейма, предложил изучение образования как института социализации, а учебных заведений — как социальных систем. Также к вопросам образования обращались Ж. М. Гюйо и М. Фуко. Г. Е. Зборовский не только упорядочил знания о большинстве социологических концепций, но и выдвинул свой подход к рассмотрению образования и его роли в обществе. На современном этапе к вопросам образования обращались О. Г. Ечевская, Н. Хаттаб и т. д. В работах В. В. Крюкова, В. А. Ядова, М. К. Горшкова, Ф. Э. Шереги, Е. В. Гутова, В. М. Иванова и др. рассматриваются системы личностных и общественных ценностей, их структура и содержание, иерархическое влияние различных факторов на их формирование и изменение.

Проблемой молодежи занимались В. Т. Лисовский, М. Н. Руткевич, М. Х. Титма, З. Т. Голенкова, Е. А. Знобищева, В. А. Ядов, И. С. Кон, Н. В. Веселкова, Е. В. Прямикова, А. В. Меренков и многие другие. Непосредственно обращались к проблеме ценностных ориентаций российской молодежи, прежде всего, Г. А. Чередниченко и В. Н. Шубкин,

В. И. Чупров, а также ряд других исследователей. О ценности высшего образования в модернизирующемся обществе писала Н. Г. Багдасарьян; Г. Е. Ананьева рассматривала тенденции развития русских сел, В. С. Иванова изучала образовательные намерения выпускников школ, вопросом ценностей сельской молодежи занималась П. А. Михеева.

Говоря о теоретических направлениях и подходах, важно отметить, что социология молодежи изучает ту же социальную группу, что и мы. Эта наука рассматривает методологические особенности ее изучения, например, проблему определения возрастных границ. Также в рамках дисциплины активно изучаются ценностные ориентации и потенциал молодежи. Демография, как наука о народонаселении, тоже обращает свое внимание на молодежь. Данная наука рассматривает различные аспекты ее существования, в том числе исследует половозрастной состав молодежи, особенности ее репродуктивного поведения, фиксирует миграционную активность и т. д. Но в контексте данного исследования нас интересует вопрос перемещения молодежи из села в город.

Особенности условий социализации сельских старшеклассников изучает социология села в тесной связи с социологией образа жизни. Социология образования, опираясь на данные ранее перечисленных наук, выделяет факторы формирования ориентации сельских старшеклассников на высшее образование, делает прогнозы относительно шансов его получения и оценивает возможные последствия.

В период с 7 по 23 декабря 2015 г. в Артинском городском округе (далее АГО) было проведено социологическое исследование на тему «Ориентация сельских старшеклассников на высшее образование».

Объектом данного исследования выступали ученики 9, 10 и 11-х классов 2015/2016 учебного года. Согласно статистике, предоставленной Управлением образования Артинского городского округа, на 10.10.2015 в 9–11-х классах зафиксировано 553 ученика, получающих среднее общее образование в 16 школах АГО. Из них 270 человек учатся в 3 школах административного центра — поселка Арты, и 283 человека в 13 сельских школах.

Возрастные границы объекта варьируются в зависимости от возраста поступления в школу, количества лет обучения (оставления ученика «на второй год» или, наоборот, очень быстрого усвоения программы — обучения экстерном) и прочих факторов. Также каждый старшеклассник обладает определенной системой ценностей и представлением о будущих планах после окончания школы. В связи с социальным статусом, успеваемостью, особенностью семейного воспитания и др. факторами у старшеклассников сформирована или не сформирована ориентация на получение высшего образования.

Предметом исследования является отношение старшеклассников АГО к высшему образованию.

Именно наличие высшего образования является ключевым фактором, определяющим не только путь развития сельской местности, но и личную жизненную стратегию старшеклассника. К тому же благодаря этому фактору перед нами открывается наиболее полный спектр потенциально measurable показателей, соответствующих сфере наших научных интересов. Так, сквозь призму отношения к высшему образованию мы сможем изучить систему ценностей, жизненные планы сельских старшеклассников, их отношение к городу и малой родине, профессиональные ориентации, возможность возврата в АГО после получения образования высшей ступени и многое другое.

Цель исследования — анализ отношения старшеклассников АГО к высшему образованию. Для ее достижения мы ставили перед собой следующие **задачи**:

1. Изучить систему ценностей сельских старшеклассников.
2. Изучить планы старшеклассников относительно дальнейшего получения образования и возврата на малую родину.
3. Выяснить, какие типы желаемых учебных заведений и направлений подготовки наиболее популярны среди сельских старшеклассников.
4. Определить уровень и основные источники информированности сельских старшеклассников об учебных заведениях.
5. Определить основные мотивы поступления в высшие учебные заведения.
6. Выявить факторы формирования ориентации сельских старшеклассников на получение высшего образования.

Методика проведения исследования

Исследование проводилось в формате **CAWI-опроса**. Этот метод позволил без материальных затрат со стороны исследователя охватить максимально большой круг респондентов.

Для участия в исследовании были отобраны все школы АГО, в которых есть компьютерные классы. Далее посредством договоренности с Управлением образования Артинского района по отобранным школам была сделана электронная рассылка с информацией об опросе и инструкцией по его проведению. Откликнувшиеся школы брали на себя обязательство создать условия для участия всех старшеклассников, которые присутствова-

ли на занятиях в момент проведения опроса. Обязательным условием было осуществление одним из преподавателей или другим представителем школы непосредственного контроля за процедурой прохождения опроса учениками. Таким образом была решена проблема соответствия респондентов объекту, которая возникает при использовании интернет-методов. Такой способ сбора информации был осуществлен в восьми сельских школах и двух школах поселка Арти. В другой крупной школе удалось согласовать только размещение ссылки и информации об опросе в официальной группе этой школы в сети «ВКонтакте». Ученики также были проинформированы и направлены на эту страницу. К сожалению, по причине отсутствия внешнего контроля за прохождением опроса респондентами в данной школе заполняемость анкет была ниже ожидаемой. При количестве 264 человек, начавших проходить опрос, только 206 анкет оказались заполненными более чем на 50 %, на последний вопрос анкеты ответили 178 человек, что составляет 78 %.

Также для решения ряда задач мы обратились к методу экспертного интервью, оно проводилось с завучами крупных школ и представителями управления образования АГО.

Результаты исследования

Перейдем непосредственно к результатам исследования. Как говорилось ранее, в нем приняли участие 206 человек, из них — 62,1 % девушек и 37,9 % юношей, что отражено на рисунке 1.

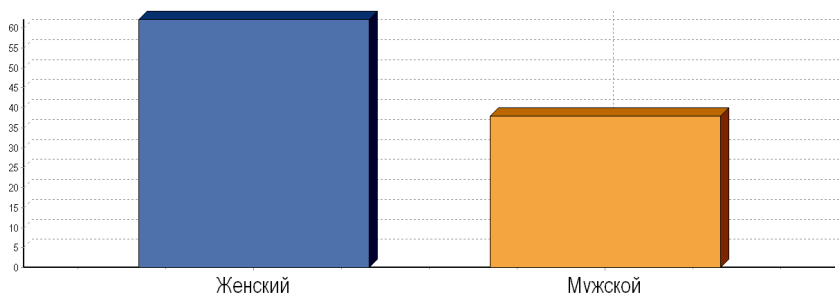

Рисунок 1. Пол респондентов

Исследование показало, что в 9-м классе обучаются 50,0 % опрошенных, в 10-м — 22,8 %, в 11-м классе — 27,2 %. Возраст респондентов варьируется от 14 до 18 лет включительно. Так, в 9-м классе средний возраст учеников составляет 14,9 лет, в 10-м классе — 15,8 лет, в 11-м — 16,8 лет. 61,7 % обучающихся проживают в поселке, 26,2 % — в селе и 12,1 % — в городе.

В АГО представлены только два вида учебных заведений среднего образования (рис. 2.): лицей и общеобразовательные школы. 21,8 % опрошенных обучаются в лице, 78,2 % — в общеобразовательных школах.

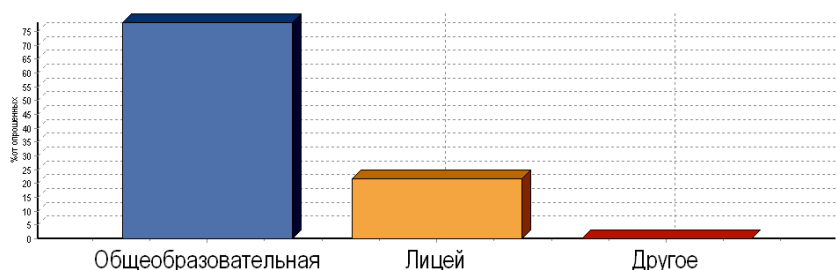

Рисунок 2. Тип школы

Рассмотрев социально-демографические характеристики опрошенных, перейдем к анализу результатов исследования.

В исследовании нас интересовал вопрос о *системе ценностей сельских старшеклассников*.

В ходе исследования респондентам предлагалось проранжировать ценности в порядке убывания их значимости от 1 до 10, где 1 — самое значимое, 10 — наименее значимое. Среди предложенных ценностей были такие, как Здоровье, Семья, Друзья, Любовь, Время, Образование, Деньги, Саморазвитие, Вера, Развлечения. Важное значение для нашего исследования имела оценка старшеклассниками ценности образования.

Ранжирование проводилось в два этапа: сначала лично для респондента, а потом с точки зрения их сверстников. Со своей позиции (табл. 1) 34,8 % опрошенных на 1–3-е место поставили образование. Однако при подсчете индекса выяснилось, что по всем опрошенным Образование занимает 3-е место (4,65). На 1-м месте находится Семья (3,19), на втором — Здоровье (3,46). Наименее значимой для респондентов оказалась Вера.

Таблица 1

Распределение жизненных ценностей лично для респондента

№	Подвопросы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Валидные	Индекс	Ранг
1	Здоровье	64	46	22	22	10	7	4	8	11	12	206	3,46	II
2	Семья	70	63	17	6	8	6	6	5	9	14	204	3,19	I
3	Друзья	8	27	39	36	24	29	11	17	9	4	204	4,66	IV
4	Любовь	9	15	21	31	29	17	30	15	23	14	204	5,64	V
5	Время	4	10	13	15	29	34	29	27	26	16	203	6,33	VII
6	Образование	14	14	43	34	36	23	14	13	9	4	204	4,65	III
7	Деньги	3	6	11	20	18	29	39	30	27	18	201	6,61	VIII
8	Саморазвитие	11	10	24	19	24	28	31	36	15	5	203	5,70	VI
9	Вера	11	10	4	12	14	9	15	25	37	66	203	7,45	X
10	Развлечения	12	3	10	8	12	21	25	27	37	47	202	7,23	IX

По мнению респондентов, для их сверстников (табл. 2) из предложенных ценностей Образование занимает только 5-е место. Ему предшествуют Семья, Друзья, Здоровье и Любовь: 1–4-е места соответственно. Наименее важной ценностью респонденты также посчитали Веру.

Таблица 2

Распределение жизненных ценностей для сверстников

N	Подвопросы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Валидные	Индекс	Ранг
1	Здоровье	66	24	26	18	8	17	12	8	11	16	206	3,95	III
2	Семья	43	65	18	8	14	16	8	13	16	3	204	3,72	I
3	Друзья	17	40	62	32	10	8	12	11	5	6	203	3,87	II
4	Любовь	11	13	27	53	28	13	26	11	11	11	204	5,03	IV
5	Время	4	1	11	24	54	32	26	24	16	11	203	6,03	VII
6	Образование	11	12	21	20	35	51	16	18	11	8	203	5,39	V
7	Деньги	15	25	13	20	13	29	49	16	17	7	204	5,48	VI
8	Саморазвитие	6	6	15	11	16	20	27	55	32	16	204	6,78	VIII
9	Вера	10	11	3	5	10	10	10	24	57	62	202	7,75	X
10	Развлечения	23	7	8	13	15	7	18	23	27	59	200	6,87	IX

В исследовании нами были изучены планы старшеклассников относительно дальнейшего получения образования и возврата на малую родину, а также вопрос о том, в какие типы вузов они собираются поступать (табл. 3).

Таблица 3

Соотношение типов учреждений, в которые респонденты планируют поступить сразу после школы, и наличия в планах получения высшего образования (%)

В образовательное учреждение какого типа Вы планируете поступить сразу после школы?	Планируете ли Вы получить высшее образование?		
	Да	Нет	Сумма строки
Учреждение начального профессионального и среднего профессионального образования	67,9	32,1	100,0
Учреждения высшего профессионального образования	100,0	0,0	100,0
Сумма столбца	86,7	13,3	100,0

* Пропуски: 10 из 206 (4,9 %).

** Коэффициент Phi $[-1...+1]$: $-0,466$, Вероятность ошибки (значимость): $0,000$.

Исследование зафиксировало (табл. 3): 86,7 % респондентов планируют получить высшее образование. Сразу после школы в вузы планируют поступить 58,5 % опрошенных, в учреждения начального и среднего профессионального образования — 41,5 %, из них после получения начального профессионального образования (далее НПО) и/или специального профессионального образования (далее СПО) 67,9 % респондентов настроено на получение высшего образования.

При проведении исследования мы полагали, что примерно треть старшеклассников АГО планируют поступить в учреждения начального профессионального и среднего профессионального образования. Как было указано выше, в учреждения НПО и СПО планируют поступить 41,5 % ответивших, что немного превышает отметку трети респондентов. Данные экспертного интервью подтвердили результаты анкетного опроса.

Эксперт 1: «Раньше, когда образование у нас было ориентировано на получение среднего общего, и не было такого трудного испытания, как ЕГЭ, у нас практически все 100 % выпускников шли обучаться в 11-й класс и получали среднее общее образование. Конечно же, они поступали в высшие учебные заведения в основном, и на бюджет, и на внебюджет

практически 100 % выпускников. В последнее же время, когда ужесточились требования для поступления в высшие учебные заведения, когда сократилось их количество, только 30 % выпускников основной школы идет обучаться в 10-й класс».

Эксперт 2: «В 2015 году в 9-х классах обучалось 303 человека, аттестаты получили 275 учеников и 25 человек, к сожалению, закончили 9-й класс со справкой. <...> Также хотелось бы сказать, что из всех этих ребят 131 человек перешел в 10-й класс, то есть около 48 %, что чуть выше уровня прошлого года. Из оставшихся в среднеспециальных учебных заведениях у нас учится более 50 %. <...> По 11-му классу можно сказать следующее: выпустились 92 человека, приоритет отдается высшим учебным заведениям (57 %, что чуть выше уровня прошлого года). <...> Также хочу добавить, что из выпустившихся 92 человек продолжили свое образование 95 %».

Эксперт 3: «Могу сказать точно, что для сельской местности в нашей школе весьма хорошая картина с поступлением выпускников. 100 % после 11-го класса продолжают свое обучение, 90 % в вузах, 10 % в колледжах. <...> После 9-го класса отсеивается ровно половина, в принципе, так было и до введения ОГЭ, одни идут в 10-й класс, другие в местный Агропромышленный техникум. Единственное, сейчас определенная доля ребят, поступивших в 10-й класс, в начале учебного года понимают, что нагрузка увеличилась и они ее не потянут. Поэтому они тоже уходят в колледжи. <...> Мы часто сталкиваемся с завышенным мнением старшеклассника о своих способностях. Все они уверены, что поступят в Уральский федеральный или МГУ. Поэтому сейчас мы учим их более реально оценивать свои шансы. Ну и, конечно, как можно раньше выбирать будущую специальность и начинать готовиться к сдаче ЕГЭ по нужным предметам».

Про типы учебных заведений нами уже описано выше, что же касается направлений подготовки, то на этот вопрос отвечали только те, кто ранее указал, что уже определился с будущей специальностью. Среди них наибольшей популярностью пользуются сферы здравоохранения и социального обеспечения (21,2 %), государственного управления (16,8 %) и образования (16,1 %). Получить работу в сфере сельского хозяйства желают только 2,2 % респондентов.

Рассматривая вопрос о возможном возврате респондентов после получения образования на малую Родину, нами была высказана гипотеза о том, что «После получения желаемого уровня образования немногие учащиеся старшего звена сельских школ рассматривают возможность возврата на малую родину» (рис. 3).

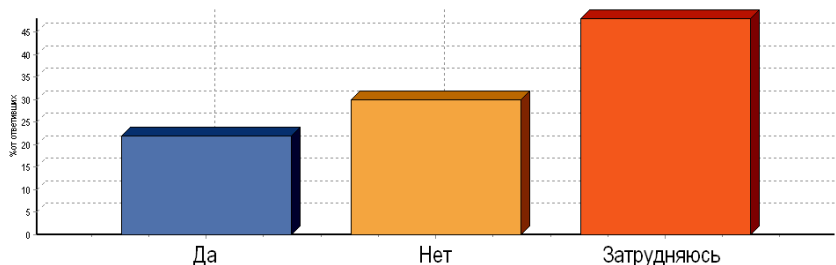

Рисунок 3. Возможность возврата респондентов на малую родину после получения желаемого уровня образования в других населенных пунктах

Как видим из анализа рисунка 3, 48,0 % опрошенных затруднились ответить на вопрос о том, будут ли они возвращаться на малую родину после получения образования, дали утвердительный ответ 22,0 %, ответили отрицательно 30,0 % респондентов. Действительно, возможность возврата на малую родину рассматривает весьма небольшая доля респондентов.

Также респондентам, указавшим, что они не рассматривают возможность возврата на малую родину, предлагалось объяснить свою позицию, указать причины невозвращения (рис. 4). Исследование зафиксировало, что 37,3 % респондентов «не видят перспектив и возможностей реализовать себя там», для 33,9 % «там нет рабочих мест», 13,6 % респондентов «не устраивает жизнь в сельской местности»; «затруднились ответить» — 11,9 %, а 3,4 % опрошенных «не видят перспектив жить в сельской местности». Данные анкетного опроса подтвердили мнения экспертов. Эксперт 3: «...Как правило, молодых мало тянет в село. Слишком непривлекательные условия. А куда им пойти? Бизнес весь занят, развивается разве что строительство... В медицине, оказывается, кризис — увольняют даже своих, в школах нет такого количества вакансий». Эксперт 2: «...Из колледжей ребята идут к нам потому, что мы предоставляем им возможность получить высшее образование без отрыва от своей трудовой деятельности. Это касается молодых педагогов. Мы даже направляем их для обучения и получения высшего образования. Что же касается выпускников вузов, здесь процент возврата намного ниже. <...> Мало кто из молодых специалистов хочет жить с родителями. Возможности же снять жилье в нашем районе практически нет».

В исследовании нас интересовал вопрос, касающийся мнения большинства сельских старшеклассников об условиях их родного населенного

пункта для реализации возможностей молодежи. Респондентам предлагалось по шкале от «Полностью не согласен» до «Полностью согласен» выразить степень своего согласия с фразой: «В моем населенном пункте есть все условия для реализации возможностей молодежи». На этот вопрос ответили 194 респондента. На рисунке 4 видно, что более половины из них не согласны с этой фразой («полностью не согласен» — 23,7 %, «скорее не согласен» — 28,4 %), что значительно превышает долю ответивших, что они разделяют мнение, высказанное в этой фразе (в сумме 19,6 %).

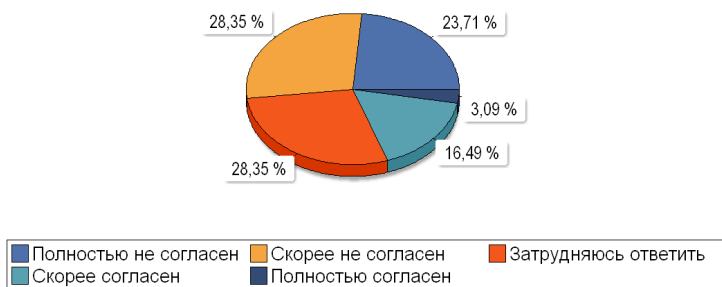

Рисунок 4. Степень согласия с фразой: «В моем населенном пункте есть все условия для реализации возможностей молодежи»

Как видим, половина опрошенных старшеклассников не видят перспектив для своего дальнейшего развития в той местности, где они родились либо проживают в данное время. Об этом же говорит и эксперт 3: «Согласитесь, в городе жизнь куда насыщеннее, больше возможностей в плане трудоустройства и досуга. Что немаловажно, для молодых специалистов есть возможность организовать культурное проведение времени для своих детей, когда они сами на работе. Кружки, студии, секции... у нас такого нет».

В исследовании нами выяснен вопрос о том, какие типы желаемых учебных заведений и направлений подготовки наиболее популярны среди сельских старшеклассников.

Важный вопрос исследования — определение уровня и основных источников информированности сельских старшеклассников об учебных заведениях.

В исследовании нами были заданы старшеклассникам следующие вопросы: «Если бы Вам пришлось подавать документы для обучения в учебном заведении на СЛЕДУЮЩЕЙ НЕДЕЛЕ, Вы знаете, в какие КОНКРЕТНЫЕ учебные заведения Вы бы их подали?» и «Откуда Вы узнали об этих учебных заведениях?»

В итоге нами получена следующая картина (рис. 5) — доля учеников 11-го класса, которые знают, в какие учебные заведения они уже готовы подать документы, составляет 75,0 %, среди учеников 9-го класса она равна 70,7 %, а среди учеников 10-го класса — только 57,4 %. Вероятно, такое распределение связано с необходимостью сдачи ОГЭ и ЕГЭ.

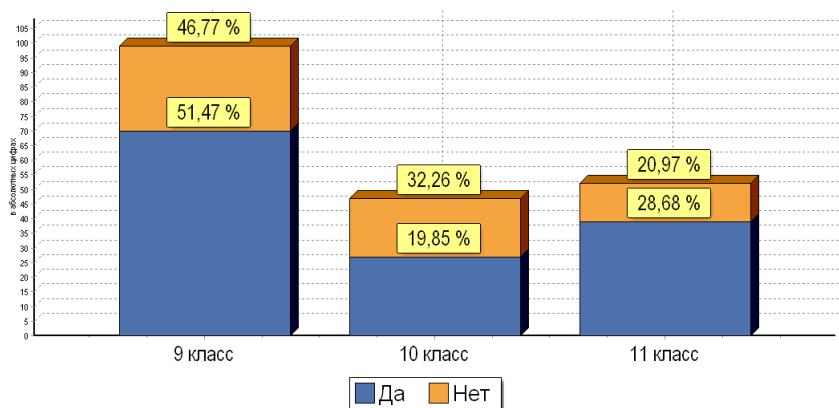

Рисунок 5. Распределение по классам обучения ответов об осведомленности респондентов, в какие конкретные учебные заведения они готовы подать документы

По мнению экспертов, в последнее время идет более жесткий контроль за профориентацией старшеклассников, который начинается с самых ранних ступеней образования. Эксперт 1: «После введения системы ОГЭ — ЕГЭ появился достаточно жесткий внешний контроль за тем, как ребенок освоил образовательные программы. Это способствует тому, что каждый начинает оценивать свои шансы более реально. Да и со стороны, когда ребенок подходит к сдаче ОГЭ, уже видно, будет ли у него в будущем шанс поступить в высшее учебное заведение либо ему нужно ограничиться только средним профессиональным образованием. Поэтому те, кто

поступает в 10-й класс, целенаправленно готовятся к поступлению в вуз. Как я ранее сказала, это примерно 30 % выпускников основной школы».

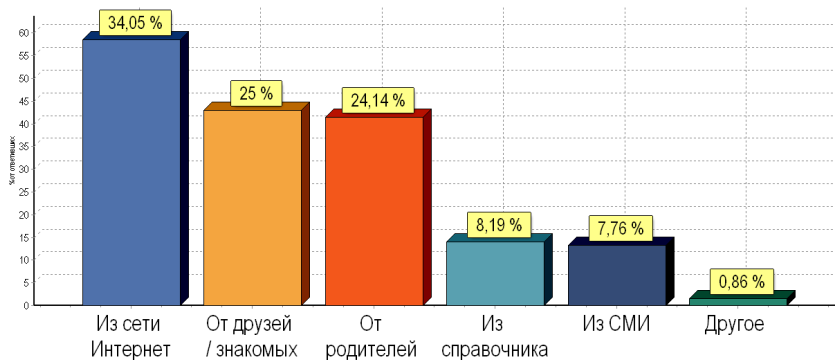

Рисунок 6. Источники информации об учебных заведениях, в которые респонденты готовы подать документы

Отвечая на вопрос об источниках информации о конкретных учебных заведениях, в которые респонденты готовы подать документы (рис. 6), они могли выбрать все необходимые варианты ответа. В итоге можно сделать вывод, что наибольшей популярностью как источники информации об учебных заведениях обладают сеть Интернет, Друзья/знакомые и Родители/родственники.

В исследовании нами *определены основные мотивы поступления в высшие учебные заведения*. Респондентам предлагалось, выбрав 2–3 варианта ответа, продолжить фразу: «Высшее образование для меня — это...». Лидирующие позиции из предложенных вариантов занимают категории «Возможность получения престижной работы по окончании вуза», «Статус высококвалифицированного специалиста по окончании вуза» и «Повышение уровня культурного развития». Как видим, каждый из мотивов способствует повышению социального статуса респондентов. Исследование зафиксировало, что категория «престиж» вопреки нашим ожиданиям занимает одну из последних позиций (табл. 4). Стоит отметить, что категория «Возможность получения престижной работы по окончании вуза» не рассматривается тождественной с категорией «Престиж», так как отражает престижность не высшего образования как такового, а работы, которую посредством его респонденты желают получить.

Таблица 4

Сущность высшего образования для респондентов

N	Значения	% от опрошенных
1	Возможность получения престижной работы по окончании вуза	69,4
2	Статус высококвалифицированного специалиста по окончании вуза	36,9
3	Повышение уровня культурного развития	26,7
4	Расширение круга общения	18,9
5	Средство реализации интеллектуального потенциала	18,0
6	Престиж	14,1
7	Отсрочка от службы в армии	8,3
8	Другое	0,5
	Итого ответивших:	97,1

* Пропуски: 6 из 206 (2,9 %).

Выводы

Проведенное нами социологическое исследование позволило сделать следующие выводы.

Исследование зафиксировало, что образование входит в пятерку важных жизненных ценностей сельских старшеклассников наряду с такими ценностями, как здоровье, семья, друзья, любовь, что соответствует данным общероссийских исследований.

Подавляющее большинство респондентов (около 90,0 %) ориентировано на получение дальнейшего образования, преимущественно высшего.

Менее трети респондентов предпочли бы вернуться на свою малую родину после получения образования. Основными причинами невозвращения являются невозможность самореализации, отсутствие работы.

Ведущими направлениями дальнейшего получения образования респонденты рассматривают здравоохранение, образование, управление. К сожалению, лишь 2,2 % респондентов связывают свою будущую специальность со сферой сельского хозяйства.

Ведущими источниками информации о высших учебных заведениях являются Интернет, референтные группы (родители, друзья).

Ведущими мотивами получения высшего образования сельскими старшеклассниками являются достижение высокого социального статуса в будущем и возможность переезда из сельской местности в город.

В целом можно сделать вывод о том, что сельские старшеклассники ориентированы на получение высшего образования. Однако, как отмечают эксперты и часть самих респондентов, они не всегда могут конкурировать с городскими школьниками, имеющими лучшую подготовку.

Исследование зафиксировало продолжающийся отток молодежи из сельской местности в города, что ухудшает демографическую ситуацию в сельской местности. Отсутствие возможности для самореализации молодежи в сельской местности и отсутствие работы усиливает число невозвращенцев на малую родину после получения высшего образования.

Список экспертов:

Эксперт 1. Заместитель директора МАОУ «Артинский лицей» по учебной и научно-методической работе. Стаж работы в сфере образования 29 лет.

Эксперт 2. Начальник Управления образования Администрации Артинского городского округа. Стаж работы в сфере образования 37 лет.

Эксперт 3. Заместитель директора МКОУ АГО «АСОШ № 6» по учебно-воспитательной работе. Стаж работы в сфере образования 17 лет.

Литература

1. *Parsons T.* The school class as a social system: some of its functions in American Society. *Harvard Educational Review*. 1959. № 29. P. 297–318.
2. Differences, Inequalities and Sociological Imagination. ESA 12th Conference. Abstract Book. Prague. 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://esa12thconference.eu/sites/esa12thconference.eu/files/esa_2015_book_of_abstracts.pdf (дата обращения: 26.05.2016).
3. Багдасарьян Н. Г. Ценность образования в модернизирующемся обществе. Педагогика. — 2008. № 5. — С. 3–10.
4. Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. Социальная компетентность взросления. — Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2005. — 290 с.
5. Голенкова З., Знобищева Е. Социальное расслоение возрастной когорты. Выпускники 80-х в постсоветском пространстве / отв. ред. М. Титма. — М.: Институт социологии РосАН, 1997. — 278 с.
6. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. — М.: ЦСПиМ, 2010. — 592 с.
7. Готов Е. В., Готова С. Г., Ибрагимова О. В. И др. Молодежь в социокультурном пространстве ХМАО — Югры: учебное пособие / под общ. ред. Е. В. Готова. — Нижневартовск: изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. — 189 с.
8. Льюис Ж. М. Воспитание и наследственность: Социологическое исследование / пер. с фр. URSS. 2007. — 224 с.

9. Дюркгейм Э. Социология образования / под ред. В. С. Собкина, В. Я. Нечаева. — М.: ИНТОР, 1996.
10. Зборовский Г. Е. Социология образования. — Екатеринбург, изд-во Свердл. инж.-пед. ин-та, 1994. — 384 с.
11. Иванова В. С. Образовательные намерения выпускников школ в контексте качества образования.
12. Кон И. С. Социология молодежи // Краткий словарь по социологии / под ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапива. — М.: Социум, 1988. — С. 353–354.
13. Крюков В. В. Введение в аксиологию. — Новосибирск, 2001. — 77 с.
14. Лисовский В. Т. Социология молодежи // Социологический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. / науч. ред. Г. Н. Соколова, И. Я. Писаренко. — Минск, 1991. — С. 407–410.
15. Меренков А. В. Человек: взаимосвязь природного и социокультурного. — Екатеринбург: изд-во УГГУ, 2007. — 208 с.
16. Михеев П. А. Динамика жизненных ценностей сельской молодежи. Социологические исследования. — 2005. № 1. — С. 91–94.
17. Руткевич М. Н. Социальная ориентация выпускников основной школы // Социологические исследования. — 1994. № 10. — С. 30–43.
18. Спенсер Г. Воспитание умственное, нравственное и физическое / пер. с англ. М. А. Лазаревой. 3-е изд. — М.: Либроком, 2012. — 228 с.
19. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. — М.: Ад Маргинем, 2015. — 416 с.
20. Чередниченко Г. А., Шубкин В. Н. Молодежь вступает в жизнь (социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства). — М.: Мысль, 1985. — 240 с.
21. Чупров В. И., Черныш М. Ф. Мотивационная сфера сознания молодежи. — М., 1999.
22. Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. — М.: Наука, 1975. — 472 с.
23. Иванов В. М., Литвинов А. А., Хусаинов А. В. Система ценностей при воспитании школьников в современной школе. Концепт. — 2014. № 18 [Электронный ресурс]. URL: <https://e-koncept.ru/2014/14728.htm> (дата обращения: 25.05.2016).
24. Ананьева Г. Сельская жизнь. Демоскоп. 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0377/gazeta011.php> (дата обращения 10.05.2015).

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ И МЕДИЦИНЫ

Sociology of Health and Medicine

Анастасия Фридриховна Руппель
Санкт-Петербургский государственный университет

Anastasia F. Ruppel
St. Petersburg State University

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ПРЕПАРАТОВ ПОСРЕДСТВОМ РЕКЛАМЫ В УСЛОВИЯХ ФАРМАЦЕВТИКАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Constructioning of Consumption of Medicines by Means of Advertising in the Conditions of a Pharmaceuticalization of Society

Аннотация. В статье дается описание процесса фармацевтикации, его основных характеристик, и отличие от медицинизации. На основе анализа соответствующей литературы приводится описание деятельности представителей фармацевтической индустрии и СМИ, направленной на изменение восприятия обществом болезней и симптомов, способов их лечения и отношения к своему здоровью в целом. Реклама как наиболее эффективное средство воздействия на потребителя не только воспроизводит сложившиеся в обществе взаимоотношения, но и конструирует эталонные образы жизни. Данная деятельность сопровождается превращением индивидуальных незначительных симптомов в массовые и серьезные болезни, требующие лечения только с помощью фармацевтических продуктов, манипуляцией людьми, но с учетом их потребностей. В статье делается акцент на стратегиях рекламных кампаний фармацевтической индустрии, результатом которых является увеличение влияния медицины и фармацевтики на жизнь общества.

Ключевые слова: медиализация, фармацевтиказация, потребление, лекарственные препараты, реклама, конструирование.

Abstract. In the article is given description of process of a pharmaceuticalization, its main characteristics, and difference from a medicalization. On the basis of the analysis of the corresponding literature detailed consideration of activities of representatives of the pharmaceutical industry and the media directed to change of perception by society of diseases and a symptom, methods of their treatment, and the attitude towards the health in general is given. Advertising as the most effective remedy of impact on the consumer not only to reproduce developed in the society of a relation, but also designs reference conducts of life. These activities are followed by transformation individual insignificant a symptom in the mass and serious diseases requiring treatment only by means of pharmaceutical products, manipulation with people, but taking into account their requirements. In the article the emphasis is placed on the strategy of advertising campaigns of the pharmaceutical industry of which increase in influence of medicine and pharmaceuticals at life of society is result.

Keywords: medicalization, pharmaceuticalization, consumption, medicines, advertising, health, constructing.

Влияние медицины на жизнь общества всегда была в центре внимания в социальных науках, но только недавно в научных кругах стало обсуждаться такое явление, как фармацевтиказация общественной жизни. Его распространение связано с увеличением ценности здоровья среди всех групп населения. Хорошее состояние здоровья в рыночных условиях все чаще стало восприниматься не только как цель, но и как средство благополучной деятельности индивида: как средство продвижения по карьерной лестнице, повышение уровня доходов, обеспечение интересного свободного времени и т. д. [Михель, 2011, с. 256].

Согласно Уставу Всемирной организации здравоохранения, здоровье представляет собой состояние полного физического, душевного и социального благополучия [Здоровье..., 2016]. Процесс медиализации состоит в распространении влияния медицины на все сферы общественной жизни и затрагивает все три аспекта здоровья. Обобщая определения данного явления Т. Шаша [Szasz, 2007], И. Золя [Zola, 1972], П. Конрада [Conrad, 2006], можно охарактеризовать его как проникновение в массовое сознание медицинского стиля мышления, медицинских концепций и представлений о здоровье, теле, болезнях. В основном медиализация проявляется в том, что в повседневной жизни и деятельности людей закрепляются медицинские «ярлыки» за некоторыми человеческими свойствами или типами поведения (инвалид, наркоман, алкоголик и т. д.). Так, П. Конрад в

своей книге «Выявляя гиперактивных детей: медиализация девиантного поведения» на основе анализа множества примеров показал, как проблема девиантного поведения становится проблемой медицины, превращаясь в заболевание или расстройство [Conrad, 2004, p. 160]. Но если медиализация связана с любым медицинским вмешательством, то прием лекарственных препаратов и их влияние на различные сферы общественной деятельности получил название фармацевтикации. Данное явление в отличие медиализации определяется более узко и, скорее, связано с установлением «супернормы» посредством фармакологического вмешательства и улучшения [Camargo, 2013, p. 844]. Данный процесс стал частью интересов социологии медицины и здоровья лишь в 80–90-х гг. XX в., с расширением фармацевтической индустрии. Так, согласно С. Вильямсу, фармацевтизация — это сложный социальный и технический процесс, который является результатом деятельности политики фармацевтических компаний, включающий в себя социальные, экономические, психологические факторы и действия, а также взаимодействие медицинских представителей, фармацевтов, пациентов и потребителей [Williams, 2011, p. 711]. Активные игроки фармацевтического рынка создают практики вокруг использования определенного вида препаратов, постоянно апеллируя к идее «таблетка для каждой болезни» («a pill for every ill»). Таким образом фармацевтический рынок расширяется за пределы традиционных областей, включая использование медицинских препаратов здоровыми людьми, подрывая господство медицинской профессии, создавая прямые отношения между промышленностью и «потребителями» и колонизируя человеческую жизнь фармацевтическими продуктами. Меняется также восприятие и отношение людей к здоровью, к болезням, к способам их лечения. Отличием фармацевтикации от медиализации также является, по мнению А. Н. Боязитовой, то, что фармацевтизация неотделима от финансовой структуры медицинского обслуживания [Боязитова, 2007, с. 4]. Выделение все большего количества симптомов, болезней увеличивает прибыль представителей медицинских услуг, в частности фармацевтических компаний. В свою очередь цели фармацевтической индустрии вступают в противоречие с целями общества, его культурными и этическими принципами в отношении здоровья и болезней.

Социальные детерминанты поведения потребителей лекарственных препаратов в контексте фармацевтикации общества пока слабо изучены. Потребление медицинских препаратов, как правило, изучается через фармакоэпидемиологические исследования (частота и эффект потребления препарата) и через маркетинговые исследования (в которых акцент делается именно на рынке фармацевтической продукции и ее сбыта).

Проблема влияния потребления лекарственных препаратов на жизнь индивидов в основном начала исследоваться в 1990-х гг. такими социологами, как Саймон Дж. Вильямс, П. Мартин, Дж. Гейб [Williams, Martin, Gabe, 2011], П. Конрад [Conrad, 2004], Н. Фокс, К. Вард [Fox, Ward, 2008] и др.

С. Вильямс, П. Мартин, Дж. Гейб одними из первых вывели аспекты фармацевтикации общества, которые наиболее полно отражают данный процесс [Williams, Martin, Gabe, 2011, p. 721]:

1. Переосмысление и совершенно другая интерпретация проблем, которые возникают у человека со здоровьем. Посредством деятельности фармацевтических компаний многие болезни конструируются как серьезные и массовые, требующие медикаментозного решения.
2. С расширением фармацевтического рынка и снижением барьеров «входа» на него для препарата увеличивается контроль над ними не только со стороны государства, но и со стороны других негосударственных и общественных институтов.
3. Увеличивается роль СМИ не только в продвижении лекарственного препарата, но и во влиянии фарминдустрии на отношение общества к здоровью.
4. Создание новых групп потребителей и специфического рынка фармацевтической продукции. С конца 90-х гг. XX в. появились потребители лекарственных препаратов, использующие их непосредственно не для лечения, а для профилактики (например, БАД и витамины).
5. Постоянно развивающиеся технологии и инновации в сфере фармацевтики.
6. Изменение отношения к потенциальному потребителю. С расширением рынка лекарственных препаратов, свободной продажи множества лекарств потребитель стал восприниматься как эксперт, имеющий свое мнение, умеющий самостоятельно принимать решения о своем лечении и отвечающий за свои действия. При этом не все люди одинаково воспринимают симптомы болезни, доверяют лекарствам, и не для всех необходимость долгого и качественного лечения является приоритетом, что усложняет поведение человека в медицинской сфере.

Таким образом, медицинская модель включает все больше социальных факторов, а роль потребителя медицинских препаратов становится все более активной. По мнению М. Бари, медицина опосредована социальными отношениями, поэтому открытие болезни всегда является социальным событием и конструируется всегда в определенном контексте [Bury, 1986,

р. 147]. То есть содержание медицинских представлений о том, что считать отклонением, болезнью, какими способами их можно лечить, изменчиво и социально обусловлено.

Реклама является очень важным средством фармацевтикации, с помощью которой конструируются и распространяются созданные в этом процессе болезни. С точки зрения представителей современной социологии, у рекламы как эффективного средства воздействия на потенциального потребителя есть две стороны — как инструмент продвижения товара и как социокультурный дискурс с репрезентируемыми в рекламе образами. Латентная сторона рекламы проявляется в том, что она, с одной стороны, отображает одобряемые в обществе модели поведения, а с другой стороны, в рекламе с помощью символов конструируются определенные картины мира. Л. А. Бурганова и Ж. В. Савельева, раскрывая эту сторону рекламы, выделяют следующие ее компоненты: она задает эталоны мироустройства, формирует чувство неудовлетворенности у населения, акцентирует и проблематизирует определенные аспекты реальности, чтобы побудить к действию и покупке, и таким образом навязывает искусственные потребности, ценности [Бурганова, Савельева, 2009, с. 103]. Социология медицины делает акцент на том, как фармацевтические компании с помощью рекламы выстраивают свое влияние на потенциального потребителя. Эта деятельность включает в себя: отображение некоторых личных проблем как медицинских; превращение слабовыраженных симптомов в серьезные; преувеличение серьезности и распространенности проблем; убеждение людей в том, что данные болезни можно вылечить только с помощью приема лекарственных препаратов [Abraham, 2011, p. 727].

В современном обществе существует уже целый список проблем, которые ранее не рассматривались в качестве отклонений, болезней, а считались элементами нормальной жизни человека. К ряду болезней, которые стали восприниматься в обществе как массовые серьезные заболевания, требующие решения только с принятием фармацевтических препаратов, относятся депрессия, менопауза, бессонница, гиперреактивность, гиперсомния, импотенция, синдром беспокойных ног. Ярким примером является реклама таких средств, как «Прозак», которая повлияла на то, что бессонница из ряда личных, редко встречающихся отклонений превратилась в массовую серьезную болезнь, лечение которой можно осуществить только с помощью медикаментозного вмешательства. Этот результат достигается такими лингвистическими конструктами, как: «... каждый пятый мужчина страдает от...», «после рабочего тяжелого дня каждый испытывает...» [Бурганова, 2009].

В связи с этими принципами фармацевтические компании выстраивают определенные стратегии для более эффективного воздействия на потенциального потребителя. Отличительной особенностью работы медицинского и фармацевтического сообществ является то, что все болезни конструируются в культурных и семантических рамках для увеличения воздействия на общество. Так, Т. П. Соломенникова проанализировала, как культурные компоненты американского общества влияют на конструирование проблем со здоровьем. Роль этих компонентов велика именно в немедицинском восприятии болезни, на уровне повседневной жизни человека. Так, в американском обществе в повседневном определении *yuppi flu* (синдром хронической усталости) ярко проявился культурный компонент, связанный с определенным слоем общества: *yuppi* — это молодые профессионалы, которые, не жалея сил, работают для достижения материальных ценностей. Также существует такая социально сконструированная болезнь, как синдром Алисы в Стране Чудес (*Alice in Wonderland syndrome*), которая характеризуется тем, что визуально человек воспринимает окружающие предметы пропорционально уменьшенными [Соломенникова, 2013].

Отличительной особенностью рекламы лекарственных препаратов является также то, что человеку не предлагают поменять свой образ жизни, отказаться от того, что вредит его здоровью, а лишь предлагают принять тот или иной препарат, чтобы вылечить (а очень часто только снять симптомы) и продолжать жить так же. В основном это связано с тем, что у потребителей ценность препарата зависит от его быстрого действия и не требует от него дополнительных усилий, изменения привычного образа жизни.

Отношение фармацевтических компаний к потенциальному потребителю как самостоятельному эксперту влияет на то, что в рекламных роликах выполняется латентная дисфункция данного СМИ: замещение квалифицированной медицинской помощи от специалистов по установлению диагноза и выбору методов лечения самостоятельным решением больного в данном вопросе. Несомненно, везде пишется или произносится «Перед применением обратитесь к врачу», но часто это фраза произносится тихо или пишется незаметно, и не обязывает людей действительно обращаться к медицинским специалистам.

Еще одним элементом воздействия на общество с помощью рекламы, изучением которого занимался Э. Мартин, является установление неосознаваемой тесной эмоционально-психологической связи между потребителем и лекарством [Martin, 2006, p. 279]. Так, многие таблетки, кремы, сиропы и т. п. обладают человеческими чертами: они либо изображаются как маленькие люди, либо имеют рот, нос и т. п., или просто могут разговаривать и общаться с людьми. Так, например, в рекламе «Гевискон» лекарство

изображено как пожарные, а упаковка спрея от насморка «Снуп» имеет ноги, руки, глаза, нос и рот.

Помимо этого, выстраивается стратегия облегчения тягот жизни человека не с помощью его самого, а с помощью вспомогательной вещи. «Забота» фармацевтических компаний проявляется как раз в том, что они представляют лекарственный препарат как именно ту вещь, которая все заботы о здоровье берет на себя. Лекарства в виде таблетки, капель, крема борются с болезнями и облегчают их симптомы, предоставляя индивиду больше возможностей и времени для более важных занятий. Быстрота действия отражается, например, в рекламе обезболивающего средства со слоганом «Миг — и голова не болит».

В реалиях рыночных отношений фармацевтическими компаниями активно употребляется мотив рациональности. Данная стратегия выражается не только в скидках и в акциях, но и в провозглашаемых принципах множественного воздействия, защиты, противодействия или эффективности. Так, например, реклама «Тантум Верде» демонстрирует, что это средство вылечивает не только от тонзиллита, но и ларингита, фарингита, стоматита и гингивита. То есть производитель предлагает сразу купить одно средство, которое избавит от множества симптомов, чем покупать для каждой болезни отдельное лекарство.

В последнее время все чаще используется стратегия научности, которая отображается в использовании рекламой медицинской символики (врачи, лаборатории, пробирки и т. п.), а также через математизацию эффектов определенного средства (например, использование графиков или процентных соотношений).

Таким образом, можно заключить, что фармацевтизация как институциональный эффект напрямую влияет не только на потребление лекарственных препаратов, но и на восприятие людьми здоровья, болезней и средств их лечения. Особенностью фармацевтизации современного общества является перевод некоторых личных психологических и социальных затруднений в проблемы, которые можно решить только с помощью медицины и фармацевтики. Основным средством манипуляции поведением потенциальных потребителей является реклама. В современном мире она не только влияет на количество потребляемых населением препаратов, но и конструирует определенные модели поведения, воздействуя на то, что важно и необходимо принимать лекарства для решения проблем со здоровьем, которое является одной из ключевых ценностей человека.

Литература

1. *Bury M. R.* Social Constructionism and the development of medical sociology // *Sociology of health and illness. A journal of medical sociology.* 1986. Vol. 8. № 2. P. 137–169.
2. *Camargo K. R.* Medicalization, pharmaceuticalization, and health imperialism // *Cad. Saúde Pública.* 2013. Vol. 29. № 5. P. 844–846.
3. *Conrad P.* Identifying Hyperactive Children: The Medicalization of Deviant Behavior. Burlington: Ashgate, 2006. — 159 p.
4. *Conrad P.* Medicalization, Markets and Consumers / P. Conrad, V. Leiter // *Journal of Health and Social Behavior.* 2004. V. 45 (Extra Issue). P. 158–176.
5. *Fox N. J., Ward K. J.* Pharma in the bedroom ... and the kitchen. The pharmaceuticalisation of daily life // *Sociology of Health & Illness.* 2008. № 30 (6). P. 856–868.
6. *Martin E.* The pharmaceutical person // *Biosocieties.* 2006. № 1. P. 273–288.
7. *Williams S., Martin P., Gabe J.* The pharmaceuticalisation of society? A framework for analysis // *Sociology of Health & Illness.* 2011. Vol. 33. № 5. P. 710–725.
8. *Szasz T.* The Medicalization of Everyday Life: Selected Essays / Syracuse, New York: Syracuse University Press, 2007. — 202 p.
9. *Williams S., Martin P., Gabe J.* The pharmaceuticalisation of society? A framework for analysis // *Sociology of Health & Illness.* 2011. Vol. 33. № 5. P. 710–725.
10. *Zola I.* Medicine as an Institute of Social Control // *Sociological Review. New Series.* 1972. V. 20 (4). P. 487–504.
11. *Abraham J.* Evolving sociological analyses of ‘pharmaceuticalisation’: a response to Williams, Martin and Gabe // *Sociology of Health & Illness.* 2011. Vol. 33, № 5. P. 726–728.
12. *Боязитова А. Н.* Медикализация как социальный процесс: автореферат дис... кан. мед. наук: 14.00.52. Волгоград, 2007. — 27 с.
13. *Бурганова Л. А., Савельева Ж. В.* Медикализация и эстетизация здоровья в рекламной коммуникации // *Социологические исследования.* — 2009. № 8. — С. 100–107.
14. *Михель Д. В.* Медикализация как социальный феномен // *Вестник СГТУ.* — 2011. № 4 (60). Выпуск 2. — С. 256–263.
15. *Соломенникова Т. П.* Культурологическая обусловленность способа вербализации медицинского концепта [Электронный ресурс] // *Гуманитарные науки.* 2013. № 5–6. URL: <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/en/--gn13-05/832-a>. (дата обращения: 19.11.2016).
16. Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.who.int/ru/> (дата обращения: 01.11.2016).

Анна Владиславовна Бочкарева
Санкт-Петербургский государственный университет

Anna V. Bochkareva
St.-Petersburg State University

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ РЕПРОДУКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ (ВРТ) В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ «ЭПОХИ ДОСТУПА»

Assisted Reproductive Technology (ART) in the Context of «the Age of Access»

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с развитием вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), оказавших влияние на процесс зачатия и рождения ребенка. Автор рассматривает социальные аспекты применения ВРТ в контексте теории «эпохи доступа», которую предлагали и развивали в своих работах Эдвард Колин Черри и Джереми Рифкин. В основе теории лежит положение о том, что основным критерием неравенства сегодня выступает не собственность, а доступ к информации и технологиям. В статье рассматриваются новые формы социального неравенства, возникшие в результате применения ВРТ в эпоху доступа.

Ключевые слова: доступ, эпоха доступа, социальное неравенство, ВРТ, репродуктивные технологии.

Abstract. The article focuses on social aspects of the development of assisted reproductive technology (ART) which influences the process of human conception and birth. Author considers the development of assisted reproductive technology in the context of theory of social inequality based on the concept of “access”. The article examines basic ideas of Edward Colin Cherry and Jeremy Rifkin connected with the “age of access”. Having discussed their theories, author proceeds to the issue of the inequality. The paper also includes the review of manifestation of the social impact of the applying of ART in the age of access.

Keywords: access, age of access, social inequality, ART, reproductive technology.

Вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) в современном понимании представляют собой методы лечения бесплодия, при

применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма (в пробирке), в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов, а также суррогатного материнства [Бочкарева, 2015, с. 259].

Обращаясь к теориям социального неравенства в связи с рассмотрением вспомогательных репродуктивных технологий, в качестве основного, центрального понятия будет верным избрать понятие «доступ».

Первым изучать понятия «доступ» и «эпоха доступа» начал британский ученый Эдвард Колин Черри (1914–1979). Его интерпретация понятия «доступ» обособлена от социологического анализа, так как выстраиваемая им теория имеет отпечаток когнитивистики (специалистом в которой являлся исследователь), при этом его труд «Эпоха доступа. Информационная технология и социальная революция» — одна из первых работ, где понятия «доступ» и «эпоха доступа» выступают как критерии социального неравенства и используются в значении, близком к социологическому.

Э. Черри рассматривает общественные изменения, связанные с трансформацией роли информации, процесса коммуникации и знания в современном обществе. Собственность на знания радикально отличается от собственности на различные материальные объекты, такие как земля и имущество, так как число любых материальных объектов всегда ограничено, в отличие от числа идей, информации и знаний. Информация начинает выступать как основной ресурс и товар, отрицая принцип экономического обмена, основанный на том, что товар должен быть утрачен владельцем, когда он обменивает его на деньги. Эдвард Черри полагает, что знания и владение информацией становятся более важными, чем собственность [Мартыненко, 2014, с. 105].

Доступ одновременно ограничивает, являясь дифференцирующим фактором, и имеет положительное (солидаристское) значение. Доступ, будучи крепко связанным с коммуникацией, аксиоматизирует переход от общества, в котором собственность находилась в руках немногих, к обществу, в котором теоретически вероятен доступ каждого к информации и знаниям, имеющим ведущее значение, при утрате собственностью своей прежней роли. Такое новое состояние общества и является эпохой доступа. Процесс обмена информацией основан на коммуникации, которая функционирует не по принципу обмена, а по принципу разделения. При этом важно отметить, что коммуникация является процессом «разделения с», так как в этом значении «разделение» означает «делиться с теми, кто принадлежит к твоей же группе или обладает общими с тобой интересами».

С помощью юридических законов ограниченное количество социальных групп получает легитимное право на ограничение движения информации, знания и их распространение. Следовательно, ограниченное число социальных групп получает доступ к этим ресурсам. Появляются технологии, дающие возможность все больше следить за жизнью граждан и контролировать ее, при этом сами по себе технологии власти не имеют, она находится у тех, кто применяет эти технологии. Согласно Э. Черри, именно в силу этих причин пропасть между развивающимися и развитыми странами растет, вместо того чтобы делиться информацией и знаниями, развитые западные страны отправляют товары в качестве гуманитарной помощи. Географическое пространство в эпоху доступа потеряло свое прежнее значение для индивида. По Эдварду Черри, доступ, основанный на коммуникации, «разрушает» географическое пространство.

Исследователь подчеркивал, что, говоря о значении второй индустриальной революции для общества, в качестве ее ключевых последствий следует выделять не появление новых технологий, а появление новых моральных ценностей, изменение трудовой этики и изменившиеся взгляды на мир [Мартыненко, 2014, с. 106].

Свое основное содержание понятие «доступ» получило в работах социолога и экономиста Джереми Рифкина (1945), продолжив в такой форме распространяться в теоретической социологии. «Доступ» лег в основу концепции «эпохи доступа» Рифкина, характеризующейся переходом от отношений собственности к отношениям доступа. По мнению социолога, в посттрудовом обществе автоматизация всех сфер труда вынуждает людей занимать свое увеличившееся свободное время иными формами деятельности, а также вырабатывать новые формы справедливого распределения ресурсов и богатства в обществах. Собственность больше не играет определяющего значения для современного общества, сегодня доступ является основным критерием социального неравенства.

Собственность не исчезла, но потеряла свое значение центра притяжения общественной жизни и важнейшего критерия социального неравенства, в силу изменения ее формы и возможностей, которые она предоставляет под влиянием глобализации и новых информационных технологий. Джереми Рифкин, разрабатывая понятие «доступ», сформулировал видение современной социальной реальности как реальности культурного капитализма (гиперкапитализма), характеризующегося поглощением культуры рынком и поглощением пространства временем [Артемова, 2012, с. 86–87].

Понятие «доступ» является основополагающим для всех сфер общественной жизни. Разрыв между владеющими собственностью и теми, кто ею не владеет, широк, однако разрыв между теми, кто имеет доступ, и теми,

у кого его нет, еще шире. «Эпоха доступа» принесла с собой новый тип человека. Молодые люди нового поколения легко адаптируются к искусственным мирам, задаваемым культурным капитализмом. Происходит разрыв как между поколениями, так и между социальными группами. По существу, этот разрыв и экономический, и социальный: «Пока пятая часть населения планеты перемещается в киберпространство и отношения доступа, остальное человечество остается в мире физического дефицита» [Артемова, 2012, с. 88–91]. Для малообеспеченных групп жизнь продолжает быть ежедневной борьбой за выживание, и их мир далек от новых технологий, развитых в различных сферах общества. Разрыв между принадлежностью индивидов к различным социальным группам обуславливает различные формы индивидуального и группового репродуктивного поведения, «закрепленные» за определенными социальными группами [Rifkin, 2000].

В своей работе «Век биотеха: Использование гена и переделка мира» (“The biotech century: harnessing the gene and remaking the world”), написанной в 1998 г., Джереми Рифкин прогнозировал, что наша жизнь в ближайшие десятилетия претерпит фундаментальные, более масштабные изменения, чем в предыдущее тысячелетие. Эти изменения связаны с развитием генетической инженерии, которая позволит людям создавать здоровых, совершенных детей, при этом процесс зачатия и развития эмбриона может происходить за пределами человеческого организма [Rifkin, 1998]. Сегодня, спустя почти два десятилетия, мы являемся свидетелями этого процесса изменения мира. Новые технологии, позволяющие изменять гены и вносить изменения даже в такие характеристики, как пол, цвет глаз и волос будущего ребенка, в будущем могут привести к возникновению неравенства. И такое биологическое неравенство, связанное с развитием новых репродуктивных технологий, не может оставаться за пределами социологического анализа последствий применения ВРТ.

Понятие «доступ» становится особенно актуальным в контексте рассмотрения социальных последствий развития вспомогательных репродуктивных технологий. Знания, технологии являются сегодня основным ресурсом и товаром. В этой связи ВРТ, с одной стороны, являются товаром, с другой стороны, информация о новых медицинских технологиях и способах решения проблемы бесплодия доступна далеко не всем социальным группам. Доступ к вспомогательным репродуктивным технологиям дифференцирует общество, выделяя в нем группы бесплодных, которые имеют доступ к ВРТ, и бесплодных, которые не имеют доступа к ним, создавая ситуацию социального неравенства. При этом причины здесь могут быть разными: начиная с отсутствия материальных возможностей, заканчивая неинформированностью врачей и пациентов о существующих програм-

мах и собственных правах. С другой стороны, доступ к ВРТ консолидирует биологически бесплодных людей, прибегших к услугам по применению вспомогательных репродуктивных технологий, с людьми, которые стали родителями естественным путем, решая при этом проблему биологического неравенства.

Э. Черри подчеркивал, что власть находится у тех, кто использует новые технологии, имея при этом возможность все больше контролировать жизнь людей, и новые репродуктивные технологии не являются исключением. Сегодня власть использует ВРТ как инструмент гендерной и семейной политики, поддерживая при этом ту или иную форму семьи и определенную гендерно-ролевую модель общества. Приобретая политическое значение, доступ к вспомогательным репродуктивным технологиям разделяет людей на тех, кто включен и исключен. Вернемся к тезису о том, что «вместо того чтобы делиться информацией и знаниями, развитые западные страны отправляют товары в качестве гуманитарной помощи», увеличивая тем самым масштабы глобального социального неравенства. Развитые страны, освоившие новые репродуктивные технологии, реализуют их не без участия развивающихся стран (где ВРТ не развито), задействуя услуги приезжающих оттуда суррогатных матерей. Это лишь увеличивает разрыв между развитыми и развивающимися странами, усиливая глобальное социальное неравенство, что является иллюстрацией последствий наступления эпохи доступа, предложенных Э. Черри.

Продолжая мысль Эдварда Черри о «разрушении» доступом (основанном на коммуникации) географического пространства, можно отметить, что доступ, основанный на новых репродуктивных технологиях, также «разрушает» географическое пространство, позволяя появляться совершенно новому явлению — репродуктивному туризму. Это явление возникло в результате глобальных различий в предоставлении ВРТ, сегодня мобильными становятся не только технологии и знания, но и люди, и биологические материалы [Ломоносова, Богомягкова, 2015, с. 93].

И Эдвард Колин Черри, и Джереми Рифкин выделяли в качестве основной характеристики наступления эпохи доступа появление новых моральных ценностей, изменившиеся взгляды на мир и появление нового типа человека, способного адаптироваться к новым технологиям и искусственным мирам. Все эти последствия очевидны в связи с развитием вспомогательных репродуктивных технологий: в мире живет уже несколько поколений людей, среди которых есть люди, родившиеся в результате использования искусственного оплодотворения. Современное общество столкнулось с множеством новых этических и моральных норм, вызванных применением ВРТ.

Таким образом, были рассмотрены вспомогательные репродуктивные технологии в контексте теорий социального неравенства Эдварда Колина Черри и Джереми Рифкина. В основе теорий лежит понятие «доступа», которое является актуальным в связи с социологическим анализом вспомогательных репродуктивных технологий. Доступ является основным критерием социального неравенства, в то время как собственность отошла на второй план, а основными ресурсами и товарами являются знания, информация и технологии. ВРТ как технологии выступают в качестве товара, который доступен не всем, и в то же время информация о них оказывается в разной мере доступной для разных групп населения. Доступ к ВРТ дифференцирует общество, выделяя в нем группы бесплодных, которые имеют доступ к ВРТ, и бесплодных, которые не имеют доступа к ним, создавая ситуацию социального неравенства. При этом доступ к ВРТ и консолидирует биологически бесплодных людей, прибегших к услугам по применению вспомогательных репродуктивных технологий, с людьми, которые стали родителями естественным путем, решая при этом проблему биологического неравенства. Власть находится у тех, кто управляет процессом применения ВРТ, выступающих сегодня как инструмент гендерной и семейной политики, поддерживая при этом ту или иную форму семьи и определенную гендерно-ролевую модель общества. Развитые страны, освоившие новые репродуктивные технологии, реализуют их с участием развивающихся стран, задействуя услуги приезжающих оттуда суррогатных матерей, что увеличивает масштабы глобального социального неравенства. Эпоха доступа повлекла за собой появление новых моральных ценностей и изменившихся взглядов на мир, в частности обусловленных и применением ВРТ.

Литература

1. *Rifkin J. The age of access: information technology and social revolution.* N. Y.: J. P. Tarcher / Putnam, 2000. — 312 p.
2. *Rifkin J. The biotech century: harnessing the gene and remaking the world.* N. Y.: J. P. Tarcher / Putnam, 1998.
3. *Артемова Т. С. Понятие «доступ» в социологической теории Джереми Рифкина // Социология. — 2012. № 3. — С. 84–96.*
4. *Бочкарева А. В. Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире: Коллективная монография. — М.: Экон-Информ, 2015. — С. 259–264.*
5. *Ломоносова М. В., Богомякова Е. С. Репродуктивные права человека и вспомогательные репродуктивные технологии: новые формы и виды неравенства // Экономические стратегии. — 2015. № 9 (134). — С. 90–97.*
6. *Мартыненко Т. С. Понятие «доступ» как основа теорий социального неравенства в современной социологии: подход К. Черри // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2014. № 5. — С. 104–106.*

Лилия Витальевна Искандерова
Санкт-Петербургский государственный университет

Liliya V. Iskanderova
St-Petersburg State University

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ К ВСПОМОГАТЕЛЬНЫМ РЕПРОДУКТИВНЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ

Students' Attitudes to Assisted Reproductive Technologies

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению отношения современных студентов к вспомогательным репродуктивным технологиям (ВРТ). На основе результатов интернет-опроса 238 студентов проанализирована связь отношения студентов к ВРТ с гендером, системой ценностей, репродуктивными установками, видом семьи, в которой были воспитаны студенты, уровнем религиозности, отношением к абортам и взглядами на распределение хозяйственных обязанностей в семье.

Ключевые слова: вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ), студенты, репродуктивные установки, отношение к абортам, уровень религиозности.

Abstract. The article is devoted to consideration of attitude of modern students to assisted reproductive technologies (ART) regarding different features. We analyze the connection of ART with gender, system of values, reproductive attitudes, type of parental family, religion level, attitude to abortion, and view to the family responsibilities of spouses. Analysis based on the data of online survey of 238 students. The connection of ART with gender, system of values, reproductive attitudes, type of parental family, religion level, attitude to abortion and view to the family responsibilities of spouses.

Keywords: assisted reproductive technologies (ART), students, reproductive attitudes, attitudes to abortion, religion level.

В последние десятилетия в мире, и в частности в России, все большее распространение получают вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ). Под ними понимают методы достижения беременности, при которых процесс зачатия полностью или частично происходит в пробирке (in vitro). Впервые в мире ВРТ были применены в Англии в 1978 г., в России —

в 1986-м. ВРТ являются одним из способов решения проблемы бесплодия, однако вопросы о границах их применения до сих пор остаются дискуссионными. В связи с этим исследование отношения различных групп населения к ВРТ приобретает особую актуальность. Здесь мы обратимся к такой группе, как современные студенты.

В данной статье мы рассмотрим связь между отношением к ВРТ и рядом признаков (пол, система ценностей, репродуктивные установки, число детей в родительской семье, то, в какой семье были воспитаны студенты, уровень религиозности, отношение к абортam, взгляды на распределение обязанностей в семье) среди студентов крупных городов России. Категория «отношения» очень многозначна. Здесь под отношением к ВРТ мы будем понимать информированность о существовании конкретных видов ВРТ, а также допустимость применения ВРТ в целом и для себя лично. Мы уделим внимание только тем связям признаков, которые являются статистически значимыми.

Статья построена на анализе результатов интернет-опроса, проведенного среди студентов по стихийной выборке. Всего было опрошено 238 студентов, 23,5 % из которых мужчины и 76,5 % — женщины. Средний возраст опрошенных составил 20 лет. Минимальный возраст — 17 лет, максимальный — 34 года: мужчины в возрасте от 17 до 34 лет и женщины — от 17 до 32.

В опросе приняли участие в основном студенты вузов Москвы (47 %), Санкт-Петербурга (40 %) и Казани (8 %). Студенты из других городов составили 6 % выборки.

Участникам опроса было предложено выбрать из 11 ценностей, представленных в таблице 1, не более трех, наиболее важных для них. Чаще всего студенты выбирали ценности «семья», «любовь» и «самореализация». Результаты представлены в таблице 1 (см. табл. 1).

Таблица 1

Система ценностей

Ценность	Доля респондентов, выбравших ценность, в %
Семья	60
Любовь	39
Самореализация	31
Материальная обеспеченность	29
Образование, карьера	29

Ценность	Доля респондентов, выбравших ценность, в %
Интересная работа	21
Отдых	20
Друзья	19
Личностное развитие	18
Дети	18
Свобода	8

Также нас интересовали репродуктивные установки современных студентов, измеренные с помощью показателей нормального, желаемого и ожидаемого числа детей. Эти показатели были выделены некоторыми российскими исследователями [Тындик, 2007; Ласточкина, 2007, с. 146–157; Зиннурова, 2005, с. 82–87]. Мы выяснили предпочтительное время рождения первого ребенка по шкалам «18–21», «22–25», «26–29», «более 30 лет» и число детей в родительской семье по шкалам «1 ребенок», «2 ребенка», «3 ребенка» и «более 3 детей». В нашей выборке среднее нормальное число детей составило 2,03 детей, среднее желаемое — 1,99 детей, среднее ожидаемое — 1,75 детей (см. табл. 2). Среднее предпочтительное время рождения ребенка — 26,5 лет. Среднее число детей в родительской семье студентов — 1,7 детей. По всем показателям категория «более 3 детей» оказалась малочисленной (от 3 до 8 случаев по разным показателям), в связи с чем вероятны искажения в этих категориях.

Таблица 2

Нормальное, желаемое и ожидаемое число детей

	Нормальное число детей (%)	Желаемое число детей (%)	Ожидаемое число детей (%)
Отсутствие детей	1,3	8,8	8,8
1 ребенок	13	16,4	16,4
2 ребенка	68,9	45,4	45,4
3 ребенка	15,5	26,1	26,1
Более трех детей	1,3	3,4	3,4
Всего	100	100	100

Мы полагали, что отношение студентов к ВРТ может быть связано с особенностями родительских семей. 75 % респондентов воспитывались в полной семье с зарегистрированным браком, 4 % — в полной семье с незарегистрированным браком, 20 % — в неполной семье, 0,8 % были воспитаны другими родственниками, 0,4 % воспитывались в детском доме. Последние две категории в связи с малочисленностью не анализировались.

Верующими себя назвали 41 % опрошенных, 29 % допускают существование высших сил, 28 % считают себя атеистами / безразличными к религии. 70 % респондентов относят себя к христианам, 9 % придерживаются ислама, 1 % считают себя буддистами, 3 % привержены другим религиям, 17 % не относят себя ни к одной из религий.

На основе ответов на вопросы о распределении семейных обязанностей (см. табл. 3–4) мы условно выделили приверженцев патриархальных и эгалитарных взглядов на семью. Приверженности патриархальным взглядам соответствовали следующие варианты ответов: за финансовое благополучие, принятие важных решений в семье, ремонт и починку бытовой техники должен отвечать муж, а за уборку и приготовление еды — жена (см. табл. 3–4).

Студенты, согласившиеся с данными утверждениями более, чем в 3 вопросах из 6, условно были отнесены к приверженцам патриархальных взглядов. Если студент согласился с данными утверждениями в 3 и менее вопросах, он был отнесен к приверженцам эгалитарных взглядов. Студенты, затруднившиеся ответить хотя бы на 1 вопрос из 6, не принимались в расчет (их доля составила 11 %). Таким образом, среди респондентов, ответивших на все 6 вопросов, сторонников патриархальных взглядов оказалось 29 %, а сторонников эгалитарных — 71 % (см. табл. 5).

Таблица 3

Семейные функции

	Обеспечение финансового благополучия (%)	Принятие важных решений в семье (%)
Муж	32,5	13,4
Жена	1,7	0,4
Оба супруга	62,9	54,6
Тот, кто лучше разбирается в вопросе	—	31,1
Затрудняюсь ответить	3,0	0,4
Всего	100	100

Таблица 4

Распределение обязанностей в семье

	Уборка (%)	Приготовление еды (%)	Ремонт (%)	Починка бытовой техники (%)
Муж	0,9	0,5	36,5	50,7
Жена	31,8	36,5	0,5	1,3
Оба супруга	44,4	35,6	36	13
Тот из супругов, который лучше с этим справляется	4,5	17,1	15,3	20,2
Тот, из супругов у которого больше свободного времени	13,5	8,6	0,5	—
Специально нанятый персонал	3,6	0,5	10,8	13,9
Затрудняюсь ответить	1,3	1,4	0,5	0,9
Всего	100	100	100	100

Таблица 5

Взгляды на распределение семейных обязанностей*

Взгляды на распределение семейных обязанностей	Частота	Процент
Эгалитарные	149	70,6
Патриархальные	62	29,4
Всего	211	100,0

* Без учета 11 % респондентов, не ответивших на вопросы о распределении семейных обязанностей.

В настоящий момент в России широко обсуждается проблема абортов [Ирышкова; Познер, 2016; Аборты в России. Статистика], связанная с проблемой нежелательной беременности. Мы рассмотрели отношение студентов к абортам в сопряжении с отношением к ВРТ. Данные о допустимости абортов с точки зрения студентов отражены в таблице 6. Наибольшее число опрошенных студентов лояльно относятся к абортam по медицинским показаниям (79 %), в случае риска рождения ребенка с отклонениями

развития (61 %) и в случае изнасилования (61 %). Наименее лояльны студенты к аборту в случае, если рождение ребенка не поддерживают друзья и близкие родителей ребенка (19 %) (см. табл. 6). Отношение к абортам по всем причинам, указанным в таблице 6, кроме аборта по медицинским показаниям (табл. 6, п. 1), во многом оказалось связанным с отношением к ВРТ.

Таблица 6

Допустимость аборта по разным причинам

Причина аборта	Допустимо (%)
1) По медицинским показаниям (вынашивание или рождение ребенка представляет угрозу для здоровья женщины)	79
2) Риск рождения ребенка с отклонениями развития	61
3) В случае изнасилования	61
4) Оба родителя настроены против рождения ребенка	47
5) В случае любой незапланированной беременности	34
6) Мать ребенка настроена против его рождения	32
7) Психологическая неготовность к родительству	29
8) Родители ребенка или один из них не достиг совершеннолетия	26
9) У родителей ребенка нет достаточного стабильного дохода	25
10) В случае негативного отношения к партнеру	23
11) Родители ребенка еще не закончили обучение в вузе (планируют сначала закончить)	23
12) У родителей ребенка нет собственной жилплощади	22
13) Отец ребенка настроен против его рождения	21
14) Рождение ребенка не поддерживают друзья и близкие родителей ребенка	19
15) Аборт допустим в любом случае	19
16) Аборт не допустим в любом случае	14

Большинство причин аборта, представленных в таблице 6, мы разделили на 3 группы: «аборты при особых обстоятельствах», «аборты для сохранения свободы» и «аборты вследствие негативных факторов» (см. табл. 7).

Таблица 7

Группы причин абортов

Группа причин	Причины
Аборты «при особых обстоятельствах»	• По медицинским показаниям • Риск рождения ребенка с отклонениями развития • В случае изнасилования
Аборты «вследствие негативных факторов»	• У родителей ребенка нет достаточного стабильного дохода • У родителей ребенка нет собственной жилплощади • Родители ребенка еще не закончили обучение в вузе (планируют сначала закончить)
Аборты «для сохранения свободы»	• В случае любой незапланированной беременности • Оба родителя настроены против рождения ребенка • Мать ребенка настроена против его рождения • Отец ребенка настроен против его рождения • В случае негативного отношения к партнеру • Рождение ребенка не поддерживают друзья и близкие родителей ребенка • Психологическая неготовность к родительству

После чего студенты были разделены на группы лояльных и нелояльных к аборту по этим группам причин (см. табл. 8–10). В случае, если студент отметил как допустимый аборт хотя бы по одной причине из группы, он определялся в группу лояльных к аборту по этой группе причин.

Таблица 8

Лояльность к аборту «при особых обстоятельствах»

Отношение к аборту	Процент
Нелояльны	16,8
Лояльны	83,2
Всего	100,0

Таблица 9

Лояльность к аборту «вследствие негативных факторов»

Отношение к аборту	Процент
Нелояльны	47,9
Лояльны	52,1
Всего	100,0

Таблица 10

Лояльность к аборту «для сохранения свободы»

Отношение к аборту	Процент
Нелояльны	73,5
Лояльны	26,5
Всего	100,0

В большей степени оказалось связанным с лояльностью к ВРТ отношение к абортam «вследствие негативных факторов» и «для сохранения свободы». Далее мы поговорим об этом более подробно.

Информированность студентов о видах ВРТ

Мы предполагали, что в связи с тем, что для студентов в силу возраста не очень актуален вопрос о применении ВРТ, многие студенты мало осведомлены о них. Однако не слышали ни о каких видах ВРТ либо затруднились ответить на вопрос об известных им видах ВРТ лишь 3 % респондентов. В таблице 11 отражена осведомленность о существовании разных видов ВРТ. В наибольшей степени студенты информированы о суррогатном материнстве, ЭКО и донорстве генетических материалов. Это может быть связано с большим обсуждением именно этих видов ВРТ в публичном дискурсе.

Информированность о ВРТ связана с системой ценностей, уровнем религиозности, числом детей в родительской семье, желаемым числом детей и лояльностью к абортam «вследствие негативных факторов» и «для сохранения свободы» (см. табл. 7). В частности, в отношении ЭКО (экстракорпорального оплодотворения) женщины осведомлены в большей степени, чем мужчины, а также выбравшие в числе наиболее значимых ценности «дети» или «образование/карьера» в большей степени, чем не выбравшие

Таблица 11

Информированность о существовании видов ВРТ

Вид ВРТ	% слышавших о виде ВРТ
Суррогатное материнство	94
Экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО)	71
Донорство генетических материалов	57
Инъекция сперматозоида в цитоплазму ооцита (ИКСИ)	27
Искусственная инсеминация (ИИ)	24
Преимплантационная диагностика генетических заболеваний (ПГД)	15
Ни о каких не слышал(а) / Затрудняюсь ответить	3

таковых. В меньшей степени осведомлены об ЭКО студенты, выбравшие ценность «свобода». Об ИКСИ (инъекции сперматозоида в цитоплазму ооцита) в большей степени информированы студенты, выбравшие в числе наиболее значимых ценностей «образование/карьеру» или «личностное развитие». В меньшей степени информированы об ИКСИ студенты, выбравшие ценность «свобода».

Среди студентов, выбравших ценности «образование/карьера» или «личностное развитие», оказалось больше студентов, которые слышали об ИИ (искусственной инсеминации). Тенденция к уменьшению доли студентов, слышавших об ИИ, наблюдается с увеличением желаемого количества детей. О суррогатном материнстве в большей степени осведомлены студенты, выбравшие в числе наиболее значимых ценностей «любовь». Чем больше детей было в родительской семье, тем меньшая доля студентов слышала о суррогатном материнстве.

Чем больше предпочтительный возраст рождения первого ребенка, тем выше доля студентов, которые слышали о донорстве генетических материалов. Также более осведомлены о донорстве генетических материалов студенты, допускающие аборт «вследствие негативных факторов» и «для сохранения свободы».

В большей степени информированы о ПГД (преимплантационной диагностике наследственных заболеваний) студенты, выбравшие в числе наиболее значимых ценностей «образование/карьеру» или допускающие аборт «вследствие негативных факторов». Студенты, выбравшие в числе наиболее значимых ценностей «любовь», менее информированы о ПГД.

Среди верующих людей и среди выбравших в числе наиболее значимых ценность «любовь» не оказалось студентов, которые не слышали ни о каких видах ВРТ. Большая осведомленность религиозных людей о ВРТ может быть объяснена тем, что границы применения ВРТ активно обсуждаются в религиозных кругах.

В результате мы можем предположить, что такие ценности, как «дети», «образование/карьера» и «личностное развитие», связаны с большей осведомленностью о ВРТ. Это можно объяснить тем, что понятие «ВРТ» логически связано с понятием «дети». «Образование/карьера» и «личностное развитие» обычно подразумевают любознательность и эрудированность в разных сферах (в том числе и в сфере ВРТ). Остальные рассматриваемые ценности (см. табл. 1) не связаны с информированностью о ВРТ или связаны неоднозначно. Осведомленность о существовании некоторых видов ВРТ возрастает с увеличением предпочтительного возраста рождения первого ребенка и уменьшается с увеличением числа детей в родительской семье и желаемого числа детей. Предпочтительный возраст рождения ребенка и желаемое число детей — взаимосвязанные характеристики: в среднем чем больше желаемое число детей, тем меньше предпочтительный возраст рождения первого ребенка. С увеличением возраста рождения ребенка возрастает вероятность развития бесплодия и других болезней, препятствующих достижению беременности и рождению ребенка естественным путем. Можно предположить, что студенты, планирующие рождение ребенка на более поздний срок, в среднем обращают больше внимания на возможности, которые предоставляет репродуктивная медицина в случае возникновения проблем со здоровьем. Информированность о ВРТ также возрастает при лояльности к абортam «вследствие негативных факторов» и «для сохранения свободы», а также при высоком уровне религиозности.

Предпочитаемая альтернатива в случае бесплодия

Почти половина опрошенных (47 %) в случае бесплодия предпочли бы рождение ребенка при помощи ВРТ. Значительно меньшее количество респондентов выбрало бы усыновление/удочерение (30 %). Предпочли в случае бесплодия остаться бездетными 10 %. (см. диаграмму 1). Фахрисламова, ссылаясь на международное исследование [Miettinen, 2015], также отмечала, что доля бездетности в России около 10 % [Фахрисламова, 2015, с. 309].

Выбор альтернативы в случае бесплодия связан с системой ценностей, репродуктивными установками, уровнем религиозности, отношением к абортam «вследствие негативных факторов» и «для сохранения свободы»,

Диаграмма 1. Предпочитаемая альтернатива в случае бесплодия

а также с взглядами на распределение обязанностей в семье (патриархальные или эгалитарные).

Студенты, выбравшие в качестве одной из наиболее значимых ценностей «семью», чаще выбирают ВРТ (52 % против 40 %) и реже — бездетность (4 % против 18 %). Усыновление/удочерение выбрали примерно одинаковые доли студентов среди выбравших и не выбравших семью как ценность (29 и 32 % соответственно). Вероятно, это связано с тем, что создание семьи часто подразумевает рождение детей или ребенка. И, видимо, в случае создания семьи большую значимость имеет генетическое родство родителей и ребенка.

Студенты, выбравшие материальную обеспеченность как ценность, в большей степени, чем не выбравшие, предпочитают применение ВРТ в случае бесплодия (58 и 43 % соответственно). Но выбор этой ценности в числе наиболее значимых не влияет на выбор усыновления/удочерения или бездетности. Это может быть объяснено тем, что в случае, если человек ценит материальную обеспеченность, предполагается, что к концу жизни у него будет некоторое наследство, которое он захочет передать своим детям. И в этом случае субъективно важнее генетическое родство с этими детьми. Также ВРТ является достаточно дорогой услугой. Например, процедура ЭКО стоит порядка 90 000 тысяч рублей без учета стоимости сопутствующих

процедур [Балтийский институт..., 2016]. Так как средний уровень заработной платы в России в 2015 г. был около 34 000 рублей [Рынок труда..., 2016], эта сумма достаточно высока для среднестатистических жителей России. Соответственно, доступ к ВРТ представителей материально обеспеченных слоев населения более свободен.

С увеличением нормального, желаемого и ожидаемого числа детей уменьшается доля студентов, склонных выбирать бездетность в случае бесплодия, и увеличивается доля выбирающих между вариантами «ВРТ» и «усыновление/удочерение». Если норма детности (нормальное число детей) более 2 детей, студенты не выбирают бездетность (см. табл. 12). Респонденты предполагают, что будут действовать в соответствии со своими ожиданиями относительно детей и представлениями о норме. Это проявляется в том, что чем больше детей должно быть в семье соответственно ожиданиям и нормам студентов, тем в большей степени студенты выражают намерение в случае бесплодия обзавестись ребенком при помощи ВРТ либо усыновления/удочерения, т. е. любыми доступными способами.

Таблица 12

Нормальное число детей

Альтернатива в случае бесплодия	Нормальное число детей					Всего (%)
	Ноль (%)	1 ребенок (%)	2 ребенка (%)	3 ребенка (%)	Более трех детей (%)	
Усыновление/ удочерение	—	25,0	29,7	34,3	66,7	30,0
Рождение род- ного ребенка при помощи ВРТ	—	39,3	48,1	51,4	33,3	46,7
Бездетность	66,7	25,0	8,2	—	—	9,7
Затрудняюсь ответить	33,3	10,7	13,9	14,3	—	13,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Доля студентов, выбравших бездетность, также связана с желаемым временем рождения первого ребенка. Чем позже предполагается рождение первого ребенка, тем больше доля выбравших бездетность (от 0 % с предпочтительным возрастом 18–21 до 21 % с предпочтительным возрастом бо-

лее 30). Фахрисламова [Фахрисламова, 2015, с. 305] при изучении феномена бездетности писала о том, что женщины, откладывающие беременность на более поздний срок, в некоторых случаях просто не уверены, что им нужны дети. В результате чего некоторая часть из них остается бездетной. Этот вывод подтверждается на нашем примере: чем на более поздний срок студенты планируют рождение первого ребенка, тем в большей степени они склонны выбирать бездетность в случае бесплодия.

Более религиозные люди в большей степени склонны выбирать усыновление/удочерение (атеисты и безразличные к религии — 19 %, верующие люди — 36 %) и в меньшей — бездетность (атеисты и безразличные к религии — 20 %, верующие люди — 4 %). На выборе ВРТ уровень религиозности не сказывается (от 46 до 49 % выбравших ВРТ при разных уровнях религиозности), что стало для нас неожиданностью, так как РПЦ в настоящее время неоднозначно относится к применению ВРТ. Меньшая распространенность выбора бездетности среди религиозных людей может быть связана с тем, что с точки зрения христианства, которого придерживается большинство опрошенных, в каждой семье должны быть дети.

Сторонники патриархальных взглядов на устройство семьи чаще выбирают рождение ребенка при помощи ВРТ, реже — усыновление/удочерение (25 % против 32 %) и бездетность (2 против 14 %). Это может быть связано с тем, что эгалитарная семья подразумевает больший либерализм во взглядах на семью, ее функции и распределение ролей в семье, в том числе на функцию воспроизводства и необходимость наличия детей в семье.

Студенты, лояльные к аборту «вследствие негативных факторов», чаще, чем нелояльные к нему, выбирают как альтернативу в случае бесплодия бездетность (28 против 3 %), реже — усыновление/удочерение (23 против 32 %) и ВРТ (37 против 50 %). Допускающие аборт «для сохранения свободы» тоже чаще, чем не допускающие его, выбирают бездетность (17 против 2 %) и реже усыновление/удочерение (24 против 36 %), но на выборе ВРТ лояльность к аборту по этой причине не сказывается (48 против 45 %). Студенты, допускающие аборт в случае риска рождения ребенка с отклонениями в развитии (из группы абортотворцев «по особым обстоятельствам»), выбирают ВРТ в 50 % случаев, тогда как остальная часть студентов — в 41 %. С этой информацией соотносится то, что один из видов ВРТ (ПГД) применяется для диагностики отклонений в развитии ребенка и предупреждает рождение детей с серьезными отклонениями. Бездетность в этом случае выбирают в 13 и 4 % случаев соответственно и усыновление/удочерение — в 25 и 38 % случаев соответственно. Таким образом, при рассмотрении разных причин абортотворцев лояльность к ним неодинаково сказывается на выборе ВРТ в случае бесплодия.

Отношение к применению ВРТ

Далее мы рассматривали отношение студентов к применению ВРТ. Наибольшая доля студентов считает допустимым применение ВРТ по причине бесплодия, немного меньшая — в случае, если вынашивание или рождение ребенка представляет угрозу для здоровья женщины. К применению ВРТ по причине одиночества лояльно относятся около половины опрошенных, что соотносится с тенденцией к росту одиночных домохозяйств во многих странах, в том числе в России. Если в 2002 г. в России было менее 12 тысяч одиночных домохозяйств, то в 2010-м уже более 14 тысяч [Береснёва, 2015]. При оценке допустимости ВРТ по причине нетрадиционной сексуальной ориентации студенты разделились примерно поровну. Боязнь беременности и родов считают уважительной причиной для применения ВРТ около четверти студентов. Боязнь испортить фигуру — около 1/6 (см. табл. 13).

Таблица 13

Допустимость применения ВРТ по разным причинам

Причина применения ВРТ	Допустимо (%)	Недопустимо (%)	Загрудающуюся ответить (%)	Допустимо/Недопустимо*
Бесплодие	92	2	6	51,11
Вынашивание или рождение ребенка представляет угрозу для здоровья женщины	83	6	12	14,47
Одиночество	52	23	25	2,27
Нетрадиционная сексуальная ориентация	36	37	26	0,98
Боязнь беременности и родов	24	45	31	0,54
Боязнь испортить фигуру	17	60	23	0,28

* Показатель является отношением доли студентов, считающих допустимым применение ВРТ по рассматриваемой причине к доле студентов, считающих недопустимой.

Применение ВРТ в случае бесплодия считают допустимым 92 % студентов. Все студенты, считающие недопустимым применение ВРТ по этой причине, выбрали в качестве одной из наиболее значимых ценностей

«любовь», оказались верующими (высокий уровень религиозности), считают, что за воспитание детей должны отвечать оба супруга, а также считают недопустимым аборт по причине риска рождения ребенка с отклонениями развития. Может быть, в данном случае рождение ребенка рассматривается как исключительно естественный процесс, ни в коем виде не допускающий технологического вмешательства.

К применению ВРТ в случае, если рождение или вынашивание ребенка представляет угрозу для здоровья женщины, лояльно относятся 83 % студентов в целом по выборке. В отношении к применению ВРТ по рассматриваемой причине были выявлены только гендерные различия: допускают применение ВРТ в данном случае 86 % женщин и 71 % мужчин. Также среди мужчин больше, чем среди женщин, затруднившихся ответить на вопрос (23 против 9 %).

К применению ВРТ в случае одиночества лояльно относятся 52 % студентов. Отношение к ВРТ по этой причине связано с системой ценностей, уровнем религиозности, а также с отношением к абортam «вследствие негативных факторов» и «для сохранения свободы». Среди студентов, выбравших в качестве одной из наиболее значимых ценностей ценность «самореализация», больше студентов, допускающих применение ВРТ по причине одиночества (63 % по сравнению с 47 % других группам). Это можно объяснить тем, что самореализация часто предполагает приоритет профессиональной деятельности над семейной. Образование полной семьи в данном случае может рассматриваться как дополнительное препятствие к построению карьеры.

При высоком уровне религиозности (верующий человек) возрастает количество студентов, не допускающих применение ВРТ по причине одиночества (от 19 до 27 %) и количество затруднившихся ответить на этот вопрос (от 18 до 30 %), причем существенной разницы между атеистами / безразличными к религии и допускающими существование высших сил не обнаружено. Это может быть связано с тем, что основные религии в России проповедуют приверженность семейным ценностям, предполагающим ценность такой семьи, в которой присутствуют дети и оба родителя. Одиночество как стиль жизни противоречит семейным ценностям. Среди лояльных к абарту «вследствие негативных факторов» или «для сохранения свободы» 66 и 61 % студентов, допускающих применение ВРТ в случае одиночества соответственно, среди нелояльных — 47 и 42 % соответственно.

Применение ВРТ в случае нетрадиционной сексуальной ориентации считают допустимым 36 % студентов в целом по выборке. Отношение к ВРТ по этой причине связано с системой ценностей, репродуктивными

установками, видом семьи, в которой были воспитаны студенты, уровнем религиозности, отношением к абортam «вследствие негативных факторов» и «для сохранения свободы», а также взглядом на распределение обязанностей в семье.

Студенты, выбравшие ценность «семья» как одну из наиболее значимых, реже, чем остальные, допускают применение ВРТ по причине нетрадиционной сексуальной ориентации (26 и 51 % соответственно). То же самое, но в меньшей степени характерно для студентов, выбирающих ценность «дети» (22 против 40 % допускающих). Можно связать это с тем, что с точки зрения россиян понятие семьи подразумевает, как правило, союз мужчины и женщины, но не однополый союз. Также однополый союз не рассматривается как самодостаточный для осуществления функции воспроизводства. Обратная тенденция отмечается в случае выбора ценностей «интересная работа», «самореализация» и «личностное развитие», которые соотносятся в большей степени с индивидуализмом и жизнью «для себя». Доля студентов, допускающих применение ВРТ по причине нетрадиционной сексуальной ориентации, также становится меньше с ростом желаемого числа детей студентов (от 76 % при отсутствии детей до 13 % при числе детей более 3).

Отношение к применению ВРТ по причине нетрадиционной сексуальной ориентации связано и с тем, в какой семье были воспитаны студенты. Среди студентов из полных семей с зарегистрированным браком допускают ВРТ по причине нетрадиционной сексуальной ориентации 30 % опрошенных, среди студентов, воспитанных в полной семье с незарегистрированным браком — 44 % и среди студентов из неполной семьи — 59 %. Доля респондентов, одобряющих ВРТ по причине нетрадиционной сексуальной ориентации, уменьшается с ростом уровня религиозности с 58 до 18 %. Студенты, которые придерживаются патриархальных взглядов на распределение обязанностей в семье, реже считают допустимым применение ВРТ по причине нетрадиционной сексуальной ориентации (20 против 42 %). Студенты, которые менее лояльны к абортam «вследствие негативных факторов» или «для сохранения свободы», менее лояльны и к ВРТ по причине нетрадиционной сексуальной ориентации (26–21 и 64–51 % соответственно).

Применение ВРТ по причине боязни беременности и родов одобряют 24 % студентов в целом по выборке. Отношение к применению ВРТ в этом случае связано с системой ценностей студентов, их репродуктивными установками, видом семьи, в которой были воспитаны студенты, уровнем религиозности, отношением к абортam по всем группам причин (см. табл. 7), а также взглядами на распределение обязанностей в семье.

Среди выбирающих в числе наиболее значимых ценностей «семью» меньше студентов, которые считают допустимым применение ВРТ по причине боязни беременности и родов (14 против 38 %). Еще меньшая доля допускающих применение ВРТ по этой причине среди студентов, которые выбрали ценность «дети» (7 %). Это может означать, что студенты, выбирающие ценность «дети», не рассматривают роды как проблему или как жертву. Тенденция к увеличению доли студентов, допускающих ВРТ по этой причине, наблюдается среди выбравших ценность «самореализация» или «личностное развитие».

При репродуктивных установках (нормальное, желаемое и ожидаемое число детей) от 0 до 3 детей с ростом числа детей уменьшается количество допускающих применение ВРТ по причине боязни беременности и родов. Реже других допускают применение ВРТ в этом случае студенты, воспитанные в полной семье с зарегистрированным браком (18 %), значительно чаще — воспитанные в полной семье с незарегистрированным браком (33 %) и наиболее часто — студенты из неполной семьи (46 %). С ростом уровня религиозности увеличивается доля не допускающих применение ВРТ по причине боязни беременности и родов с 27 до 53 %. Среди сторонников патриархальных взглядов на распределение обязанностей в семье меньше студентов, которые считают допустимым применение ВРТ по этой причине (10 против 29 %). Студенты, лояльные к аборту «вследствие негативных факторов», «для сохранения свободы» или даже «по особым обстоятельствам», чаще других считают допустимым применение ВРТ по причине боязни беременности и родов (48–35–27 % против 16–13–13 %).

17 % среди респондентов допускают применение ВРТ по причине боязни испортить фигуру. Лояльность к ВРТ в этом случае связана с системой ценностей, уровнем религиозности, репродуктивными установками, отношением к абортам вследствие негативных факторов и «для сохранения свободы», а также с взглядами на распределение обязанностей в семье.

Среди выбравших в числе наиболее значимых ценностей «любовь» или «семью» меньше студентов, которые считают допустимым ВРТ по причине боязни испортить фигуру (9–11 против 22–24 %). 30 % среди отметивших ценность «самореализация» рассматривают применение ВРТ по причине боязни испортить фигуру как допустимое. С ростом уровня религиозности уменьшается доля студентов, допускающих применение ВРТ по причине боязни испортить фигуру, с 30 до 9 %.

Чем больше показатели нормального, желаемого или ожидаемого числа детей, тем меньше доля студентов, считающих допустимым применение ВРТ по причине боязни испортить фигуру. Можно предположить, что чаще

значительный страх испортить фигуру присутствует у тех студентов, которые не планируют рождение большого количества детей (возможно, вследствие этого страха).

Среди студентов, придерживающихся патриархальных взглядов на распределение семейных обязанностей, только 5 % одобряют применение ВРТ по причине боязни испортить фигуру, тогда как среди студентов, придерживающихся эгалитарных взглядов, таких 21 %.

Студенты, лояльные к аборту «для сохранения свободы» или «вследствие негативных факторов», в 23 и 34 % случаев соответственно допускают применение ВРТ по причине боязни испортить фигуру, тогда как среди нелояльных к аборту по данной причине таких только 10 %.

Выводы

Отношение к применению ВРТ связано с множеством факторов, среди которых система ценностей, репродуктивные установки, вид семьи, в которой был воспитан студент, уровень религиозности, отношение к абортам (особенно «вследствие негативных факторов» и «для сохранения свободы») и взгляды на распределение обязанностей в семье (патриархальные или эгалитарные).

В большей степени информированы о ВРТ студенты, у которых в числе наиболее значимых выбраны ценности «образование/карьера», «личностное развитие» или «дети», отмечены более поздний предпочтительный возраст рождения первого ребенка, лояльные к абортam «вследствие негативных факторов» и «для сохранения свободы», с высоким уровнем религиозности. В меньшей степени информированы студенты, выбравшие ценность «свобода» или «интересная работа». Осведомленность также снижается с ростом числа детей в родительской семье и желаемого числа детей.

Увеличение степени информированности о ВРТ в связи с ростом предпочтительного возраста рождения первого ребенка и в случае большей лояльности к абортam наталкивает на мысль о том, что студенты, откладывающие рождение ребенка на наиболее поздний срок (возможно, в некоторых случаях при помощи абортов), в большей степени, чем другие, рассматривают для себя перспективу применения ВРТ.

Причины применения ВРТ от наиболее к наименее допустимым с точки зрения студентов в целом расположились следующим образом: бесплодие, угроза для здоровья женщины в случае вынашивания или рождения ребенка, одиночество, нетрадиционная сексуальная ориентация, боязнь

беременности и родов, боязнь испортить фигуру. Чем менее допустима причина, тем большей дискуссионностью она обладает: тем больше затруднившихся ответить на вопрос о допустимости.

Рассмотренные нами ценности студентов можно условно разделить на три категории: способствующие повышению лояльности к применению ВРТ, способствующие снижению лояльности и не оказывающие существенного воздействия на лояльность (см. табл. 14).

Таблица 14

Лояльность к применению ВРТ в зависимости от ценностей

Категории	Ценности
Повышение лояльности	Самореализация, личностное развитие, интересная работа
Снижение лояльности	Семья, дети, любовь
Нейтральность	Друзья, материальная обеспеченность, образование/карьера, свобода, отдых

Ценности «семья» и «материальная обеспеченность» способствуют выбору ВРТ для себя в случае бесплодия.

Социальные портреты студентов наиболее и наименее лояльных к применению ВРТ выглядят следующим образом. Студенты, наиболее лояльные к применению ВРТ, разделяют ценности «самореализация», «личностное развитие» и «интересная работа», лояльно относятся к абортam «вследствие негативных факторов» и «для сохранения свободы», выбирают меньшее число детей в качестве идеального, желаемого и ожидаемого, обладают низким уровнем религиозности и разделяют эгалитарные взгляды на распределение обязанностей в семье. Наименее лояльные к применению ВРТ студенты привержены ценностям «семьи», «любви» и «детей», выбирают большее число детей в качестве идеального, желаемого и ожидаемого, обладают высоким уровнем религиозности, не лояльны к абортam «вследствие негативных факторов» и «для сохранения свободы», а также разделяют патриархальные взгляды на семейное устройство.

Таким образом, среди студентов можно выделить группы наиболее и наименее лояльных к ВРТ по таким характеристикам, как система ценностей, репродуктивные установки, особенности родительской семьи, взгляды на распределение обязанностей в семье и степень лояльности к абортam.

Литература

1. *Miettinen A.-L.* Increasing childlessness in Europe: time trends and country differences / A. Miettinen, A. Rotkirch, I. Szalma, A. Donno, M. Tanturri // *Families and Societies — Working Paper Series — 2015. — Vol. 3.*
2. *Зиннурова Р. И.* Особенности репродуктивного поведения в российских регионах // *Социологические исследования. — 2005. № 3. — С. 82–87.*
3. *Ласточкина М. А.* Моделирование репродуктивного поведения населения региона // *Проблемы прогнозирования. — № 4. 2007. — С. 146–157.*
4. *Фахрисламова Р. Т.* Основные теоретические подходы к объяснению феномена бездетности // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены: Альманах-2015: сборник. — М.: ОАО «ВЦИОМ», 2015. — С. 303–313.*
5. *Аборты в России. Статистика* [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/page-41832683_46940319 (дата обращения: 27.11.2016).
6. *Береснёва Е.* Вперед, к одиночеству [Электронный ресурс] // *Кот Шрёдингера. — 2015. № 3 (05). URL: http://kot.sh/statya/142/vperyod-k-odinochestvu* (дата обращения: 13.12.2016).
7. *Ирышкова Т. А.* Проблема абортов в России. Приближение к демографической яме [Электронный ресурс]. URL: <http://nauchforum.ru/studconf/social/xviii/4904> (дата обращения: 27.11.2016).
8. *Медицинские услуги. Цены* [Электронный ресурс] // *Балтийский институт репродукции человека. URL: http://www.bih.ru/ceny/* (дата обращения: 03.12.2016).
9. *Познер В.* О запрете абортов в России [Электронный ресурс] // *Официальный сайт Владимира Познера. Познер Online. URL: http://pozneronline.ru/2016/10/16990/* (дата обращения: 27.11.2016).
10. *Рынок труда, занятость и заработная плата* [Электронный ресурс] // *Федеральная служба государственной статистики URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/* (дата обращения: 03.12.2016).
11. *Тындик А.О.* Репродуктивные установки населения в современной России [Электронный ресурс] // *Демоскоп Weekly. — 2013. № 553–554. URL: http://demoscope.ru/weekly/2013/0553/analit01.php* (дата обращения: 15.11.2016).

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

History of Sociology

Вера Игнатьевна Бочкарева

Санкт-Петербургский государственный университет

Vera I. Bochkareva

St-Petersburg State University

УЧАСТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СОЦИОЛОГОВ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ (СЕРЕДИНА XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)

The Participation of Russian Sociologists in the Literary Process (the Middle of the XIX — Beginning of XX)

Аннотация. В статье осуществляется обзор литературного творчества крупнейших отечественных социологов — П. А. Сорокина, Н. И. Кареева, П. Л. Лаврова и др. Обосновывается тесная связь социологии и литературы, их взаимопроникновение и взаимовлияние. Обращение к литературному творчеству российских социологов позволяет лучше понять процесс развития науки в нашей стране на рубеже веков.

Ключевые слова: социология и литература, история отечественной социологии, социология литературы, П. А. Сорокин, Н. И. Кареев, П. Л. Лавров.

Abstract. This article provides an overview of literary works of major Russian sociologists, such as P. A. Sorokin, N. A. Kareev, P. L. Lavrov, etc. The close relationship between sociology and literature, their interpenetration and mutual influence are substantiated. Appeal to the literary work of the Russian sociologists can better understand the process of science development in our country at the turn of the XX century.

Keywords: sociology and literature, history of Russian sociology, sociology of literature, P. A. Sorokin, N. A. Kareev, P. L. Lavrov.

Взаимосвязь социологии и литературы весьма многообразна. Она касается большинства западных и отечественных социологов и может исследоваться по отдельным персоналиям и темам: роль критического реализма в литературе, влияние литературы на социологию и социологии на литературу, работы социологов о литераторах, ссылки на них и их произведения в социологических исследованиях, участие отечественных социологов в художественном, литературном творчестве.

Литература и ее направление — критический реализм стали доминирующим элементом культуры России XIX в., и связь литературы и отечественной социологии имела свою специфику. Это выражалось в участии отечественных социологов в литературном творчестве, в литературных сообществах, юбилеях, в литературной критике, в статьях с анализом и оценкой творчества писателей и поэтов со своих теоретико-методологических позиций и т. д. В данной работе речь пойдет об интересе к литературе и участии отечественных социологов в литературном творчестве, которые были связаны с их научно-исследовательской деятельностью.

Так, П. Л. Лавров — основоположник социологии в России, «первый русский социолог» (Н. И. Кареев), чья теория создала социологию как «систему, единую дисциплину» (П. А. Сорокин), стал писать стихи, по его признанию, еще в детстве и продолжил при поступлении в Артиллерийское училище. После покушения Д. В. Каракозова на Александра II полковник, профессор математики, Лавров в 1866 г. был арестован, уволен со службы и отправлен под надзор полиции в Вологодскую губернию в город Кадников. Военный суд обвинил его в сочувствии и близости к людям «с преступным направлением» (Н. Г. Чернышевскому, М. Л. Михайлову, П. В. Павлову), в печатной пропаганде вредных идей, в связи с организацией «Земля и воля», а также в сочинении стихов, в которых «возбуждалось неуважение» к Николаю I и Александру II.

Речь шла о стихах Лаврова («Пророчество», «Русскому народу», «Вперед», «Предопределение») против тирании власти, которые он посвятил В. Гюго, чье творчество высоко ценил, и письмом отправил А. И. Герцену в 1856 г. Вот фрагмент из стихотворения «Русскому народу» (1854):

Проснись, мой край родной, изъеденный ворами,
Подавленный ярмом,
Позорно скованный бездушными властями,
Шпионством, ханжеством!
От сна невежества, от бреда униженья,
От лени вековой
Восстань и посмотри: везде кипит движение,
Черед уж за тобой!

Стихи Лаврова без указания имени автора Герцен опубликовал в 1857 г. в Кн. IV «Голосов из России». Он показал стихи Гюго и ответил в том же издании, без указания имени Лаврова, что Гюго поблагодарил автора за посвященные ему стихотворения.

На четвертом году ссылки Лавров бежал с помощью Г. А. Лопатина, и Герцен, зная о его побеге, ждал Лаврова в Париже. Лавров приехал в Париж в марте 1870 г., но Герцена уже не было в живых.

Лавров писал стихи и в эмиграции: «Рождение мессии», «Апостол», «Н. П. Огареву», «Песня юности» и др. Ему принадлежит русский текст Марсельезы (Руже де Лилия, 1792 г.) — «Рабочая Марсельеза»: «Отречемся от старого мира! Отряхнем его прах с наших ног. Нам враждебны златые кумиры; Ненавистен нам царский чертог...» (опубликована в газете «Вперед» от 1 июля 1875 г.). Короленко очень положительно отзывался о стихах Лаврова, а Некрасов называл их «рифмованными передовыми статьями». Отдельным сборником стихотворения Лаврова не издавались.

Стихи писал и представитель органического направления («организма») А. И. Стронин; в 1886 г. он напечатал сборник переведенных им стихотворений Байрона под заглавием «Байрон в переводах Алеко».

Н. К. Михайловский — признанный социолог, талантливый публицист и литератор — признавался, что к сочинительству чувствовал склонность с раннего детства. В гимназии и в Петербургском институте горных инженеров он отличался сочинениями на заданные или им самим выбранные темы. С 1867 г., по его признанию, его «преследовал» литературный план, который очень его занимал — написание романа «Борьба». Одновременно с работой над романом он готовил статью о прогрессе в форме критического разбора сочинений Спенсера. (Его статья «Что такое прогресс?» была опубликована в «Отечественных записках» в 1869 г.). Весной 1868 г. он отправился в редакцию журнала «Отечественные записки», куда был приглашен на работу, и в присутствии Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. З. Елисеева прочитал начало своего романа. Роман был встречен редакцией благосклонно, но его автор при первом чтении убедился в «слабости своего художественного дарования» и свою «Борьбу» «окончательно забросил». А. М. Скабичевский (литературный критик, историк русской литературы), который присутствовал в редакции при чтении первой части «Борьбы», вспоминал, что она заключала в себе детство героя романа и его жизнь «в закрытом заведении» (сам термин «борьба» стал ключевым понятием в социологической концепции Михайловского и его теории «борьбы за индивидуальность»).

В «Отечественных записках» Михайловский проработал с 1869 по 1884 г. до закрытия журнала. Несмотря на интенсивную деятельность в

сфере журналистики, склонность к беллетристике он не оставил, хотя в статье «О Всеволоде Гаршине» (1885) еще раз подчеркнул: «Я не беллетрист» [Михайловский, 1989, с. 261].

Однако в начале 1883 г. Михайловский начал писать роман «Карьера Оладушкина», над которым продолжал работать почти до самой смерти. Это был роман, по его словам, о «типичном мерзавце» — мнимом революционере, вовлеченном в народовольческое движение честолюбием, а затем ставшем отступником. Текст первой части рукописи романа был издан в Петербурге после смерти автора в 1906 г. [Колосов, 1907].

«Патриарх» российской социологии Н. И. Кареев, по его словам, еще в гимназии заучивал стихи своих любимых поэтов — А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова. Во время «короткого сидения» в Петропавловской крепости в 1905 г. он «развлекал себя припоминанием стихов Пушкина, которые когда-то знал наизусть», а читая работы о Пушкине, «иногда ловил себя на сожалении, что не пошел по литературной дороге» [Кареев, 1990, с. 298]. По поводу собственного стихосложения он писал: «У меня рано обнаружилась версификаторская способность, которую не я один принимал за поэтический дар. Впоследствии я понял, что тут что-то не так, хотя я никогда не переставал пописывать стихи...» [Там же, с. 83]. Кареев с юмором оценивал свои поэтические опыты («забава для себя и для других»). Он писал, что обращался с ними, «как Тютчев», бросавший написанное: «С его стороны, правда, это было непростительно, он разбрасывал бриллианты и перлы, у меня же это были самые простые бусы, собирать которые совершенно не стоило». «Мой жанр — эпиграммы, акrostихи, шутливые оды» [Там же, с. 302]. Так, назначение Н. П. Боголепова и Н. А. Зверева в министерство народного просвещения в 1898 г. он отметил эпиграммой:

Вселились в министерство
В довольно равной мере
Божественность и зверство
В нелепом богозвере [Там же, с. 344].

Поэтические опыты Кареева сохранились. Большое собрание его стихов находится в архиве Академии наук в Санкт-Петербурге (Ф. 980).

Л. Е. Оболенский был известным социологом (представителем этико-социологической, «субъективной» школы), переводчиком, литературным критиком, издателем, редактором и писателем. Известным, но не столь популярным, как Михайловский. И не потому, что ему не хватало остроумия и политической страстности последнего, а потому что его убеждения (которые отразились в его социологических и литературных произведениях) носили «явно примирительный характер». Поэтому, по его словам, он

всегда оказывался «между молотом и наковальней», подвергаясь критике и либералами, и консерваторами.

На его склонность к литературному творчеству, по признанию Оболенского, оказал влияние И. Ф. Рашевский, который преподавал в гимназии русский язык и литературу. (Впоследствии Рашевский был директором земской учительской школы в Петербурге, преподавал русский язык и словесность детям Александра III). Оболенский — это автор большого количества романов, повестей, рассказов, стихов: «Запросы жизни», «Без маяка», «Ближе к природе», «Два полюса» и др. Свою поэзию («Рефлексия», «Я не трибун», «Вечная борьба», «Весна» и др.) он собрал в двух сборниках — «Стихотворения (1868–1878)» и «Стихотворения (1879–1884)» [Оболенский, 1884]. Литературные произведения — романы, повести, рассказы, стихи — по признанию Оболенского, стали для него особой образной формой исследования общества и человека во «всех положениях человеческой природы». В центре его внимания не «героическая личность», а тип и запросы жизни «среднего человека» (интеллигенции, крестьянства), которых в отличие от «героев» — легион. Область жизненных требований этих «средних людей» также достойна серьезного и добросовестного исследования в рамках художественного произведения, где оно просто принимает форму цельной, законченной картины. Так, о своем романе «Запросы жизни» он писал: это — «...покойное и трезвое изучение условий, создающих известные типы, а затем... исследование результатов, порожденных этими типами». Поскольку общественный прогресс Оболенский видел в синтезе — «улучшении форм жизни» и «личного совершенства», как «двух сторон одного факта», то он считал: «если будем игнорировать формы общества, у нас личность будет дряблая, сбита с толку, полупомешанная, как и указано в романе, но, наоборот, не от одной ли дряблости случайности зависит и дряблость форм? Не ясно ли, что, заботясь о формах, следует заботиться о личности, и наоборот» [Оболенский, 1881, с. 293].

В литературном процессе принимал участие и М. М. Ковалевский. В 1893 г. в сборнике русской художественной лирики «Волна» было опубликовано его стихотворение «Из-за дали и разлуки...» [Ковалевский, 1893]. В Санкт-Петербургском отделении Архива РАН находятся наброски его повестей «Американки, или Вечер в Чикаго» и «Трясина».

История названия «Трясина» прокомментировано в воспоминаниях Ковалевского, который в Париже при посещении И. С. Тургенева «позволил себе» обратиться к Тургеневу с просьбой написать «социально значимый роман», где в общих чертах отметить стороны нашей общественной жизни, которые еще не были затронуты Тургеневым. «На что Тургенев ответил, что недоумевает, какое художественное произведение может выйти из

попытки изобразить еще не вполне определившиеся течения. Вы сами говорите об их слабости и отсутствии под ними твердой почвы. Уж не назвать ли мне мой новый роман “Трясиною”? Нет!» [Ковалевский, 1884].

Что касается литературного творчества П. А. Сорокина, то здесь следует отдать должное доценту кафедры теории и истории СПбГУ М. В. Ломоносовой, которая подняла архивные материалы Сорокина в Институте русской литературы РАН (Пушкинский Дом), долгое время находившиеся там на «закрытом хранении» и недоступные и для читателей, и для исследователей истории отечественной социологии. В Пушкинском Доме сохранилась рукопись романа Сорокина «Предтеча» под псевдонимом «Чаадаев Н.». О существовании романа Сорокин не упоминал ни в своих статьях, ни в автобиографии «Дальняя дорога» (издана в США в 1963 г., переведена на русский язык в 1992 г.). Однако часть романа была опубликована в 1917 г. в четырех выпусках «Ежемесячного журнала литературы, науки и общественной жизни» (издавался с 1913 г. В. С. Миролубовым) без последней главы. Опубликовать ее он не смог из-за политических событий 1917 г. и конфликта с властью. Роман по жанру — автобиография с элементами утопии и антиутопии.

Результатом большой научно-исследовательской работы Ломоносовой явилась публикация полного текста романа «Предтеча» в республиканском литературно-публицистическом, историко-культурологическом, художественном журнале «Арт» (2014, № 3, Сыктывкар). Кроме того, ею опубликованы статьи с анализом истории создания романа, его сюжета и прототипов [Ломоносова, 2014, 2016].

В архиве Сорокина в Пушкинском доме находятся и две тетради его стихотворений. Вот фрагмент одного из его стихотворений — «Позывы» (Петербург, 1910):

Как паук, хочу я рыться вечно
В паутине мыслей и чудес,
Разрывая тьму, царящую извечно,
Открывая ширь и синеву небес...
Из обломков мысли бесконечной
Мир великой правды создавать.
Царство истины святой и человеческой,
Царство счастья светлого ковать [Ломоносова, 2014, с. 100].

В заключение следует отметить, что исследование темы «социология и литература» имеет не только иллюстративный, биографический характер, но помогает лучше понять и процесс развития отечественной социологии, и ее актуальность для исследования проблем современной России.

Литература

1. *Кареев Н. И.* Прожитое и пережитое. — Л.: ЛГУ, 1990. — 384 с.
2. *Ковалевский М. М.* Из-за дали и разлуки... // Сборник русской художественной лирики «Волна». — СПб., 1893.
3. *Ковалевский М. М.* Тургенев как политический мыслитель и художник // Русские ведомости. — 1884. № 105; (Ковалевский М. М. Воспоминания об И. С. Тургеневе // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. Серия литературных мемуаров. М.: изд-во «Худ. Лит».).
4. *Колосов Е. О.* О беллетристике Н. К. Михайловского // Новая литература. — 1907. № 3–4.
5. *Ломоносова М. В.* Литературные грани творчества Пютири́ма Сорокина // Наследие. Научный журнал. — 2014. № 1 (4). — С. 115–125.
6. *Ломоносова М. В.* «Предтеча» Пютири́ма Сорокина. Автобиографический роман социолога, вовлеченного в водоворот политики // Социс. — 2016. № 5. — С. 134–140.
7. *Ломоносова М. В.* Литература как Объект социологического анализа в теоретическом наследии Пютири́ма Сорокина и литературные грани его творчества // АРТ. — 2014. № 3. — С. 90–104.
8. *Михайловский Н. К.* О Всеволоде Гаршине // Литературная критика. Статьи о русской литературе XIX — начала XX века. — Л.: Худ. лит., 1989. — 608 с.
9. *Оболенский Л. Е.* Стихотворения 1868–1878, часть 1. — СПб.: Русская Скоропечатня П. С. Нахимова, 1878; Стихотворения (1879–1884), часть 2. — СПб.: Русская Скоропечатня П. С. Нахимова, 1884.
10. *Оболенский Л. Е.* Ответ критику «Отечественных записок» // Мысль. — 1881. № 12. — С. 293.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александрова Анастасия Алексеевна

Санкт-Петербург
СПбГУ, магистрант I курса факультета социологии
aleksand-nastya@yandex.ru

Беспалова Полина Алексеевна

Санкт-Петербург
СПбГУ, студент IV курса бакалавриата факультета социологии
p.bespalova@yandex.ru

Богомяжкова Елена Сергеевна

Санкт-Петербург
СПбГУ, доцент кафедры теории и истории социологии, к. с. н.
e.bogomyagkova@spbu.ru; elfrolova@yandex.ru

Бочкарева Анна Владиславовна

Санкт-Петербург
СПбГУ, магистрант I курса факультета социологии
anna.v.boch@gmail.com

Бочкарева Вера Игнатьевна

Санкт-Петербург
СПбГУ, доцент кафедры теории и истории факультета социологии, к. ф. н.
v.bochkareva@gmail.com

Ваневская Полина Николаевна

Санкт-Петербург
СПбГУ, студент III курса бакалавриата факультета социологии
polya1296@bk.ru

Дупак Анна Андреевна

Санкт-Петербург
СПбГУ, студент IV курса кафедры теории и истории социологии факультета социологии
Annadupak@mail.ru

Евсикова Екатерина Валерьевна

Санкт-Петербург
СПбГУ, аспирант II года обучения кафедры теории и истории социологии факультета социологии
katezevs@yandex.ru

Искандерова Лилия Витальевна

Санкт-Петербург
СПбГУ, студент IV курса бакалавриата факультета социологии
iskanderovalilya@mail.ru

Кашпар Вадим Иванович

Гродно (Республика Беларусь)
ГрГУ им. Янки Купалы, студент V курса специальности «социология» кафедры социологии и специальных социологических дисциплин факультета истории, коммуникации и туризма
kavabonga.v.k@gmail.com

Ковтун Екатерина Андреевна

Санкт-Петербург
СПбГУ, магистрант II курса кафедры социологии политических и социальных процессов факультета социологии
ekaterin.kovtun@yandex.ru

Латыпов Ильяс Альбертович

Москва
НИУ ВШЭ, магистрант I курса
i.latypov94@mail.ru

Махова Мария Александровна

Екатеринбург
УрФУ, магистрант департамента политических и социологических наук
manushka100@mail.ru

Морозова Виталия Олеговна

Санкт-Петербург
СПбГУ, студент кафедры социологии культуры и коммуникации факультета социологии
morozova_vitaliya@inbox.ru

Николаенко Георгий Александрович

Санкт-Петербург
СПбГУ, аспирант II года обучения кафедры теории и истории социологии факультета социологии
Eastrise.spb@gmail.com

Румянцева Мария Александровна

Санкт-Петербург
СПбГУ, студент IV курса кафедры социологии культуры и коммуникации факультета социологии
mary23rum@gmail.com

Руппель Анастасия Фридриховна

Санкт-Петербург
СПбГУ, магистрант I курса факультета социологии
anastasija.ruppel@gmail.com

Самарина Анастасия Олеговна

Саратов
СГУ им. Н. Г. Чернышевского, магистрант I курса кафедры социологии регионов
Samarinaao@yandex.ru

Свищёва Екатерина Анатольевна

Архангельск

САФУ, студент IV курса кафедры философии и социологии Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации

katushka-1995s@mail.ru

Филиппова Татьяна Ивановна

Санкт-Петербург

СПбГУ, студент IV курса кафедры теории и истории социологии факультета социологии

Filippova.t.iv@gmail.com

Шапкина Александра Николаевна

Санкт-Петербург

СПбГУ, студент IV курса кафедры социологии культуры и коммуникации факультета социологии

shappusya@mail.ru

Швиндт Ульяна Сергеевна

Екатеринбург

УрФУ, магистрант департамента политологии и социологии

uliana_s@list.ru

Шестакова Светлана Александровна

Санкт-Петербург

СПбГУ, студент IV курса кафедры прикладной и отраслевой социологии факультета социологии

shestakova.hri@gmail.com

Яколенко Анастасия Данииловна

Санкт-Петербург

СПбГУ, магистрант II курса кафедры социологии политических и социальных процессов факультета социологии

staiiise-95@mail.ru

**АКТУАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ:
новые тенденции в теории и методах**

*Сборник научных статей
по итогам VI Социологической Школы СПбГУ
26–29 октября 2016 года*

Издательство «Скифия-принт».
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10

Верстка — *Козлова Т.А.*

Заказ №4257
Формат 60 × 90 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 12,25.